Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК
ЦК ВКП (б)

Год издания VII

Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА"
Адрес редакции:
Москва, 9, Тверская, 4
Тел 1-13-22, коемл. 2-98

№ 9 15 МАЯ 1930 г.

Индустриализация СССР к XVI с'езду ВКП(б).

Истекший со времени XV с'езда период является нагляднейшим и ярким свидетельством величайших успехов партии в области социалистического строительства и индустриализации страны, в области широкого развертывания крупной социалистической промышленности, являющейся,— как это неоднократно подчеркивал Ленин,— «единственной возможной экономической основой» социализма.

XV с'езд партии собрался в тот исторический год, когда крупная социалистическая промышленность, закончив «восстановительный» период, вступила на путь широкой реконструкции, когда был достигнут довоенный уровень производства, были оставлены позади «довоенные» мерки наших успехов, когда нужны были уже иные мерки, иные масштабы, иные измерители наших успехов в области хозяйственного и—в частности—промышленного строительства

XVI с'езд собирается в не менее глубокого исторического значения год. Крупная социалистическая промышленность за три последних года (1927/28—1929/30 г.г.) сделала новый гигантский скачок вперед, увеличив размеры своего производства больше чем в два раза и, тем самым, в два с лишним раза превысив размеры довоенного производства. При чем, что особенно важно, два последних года показывают все возрастающую кривую темпов роста промышленного производства, обещая в следующем—1930/31 году—дать такой годовой прирост промышленной продукции, который будет лишь немногим отставать от размеров годового довоенного производства.

Успехи социалистического строительства, успехи пятилетки, о которой буржуазные экономисты в свое время говорили, что «если этот план будет выполнен в 50 лет, то и тогда это будет грандиозно»—

настолько очевидны, что не могут не вызвать вынужденных признаний капиталистического мира. Но все значение и весь смысл этих успехов становятся еще более яркими в сопоставлении с темпами развития капитализма.

В САСШ, стране передового капитализма, в которой условия капиталистического развития были наиболее благоприятны (отсутствие феодальных пережитков и т. д.), рост промышленной продукции в среднем колебался около 4,5% в год. А первые два года осуществления пятилетки в нашей стране дают среднегодовой рост продукции на 28%, при чем уже сейчас становится совершенно очевидным, что третий год пятилетки по темпам роста продукции окажется значительно выше первых двух. В сопоставлении этих цифр отражены величайшие преимущества советской системы хозяйства, позволяющие осуществлять невиданные в истории темпы развития промышленности, недоступные ни одной капиталистической стране.

Здесь — в стране строящегося социализма—нормальный рост промышленности — 25—30% в год, там — в стране капитализма— 4,5%; здесь — ускорение темпа хозяйственного развития, там — замедление его, абсолютное падение (Англия) или стабилизация (Германия); здесь — неизменно высокий и ускоряющийся темп, там — непродолжительные кон'юнктурные под'емы, прерывающиеся продолжительными депрессиями и разрушительными кризисами, отбрасывающими хозяйство назад.

Это сопоставление двух хозяйственных систем: советской системы хозяйства и системы капиталистической, особенно ярко подчеркивает прогрессивность советской системы и реакционность — системы капиталистической, в свете того кризиса, который переживает капитализм в целом и капиталистическая промышленность в частности и в особенности. В то время, как промышленность СССР за истекшее полугодие текущего года увеличила свою продукцию примерно на 30%, промышленная продукция САСШ за последние 8—9 месяцев сократилась на 18—20%, промышленная продукция Германии сократилась на 13%, Польши — на 19%, Канады — на 10—12% и т. д. Крутой кривой под'ема промышленности СССР «корреспондирует» не менее крутая кривая падения в странах капитализма.

Все это в свете перевыполнения проектировок пятилетнего плана по важнейшим показателям, твердой решимости пролетариата выполнить пятилетний план в 4 года,—говорит за то, что директива партии «в кратчайший срок догнать, а затем и перегнать капиталистические страны» может быть осуществлена действительно в кратчайший срок и даже в более короткий, чем можно было предполагать раньше.

И именно на базе этих величайших успехов социалистической промышленности был достигнут и обеспечен тот великий перелом в развитии сельского хозяйства Союза, означающий «всемирно-исторического значения перелом в развитии СССР». Налицо уже имеется та социалистическая промышленность, которая способна и в силах при-

ступить к разрешению труднейшей проблемы социалистической революции—социалистической организации земледелия. Промышленность, обслуживающая производственные нужды сельского хозяйства (с.-х. машиностроение), уже в текущем году больше чем в шесть раз превысит довоенные размеры производства, а в следующем—1930/31 году, доведет свое производство до размеров, примерно в десять-двенадцать раз превышающих довоенные размеры производства в СССР и современные размеры производства в САСШ!

Разрешая труднейшую задачу революции — социалистическое переустройство сельского хозяйства, этот рост крупной социалистической промышленности разрешает и задачу повышения обороноспособности Советского Союза — важнейшую задачу в деле обеспечения успешного завершения строительства социализма.

Пятилетний план из «пустой мечты», «утопии», «смелой фантазии» — как это пытались представить апологеты капитализма — уже превратился в реальный факт и в суровый приговор для изживающего себя капиталистического строя. Отсюда и обострение нашего международного положения, отсюда новая волна бешеной травли со стороны мировой империалистической прессы и ее социал-фашистских подголосков против СССР, отсюда учащающиеся попытки не только финансовой блокады, но и прямых организованных выступлений капиталистических клик против нас. Лихорадочными вооружениями, экономической блокадой, «обработкой мнения» готовится к крестовому походу на страну диктатуры пролетариата мировой капитал, делая попытку в этом найти выход из кризиса, охватившего крупнейшие капиталистические страны.

И именно в дальнейшем укреплении нашей промышленности и особенно ее отраслей, повышающих нашу обороноспособность, лучшая гарантия того, что страна пролетарской диктатуры успешно доведет до конца дело построения социализма.

Другим выражением, другой стороной укрепления нашей обороноспособности и успешного хода социалистического строительства явилось дальнейшее освобождение нашей страны от капиталистической зависимости и прежде всего по линии машин и оборудования самой промышленности. Отбросив в сторону вреднейший троцкистский лозунг о максимально широком развитии внешне-торговых связей вообще, и положив в основу своей работы четкую директиву XV с'езда о максимально широких таких связях (расширение внешней торговли, иностранного кредита, концессий, привлечение иностранных технических сил и т. п.), которые увеличивают хозяйственную мощь Союза, делают его более независимым от капиталистического мира, расширяют базу дальнейшего индустриального развития Союза, партия сумела на этом пути добиться крупнейших успехов. Доля импортного оборудования, составлявшая до войны не менее 50%, составила в 1927/28 г. уже только—33%, а в 1929/30 г.—22—23%. При этом необходимо подчеркнуть, что это ослабление нашей зависимости от капи-

талистического хозяйства происходило в условиях общего роста промышленности и огромного размаха капитального строительства, пред'явивших величайшие требования к советскому машиностроению. Ослабление нашей зависимости от капиталистического хозяйства по линии машин и оборудования как для самой промышленности, так и для других отраслей промышленности — прямой результат крупных успехов нашего собственного машиностроения, увеличившего свою продукцию за три последних года с 439 млн. руб. до 1.200 млн. рублей или почти в три раза и превысившего как общие темпы роста всей промышленности в целом, так и ее отраслей, производящих средства производства. Еще более значительны были темпы роста электротехнической промышленности, увеличившей свою продукцию за этот же период в 3,75 раза.

Однако, даже и эти темпы развития машиностроительной и электротехнической промышленности недостаточны. Резко обозначившаяся потребность в организации и переустройстве собственной машиностроительной базы,—решающего звена технической реконструкции страны,—требуют, чтобы следующий год пятилетки стал годом машиностроительным. Вот почему максимальное развертывание машиностроения — является важнейшей задачей промышленности на ближайшем этапе социалистического строительства.

Крупнейшую роль в деле освобождения нашего хозяйства от капиталистической зависимости сыграла постановка промышленностью ряда новых производств, удельный вес которых в общей массе промышленной продукции составит в текущем году около 17%. Сюда относятся: турбины, генераторы к мощным водяным и паровым турбинам, котлы повышенного давления, дизеля и компрессора большой мощности, мощные трансформаторы, высоко-вольтная аппаратура, оборудование нефтяной промышленности, врубовые машины, углемойки и сортировки, буровое оборудование и станки для геологических разведок, текстильное и химическое машиностроение, оборудование для промышленности строительных материалов и строймеханизации и т. д., и т. п.

Массовая постановка новых производств позволит сделать еще более значительный сдвиг в деле дальнейшего высвобождения промышленности и народного хозяйства от капиталистической зависимости.

Наконец, именно на базе этого роста крупной социалистической промышленности были достигнуты крупнейшие успехи в деле повышения материального и культурного уровня жизни рабочего класса. При вовлечении в промышленное производство, за период с XV с'езда, свыше полумиллиона новых рабочих и абсолютном снижении общего количества безработных, при систематическом росте производительности труда, проведении непрерывки и семичасового рабочего дня, при крупнейших вложениях в жилищное строительство и росте бюджета социального страхования, реальная заработная плата рабочих достигла 139% довоенного ее уровня, а вместе с начислениями на зарплату — 167% довоенного ее уровня.

В этом процессе систематического увеличения числа рабочих, сокращения рабочего дня и повышения материального и культурного уровня жизни рабочего класса находят свое яркое выражение преимущества страны пролетарской диктатуры перед капиталистическими странами, где происходит колоссальное увеличение количества безработных, при одновременном удлинении рабочего дня и снижении заработной платы.

Где же причины и где источники этих неслыханно высоких темпов развития нашей социалистической промышленности? Прежде всего в величайшей активности широчайших масс рабочего класса. Преодолевая мелкобуржуазную анархичность отсталых слоев рабочего класса, преодолевая их рваческие и узко-цеховые интересы, являющиеся прямым выражением обострения классовой борьбы в стране, передовые слои рабочего класса вступили в борьбу за лозунг: «пятилетка—в четыре года», **в социалистическое** соревнование, открывшее новую эпоху в деле социалистического строительства. Вовлекая все новые и новые слои рабочих в социалистическое соревнование и ударничество, показывая чудеса трудового энтузиазма и героизма, развивая неслыханную активность, инициативу и изобретательство, рабочий класс СССР вступил в бой за социализм, одерживая на трудовом фронте одну победу за другой, приближая и ускоряя завершение пятилетки, приближая и ускоряя полную победу социализма. Проснулись те творческие силы, которые веками душил и прижимал капитализм, широко развернулись те организаторские таланты, которых непочатый край был среди этих миллионов и которых систематически глушил капитализм. И именно здесь, в первую очередь и прежде всего, надо искать корни и источники тех темпов социалистического строительства, которых мы уже достигли и которые имеют все основания быть еще более ускоренными.

Нет сомнений, велики и грандиозны наши успехи в области развертывания крупной социалистической промышленности. Но именно в свете этих успехов ярко оттеняются недостатки и неразрешенные задачи в работе нашей промышленности. И нашей задачей, не умаляя достигнутых промышленностью успехов, является самое беспощадное разоблачение недостатков в ее работе, ибо только преодолевая и исправляя эти недостатки, не допуская малейшего «головокружения от успехов», мы сумеем добиться еще больших итогов, добиться еще более высоких темпов развития крупной социалистической промышленности—основы основ социализма.

Говоря о недостатках и неразрешенных задачах в работе промышленности, необходимо прежде всего остановиться на качественных показателях ее работы: себестоимости промышленной продукции и стоимости строительного индекса, производительности труда. Систематическое отставание этих качественных показателей от плановых заданий не только снижает общие результаты работы промышленно-

сти, не только снижает возможные размеры внутрипромышленных на-
коплений и тем самым ограничивает возможные темпы роста промыш-
ленности, но и ставит под прямую угрозу выполнение годовых пром-
финпланов. Нашей важнейшей задачей является добиться здесь к о-
р е н н о г о перелома, именно и в первую очередь (не выпуская, однако,
из поля зрения и необходимости выполнения количественных показа-
телей), на разрешении этих проблем сосредоточив внимание всего ра-
бочего класса, партийных, профессиональных и хозяйственных орга-
нов. Особое значение приобретает в настоящих условиях «положение
с качеством промышленной продукции, которое находится на очень
низком уровне, в отдельных случаях имеет тенденцию к дальнейшему
ухудшению». Между тем, ухудшение качества продукции является
особо опасным для всего народного хозяйства, ведя к прямому р а с-
т о ч и т е л ь с т в у сырья, материалов и рабочей силы, усилению дефи-
цита товаров, ухудшение качества тормозит тем самым успешное вы-
полнение задач повышения реальной заработной платы.

Проблема улучшения качества продукции и качества строитель-
ства имеет решающее значение для промышленности и всего народ-
ного хозяйства и от правильного ее разрешения зависит в значитель-
ной мере успешность выполнения всего плана социалистического
строительства. Улучшение качества продукции — задача первостепен-
ной важности. На ее разрешении должно быть сосредоточено особое
внимание и здесь мы прежде всего должны добиться решительного и
коренного перелома в существующем положении, ибо без этого в зна-
чительной мере фиктивными могут стать высокие показатели количе-
ственного увеличения выпуска продукции.

В прямой связи с общим улучшением качества всей работы про-
мышленности, и на этой основе обеспечения еще более высоких хо-
зяйственных показателей ее работы, стоит проблема максимального ис-
пользования производственных резервов промышленности. Надо пря-
мо сказать: несмотря на имеющиеся достижения в этом деле, достиг-
нутые успехи все же невелики. Промышленность до сих пор обладает
большими ресурсами неиспользованной производственной мощности.
Переход к непрерывному производству был большим шагом вперед
в использовании производственной мощности нашей промышленно-
сти. Но этим еще далеко не исчерпываются все наличные резервы, не
говоря уже о том, что непрерывным производством охвачено пока
лишь две трети промышленности. Большим дополнительным источ-
ником является здесь увеличение сменности, коэфициент которого в
текущем году достиг всего лишь 1,6. Наконец, своевременно поставить
на обсуждение вопрос о расширении практики непрерывного рабочего
дня, что может явиться новым дополнительным источником в деле
ускорения темпов нашего промышленного развития.

Ближайшие годы хозяйственного развития должны стать годами
максимальной мобилизации и использования всех невыявленных ре-
зервов производственной мощности нашей промышленности, правиль-
ное и полное использование которых является важнейшим условием

ускорения темпов социалистической индустриализации.

Однако, повелительная необходимость мобилизации всех неис-
пользованных резервов производственной мощности оборудования
нашей промышленности не только не снимает, но, наоборот, со всей
остротой ставит проблему форсированного развертывания собствен-
ного машиностроения. Ибо, как это подчеркивается в тезисах тов.
Куйбышева,—«лишь при условии и на базе форсированного развития
м а ш и н о с т р о е н и я, в особенности станкостроения, электротехни-
ческого машиностроения, котло- и трубостроения, дизелестроения,
тяжелого машиностроения и т. д.», возможно разрешение стоящих
перед нами задач в деле радикальной материально-технической рекон-
струкции всех отраслей народного хозяйства.

Именно ограниченность нашей машиностроительной базы яв-
ляется наиболее трудно преодолимым лимитом в развертывающемся
процессе материально-технической реконструкции как самой промыш-
ленности, так и всех остальных частей народного хозяйства, и именно
здесь наиболее болезненно ощутима наша зависимость от капиталисти-
ческого мира. Вот почему проблема постановки собственного машино-
строения выдвигается как в а ж н е й ш е е з в е н о ц е п и. Вот почему
в тезисах тов. Куйбышева предлагается следующая формулировка в
отношении машиностроения: «XVI с'езд считает необходимым, чтобы
план машиностроения был пересмотрен под углом зрения высвобож-
дения промышленности и народного хозяйства от иностранной зави-
симости и обеспечения основных потребностей народного хозяйства
продукцией машиностроения».

Наряду с постановкой общего машиностроения особо важное
значение приобретают отрасли промышленности, обслуживающие про-
изводственные нужды коллективизирующегося сельского хозяйства.
Великое движение бедняцко-середняцких масс крестьянства к коллек-
тивным формам труда должно быть подкреплено и закреплено рекон-
струкцией материально-технических основ сельскохозяйственного
производства. А это требовало и требует максимально возможных
темпов в развитии таких отраслей промышленности, как с.-х. машино-
строение, автотракторная промышленность, промышленность химиче-
ских удобрений и т. д.

Р а з в и т и е м а ш и н о с т р о е н и я в о в с е х в и д а х—в о т
з а д а ч а з а д а ч, к о т о р а я д о л ж н а б ы т ь р а з р е ш е н а н а м и
н а п р о т я ж е н и и ближайших лет. И соответственно этому необ-
ходимые темпы развития должны быть обеспечены за всеми теми от-
раслями промышленности (черная и цветная металлургия, энергетика,
стройматериалы), которые являются базой и условием ее развития.

По-новому начинает ставиться и проблема легкой индустрии.
Превышающий проектировки пятилетки рост количества рабочих, во-
влекаемых в промышленное производство, транспорт, коммунальное
хозяйство и т. д., превышающий проектировки пятилетнего плана рост
с.-х. пролетариата (совхозы, МТС и т. д.), наконец, рост колхозов, да-
леко превысивший проектировки пятилетнего плана,—все это источ-

ники новых, добавочных требований к легкой индустрии. Между тем, именно по некоторым отраслям легкой индустрии (хлопчатобумажная промышленность и др.) мы развиваемся темпами, о т с т а ю щ и м и от роста платежеспособного спроса населения. Нашей задачей должно быть п о д т я н у т ь легкую индустрию, обеспечить более высокие, чем это было до сих пор, темпы ее развития.

Однако, если в тяжелой индустрии лимитом развития является — оборудование, наличная производственная мощность предприятий, то в большинстве отраслей легкой индустрии лимитом развития является ограниченность их сырьевой базы. Проблема легкой индустрии это в значительной степени проблема ее сырьевой базы. Вот почему именно на развитии с.-х. сырьевой базы заостряют внимание тезисы тов. Куйбышева:

«Рост потребностей широких рабочих и крестьянских масс и задача систематического повышения материального и культурного уровня их жизни, с одной стороны, ограниченность с.-х. сырьевой базы, ограничивающей возможности развития отраслей легкой индустрии,— с другой, требуют, чтобы на протяжении остающихся трех лет было обеспечено в основном освобождение промышленности по переработке с.-х. сырья от зависимости в отношении иностранного рынка и доведение сырьевой базы промышленности СССР до уровня, обеспечивающего полное выполнение пятилетнего плана и максимальную загрузку существующего оборудования соответствующих отраслей легкой индустрии».

Н и в к о е й м е р е н е л ь з я п р е у м е н ь ш а т ь з н а ч е н и е р а з р е ш е н и я э т о й з а д а ч и, и б о с ю д а в з н а ч и т е л ь н о й м е р е у п и р а е т с я р а з р е ш е н и е в а ж н е й ш е г о в о п р о с а о п о в ы ш е н и и р е а л ь н о й з а р а б о т н о й п л а т ы.

Необходимым условием и предпосылкой выполнения всех этих задач, стоящих перед промышленностью, является проблема кадров, подготовки квалифицированной рабочей силы и инженерно-технического персонала. Положение с кадрами нашей промышленности требует «решительного и резкого расширения и качественного улучшения практической работы в области подготовки и повышения квалификации кадров промышленности», полного использования всех существующих форм и методов их подготовки, включая и краткосрочные формы (ЦИТ, бригадное ученичество, курсы по квалификации и переквалификации и т. д.). Одновременно с этим должна быть расширена практика посылки за границу рабочих и специалистов и приглашение в СССР иностранных специалистов и техников, усилен обмен опытом внутри страны и использование передовой иностранной техники.

Нет сомнений, велики наши успехи в области промышленного строительства. Но мы ни на одну минуту не должны забывать, что эти успехи были достигнуты в непримиримой борьбе с правыми оппортунистами, требовавшими свертывания темпов индустриализации и особенно отраслей тяжелой индустрии, требовавшими отказа партии

от активной политики и тянувшими партию на позиции «самотека», пассивного приспособления к узким местам и капитулянтства перед трудностями.

Исключительно высокие темпы нашего развития с исключительной быстротой отчетливо показали полное банкротство правооппортунистической линии. Совсем еще недавно правые оппортунисты выступали за свертывание темпов индустриализации. Они пугали партию «непреодолимым» товарным голодом, нехваткой строительных материалов, прочими узкими местами, вызывали устрашающий призрак инфляции. Не веря в возможность осуществления пятилетки, они постаралась противопоставить ей куцую «двухлетку». Правые оппортунисты с особенной энергией атаковали линию партии в вопросе об усиленном развитии тяжелой промышленности, являющейся основой социалистической перестройки всего хозяйства советской страны. Линия правых уклонистов была и есть отражением давления капиталистических элементов и влияния мелкобуржуазной стихии на отдельные прослойки рабочего класса и неустойчивые элементы его партии в условиях резкого обострения классовой борьбы. Линия правого уклона—это линия капитуляции перед капиталистическими элементами, капитуляции перед трудностями строительства социализма.

Партия в беспощадной борьбе с правым уклоном твердо и уверенно проводила линию развернутого социалистического наступления, мобилизуя миллионные массы пролетариев и бедняцко-середняцкого крестьянства на дело индустриализации, на дело социалистической перестройки деревни.

Партия сумела добиться огромных успехов в деле строительства социализма, в деле ускорения темпов индустриализации. В свете этой исторической проверки со всей отчетливостью выступает мощная сила подлинно ленинской линии партии. Троцкизм в свое время противопоставлял линии партии свою линию авантюристической сверхиндустриализации, строя ее на основе политики р а з м ы ч к и, на базе теории «эксплоатации крестьянства»—«колонии» для государственной промышленности.

Только вдребезги разгромив троцкизм, выродившийся в пошлое, контрреволюционное течение, только твердо проводя подлинно ленинскую линию прочного союза пролетариата и деревенской бедноты с середняцкими массами крестьянства, неуклонно укрепляя руководящую роль рабочего класса в этом союзе,—партия сумела добиться того решительного ускорения нашего движения вперед, которое предсказывал Ленин еще при переходе к нэпу.

Социалистическая индустриализация СССР не механический организационно-технический процесс. Она является «участком» ожесточенной классовой борьбы.

Индустриализация СССР—основа основ нашего строительства, обеспечивающая и закрепляющая успехи в деле социалистической реконструкции сельского хозяйства, в деле выкорчевывания корней

капитализма, в деле ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации.

Мы проводим индустриализацию в условиях ожесточенного сопротивления капиталистических элементов, бешеной травли Советского Союза со стороны мирового империализма и его социал-фашистской агентуры. Классовый враг в остервенелой борьбе против социалистического строительства пытается непосредственно сорвать дело индустриализации. Разветвленная и всесторонне организованная система вредительства, раз'едавшая организм нашей промышленности, не останавливающаяся ни перед чем в попытках парализовать промышленность и транспорт, взорвать наше строительство,—является достаточно ярким участком бешеной классовой борьбы. Наша партия сумела разгромить вредителей, сумела мобилизовать миллионные пролетарские массы и зажечь в них подлинный энтузиазм социалистического строительства. Опираясь на эту могучую силу партии удалось, в основном, разбить вредительский фронт классовой борьбы и поднять до небывалой высоты темпы индустриализации. Но классовая борьба на фронте индустриализации не исчерпывается одним вредительством. Давление враждебных классов, мелкобуржуазные колебания неизбежно находят известное отражение в отдельных прослойках рабочего класса.

Важнейшей задачей партии и—в первую голову,—профсоюзов, которые должны по-настоящему повернуться лицом к производству, является упорное и настойчивое преодоление отсталых настроений в отдельных прослойках рабочего класса, отпор хвостистским тенденциям, сплочение всех рабочих вокруг конкретных задач борьбы за индустриализацию, за коллективизацию, за построение фундамента социалистического общества.

Партия одержала ряд крупнейших побед в деле индустриализации СССР и социалистической переделки сельского хозяйства.

Только в упорной борьбе партии против правых оппортунистов—главной опасности — при одновременной борьбе с рецидивами троцкизма, были достигнуты эти успехи.

И только в дальнейшей упорной, беспощадной и энергичной борьбе с правым оппортунизмом, остающимся главной опасностью в рядах партии, при одновременной борьбе со всякого рода «лево»-оппортунистическими ошибками, в том числе и «сверхиндустриалистского» типа, может быть и будет обеспечено разрешение всех стоящих перед нами задач в области промышленного строительства. Лучшей порукой в этом является все расширяющаяся волна социалистического соревнования и ударничества, все большее вовлечение новых и новых сотен тысяч и миллионов трудящихся в это великое дело, открывшее новую эпоху в истории борьбы за социализм.

Ем. Ярославский.

Борьба против оппортунизма в период между XV и XVI с'ездами ВКП(б).

(О новых формах проявления оппортунизма в теории и на практике).

Перед XVI с'ездом нелишне напомнить основные факты борьбы с различными извращениями партийной линии, борьбы с оппортунизмом.

Длившаяся в течение нескольких лет борьба против троцкистов закончилась на XV с'езде исключением из рядов партии всей троцкистской оппозиции, которая пыталась между XIV и XV с'ездами создать об'единенный блок всех оппортунистических фракционных групп и группировок, начиная от рабочей оппозиции, кончая группой децистов-сапроновцев. За этот период к основному ядру троцкистов присоединилась и образовавшаяся накануне XIV с'езда так называемая «ленинградская» или «новая оппозиция». История нашей партии знает такие блоки различных группировок, направленные против линии партии, блоки ультра-«левых» с ультра-правыми ликвидаторами, как это было накануне империалистической войны.

Об'единенный блок был сколочен прежде всего на борьбе с партийным руководством; эта борьба в сравнительно короткий срок переросла в открытую борьбу против пролетарской диктатуры в нашей стране. Блок фракционных групп об'единяло отрицание социалистического характера нашей революции. Ленинским положениям о возможности победы социализма в нашей стране троцкистский блок противопоставлял меньшевистские идейки о неизбежном крушении под давлением трудностей и противоречий в условиях отсталой страны.

Троцкизм обвинял партию в «минимализме» и противопоставлял курсу партии на индустриализацию страны на основе укрепления союза с середняком, — темпы, достижимые лишь ценой разрыва с середняком. Троцкизм обвинял партию в поддержке кулачества. Эти факты не лишне напомнить теперь, когда троцкисты качнулись ныне к обвинению в «призовой скачке индустриализации», якобы проводимой ныне партией, к обвинению в коллективизации административным нажимом (в чем они слово в слово сходятся с германской социал-демократией), к борьбе с лозунгом ликвидации кулачества, т.-е. по существу, к защите кулака. Такой тип качания «слева» направо не раз случался за последние годы. Взять хотя бы вопрос о рационализации. Троцкий начал с предложения провести «жесткую концентрацию» предприятий с закрытием таких заводов, как Путиловский, Брянский и т. п., требуя более сурового нажима на рабочих, а вскоре после этого в ходе борьбы с партией договорился до полного отрицания рационализации. Или совмещение в троцкистском блоке идей эксплоатации крестьянства с предложением «восстановительных цен» на хлеб. «Левая», «пролетарская» оппозиция выступала, как известно, против 7-часового рабочего дня. «Левая» оппозиция, ратовавшая якобы за борьбу с капитализмом, предлагала выкачать средства пролетарского государства из кооперации и торговли. Правая и «левая» смыкаются тут в целом

ряде пунктов. Оппозиция выдвинула тогда обвинение партии в «термидорианском» перерождении, не замечая того, что фактически переродились сами сторонники оппозиции, скатившиеся полностью к меньшевистским установкам.

Говоря о термидорианском перерождении, троцкисты механически переносили «закономерность развития крестьянского хозяйства при капитализме целиком и полностью на эпоху диктатуры пролетариата, плетясь таким образом, в хвосте буржуазных идеологов» [1]). Уже тогда обнаружились некоторые черты сходства, с р о д с т в а между правыми и «левыми» оппортунистами по отношению к целому ряду вопросов. И те и другие механически переносят законы капиталистического хозяйства, законы развития капиталистических стран, законы рыночных отношений в обстановку советской действительности, в обстановку пролетарской диктатуры, к о р е н н ы м о б р а з о м меняющей экономические производственные отношения, а стало быть, и взаимоотношения классов.

Для всякого ясно, что со времени XIV партконференции и XV партс'езда произошли очень глубокие изменения в социальных взаимоотношениях города и деревни и в области хозяйства.

В резолюции XV с'езда мы читаем:

> «1) Вырос социалистический сектор народного хозяйства, а вместе с ним и удельный вес рабочего класса; 2) ...частный капитал оказался выбитым из ряда важнейших позиций; 3) ...в деревне совершенно ясно обозначились и основные противоречия и рычаги социалистического развития, т.-е., с одной стороны, некоторый рост кулачества, с другой стороны, усиление середняцкой группы и рост организованности деревенской бедноты, быстрое развитие кооперации, которое в условиях пролетарской диктатуры равносильно, по Ленину, «росту социализма» и усиление планово-регулирующей роли госорганов по отношению к крестьянскому хозяйству.
>
> Со времени XIV партконференции и XIV партс'езда и в связи с соответствующей политикой партии произошел ряд крупных изменений по другой линии: 1) возросла площадь посевов и резко уменьшилось количество необработанных земель, что стоит в связи с общим под'емом хозяйства основной массы крестьянства; 2) в политической области усилился отход середняка от кулачества, укрепился союз рабочего класса с середняцкими массами крестьянства и обнаружился решительный перелом в сторону изоляции кулака».

Поэтому XV с'езд постановил, что

> «необходимо продолжать проводимую партией ленинскую политику союза с середняком. Достигнутые успехи политики партии в деревне и создавшаяся в связи с этим новая обстановка позволяют партии пролетариата, пользуясь всей мощью хозяйственных органов и попрежнему опираясь на бедняцко-середняцкие массы крестьянства, развивать дальше наступление на кулачество и принять ряд новых мер, ограничивающих развитие капитализма в деревне и ведущих крестьянское хозяйство по направлению к социализму».

С троцкистской оппозицией как с в н у т р и п а р т и й н о й г р у п п о й с'езд покончил, ибо для всех стало ясно, что речь идет уже не об о п п о з и ц и и внутри партии, а о д р у г о й п а р т и и, члены которой, оставаясь в рядах ВКП(б), пытались взорвать эту партию изнутри.

С'езд это сказал со всей ясностью в резолюции об оппозиции: «От разногласий тактического характера, оппозиция перешла к разногласиям п р о г р а м м н о г о характера, ревизуя взгляды Ленина и скатившись к позиции меньшевизма», — читаем мы в этой резолюции.

> «Отрицание возможности победоносного строительства социализма в СССР и, следовательно, отрицание социалистического характера нашей революции; отрицание социалистического характера государственной промышленности; отрицание социалистических путей развития в деревне в условиях пролетарской диктатуры и политики союза пролетариата с основными массами крестьянства на базе социалистического строительства; наконец, фактическое отрицание пролетарской диктатуры в СССР («термидор») и связанное с этим капитулянтство и пораженчество,—вся эта идейная установка превратила троцкистскую оппозицию в о р у д и е м е л к о б у р ж у а з н о й д е м о к р а т и и в н у т р и С С С Р и в о в с п о м о г а т е л ь н ы й о т р я д м е ж д у н а р о д н о й с о ц и а л - д е м о к р а т и и з а е г о п р е д е л а м и.
>
> В области тактической о п п о з и ц и я, усиливая и обостряя свою работу против партии, перешла за грань не только устава партии, но и за грань советской легальности (нелегальные собрания, нелегальные типографии, нелегальные органы печати, насильственный захват помещений и т. д.). Завершением этой антисоветской тактики явился переход к открытой борьбе против режима пролетарской диктатуры, к устройству уличных демонстраций против партии и советского правительства 7 ноября 1927 г. Антисоветская тактика оппозиции, применяемая и за границей, связанная с пропагандой клеветнических наветов против СССР, фактически поставила оппозицию в один ряд с открытыми врагами страны диктатуры пролетариата.
>
> В области о р г а н и з а ц и о н н ы х вопросов оппозиция, опираясь на ревизию ленинских взглядов, от фракционности перешла к созданию своей собственной, троцкистской партии, наличие у оппозиции своего центрального комитета, областных, губернских, городских и районных центров, технического аппарата, членских взносов, печатных органов и т. д. и т. д. За границей троцкистская партия связалась не только с фракционными группками антиленинского толка, имеющимися внутри партий Коминтерна, но и с организациями, группами и отдельными лицами, никогда к Коммунистическому Интернационалу не принадлежавшими, равно как и с исключенными из Коминтерна врагами и изменниками коммунистического движения (Маслов, Рут Фишер, Корш, Суварин, Росмер, Роланд Гольст, Либерс и т. д. и т. п.). Такая организационная практика оппозиции привела к тому, что внутри СССР оппозиция связалась с беспартийными буржуазными интеллигентами (Щербаков и К°), в свою очередь связанными с открытыми контрреволюционерами, а за пределами СССР стала предметом широчайшей поддержки со стороны буржуазии всех стран».

[1]) Резолюция XV с'езда «О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства».

С тех пор партия имеет дело с троцкистами уже как с подпольной контрреволюционной группой, действующей вне партии, хотя отдельные ее члены продолжают еще и сегодня скрываться в недрах партии, используя всякие поводы и моменты для нападок на линию партии и действия советской власти, для разложения партийных рядов, для «пролезания в щель разногласий», возникающих в рядах партии, иногда для провокационных вылазок по отношению к партии. Троцкий же своими выступлениями в буржуазной печати, своими «разоблачениями» играет роль, мало отличную от роли Беседовского и других ренегатов и изменников рабочего класса. Поэтому с теми, кто продолжает оставаться на позициях троцкизма в настоящее время, партия не может разговаривать, как с оппозиционерами, — она рассматривает их как к о н т р р е в о л ю ц и о н е р о в. Значительная часть примкнувших к оппозиционному блоку между XIV и XV с'ездами отошла от оппозиции, часть их восстановлена в партии. Документы, опубликованные в печати, — письмо тт. Зиновьева и Каменева в редакцию ЦО, заявление тов. Пятакова от 28 II-28 г., Д. Серебрякова, Я. Дробниса, группы «38» (Ищенко, Поля, Феликса Вольфа и др.), заявление тт. Преображенского, Радека и Смилги о разрыве с оппозицией от 10 июля 1929 г., заявление тт. И. Н. Смирнова и И. М. Богуславского от 27 октября 1929 г. и более 500 индивидуальных заявлений свидетельствуют не только о полном распаде бывшего оппозиционного блока, но и о полном идейном развале среди бывших оппозиционных групп.

Партия вела решительную борьбу с другими группами, образовавшимися внутри партии до XV с'езда. Она изгнала из своих рядов группу децистов («демократического централизма»), скатившихся полностью к контрреволюционным установкам, пытавшихся вызвать стачечное движение, сорвать колдоговорную кампанию, выступавших с самыми демагогическими заявлениями по отношению к партии и органам совввласти, открыто заявлявшим о том, что они не считают СССР страной пролетарской диктатуры. Точно так же партия

изгнала из своих рядов пытавшуюся было возродиться группу мясниковцев, издавших несколько номеров подпольного журнала «Рабочий путь к власти», в котором меньшевистские идеи переплетаются с анархо-синдикалистскими, в самом контрреволюционном по отношению к советскому государству виде.

Конечно, партия не гарантирована от возникновения у отдельных партийцев и даже отдельных групп партийцев настроений, сходных по своей сущности с позицией троцкистов, децистов, мясниковцев и т. п. На трудных этапах нашей борьбы, покуда мы окружены капиталистическими странами, и пока в нашей стране еще есть мелкобуржуазные элементы, колеблющиеся, недовольные режимом пролетарской диктатуры, могут еще возникать группы и группочки, скатывающиеся к тем или иным контрреволюционным программам.

* * *

Партия вела и будет вести самую решительную борьбу против малейших проявлений троцкистских и полутроцкистских настроений у отдельных партийцев. Направляя главный огонь направо, партия не упускает из виду опасность «левых» настроений. Поэтому партия решительно осудила отдельные выступления членов партии, делавших «левые» ошибки и «левые» загибы. В этом смысле партия в свое время дала отпор выступлениям товарищей Шацкина, Стэна, Кострова и др.

Тов. Шацкин вынужден был признать, что его статья «Долой партийного обывателя» была серьезной политической ошибкой («написанная с целью раз'яснения правильной партийной точки зрения в ряде партийных вопросов, эта статья в обстановке острой борьбы троцкистов и правых против партийного режима на деле прозвучала, как выражение недоверия к партийному руководству и партийным кадрам» [1]). Тов. Шацкин вынужден был также признать политическую ошибку его выступления в комиссии XVI партконференции с предложением о создании новых широких организаций деревенской бедноты. Статья тов. Шацкина «Долой партийного обывателя», будучи напечатанной почти одновременно со статьей тов. Стэна «Выше коммунистическое знамя марксизма-ленинизма» и тов. Кострова о темпах перестройки, как он сам признает, «создавала известную обособленность, ведущую против моей воли и желания к проявлению элементов групповщины»...

Тов. Стэн также признал, что его статья «Выше коммунистическое знамя марксизма-ленинизма» в «Комсомольской Правде» приобрела «характер ошибочного политического тезиса, об'ективно политически получился призыв к недоверию партийному руководству, призыв комсомольцев самостоятельно проверить правильность генеральной линии партии» («Правда», № 254, 2 ноября 1929 г.). Аналогичные заявления в печати в свое время сделали и тт. Ксенофонтов и Костров.

* * *

Решения XV с'езда, XVI партконференции и последующих пленумов, принятие пятилетнего плана социалистического строительства, открывают собою новый период в жизни нашей партии, в жизни советского государства. Первые же трудности, которые пережила страна, вызвали серьезные колебания в отдельных прослойках партийцев, даже у отдельных членов ЦК. Первые же трудности 1928/29 г. вызвали панические крики о непомерных темпах принятого пятилетнего плана, о необходимости медленней двигаться в области социалистического строительства.

Мы уже указали на те изменения в развитии хозяйства и в соотношении классовых сил, происшедшие ко времени XV с'езда партии со времени XIV конференции и XIV с'езда, которые дали возможность партии поставить ряд новых задач, свидетельствовавших о нашем переходе на новую, более высокую ступень социалистического строительства. Развернутое наступление социализма и в городе и, особенно, в деревне стало развиваться ускоренными темпами. Усиливался натиск на капиталистические элементы. Трудности в области хлебозаготовок резко поставили вопрос о преодолении сопротивления кулачества и разгроме всех его попыток сорвать хлебозаготовки и опрокинуть наступление социализма. Сопротивление кулачества, обострившаяся борьба с его стороны вызвали через ряд посредствующих звеньев колебания в некоторых звеньях партии. Правый уклон после XV с'езда об'ективно отразил это давление кулака. Программа правого уклона явилась ни чем иным, как капитуляцией перед кулачеством. Кулачество, — это теперь главный, основной отряд капитализма в нашей стране.

[1] «Правда» № 262 от 12/XI-29 г. Заявление т. Л. Шацкина

«Кулак еще не добит и будет оказывать бешеное сопротивление победоносному продвижению коллективизации. Ликвидация кулачества как класса потребует длительной, упорной борьбы с кулаком, систематической работы над проведением коллективизации» [1]).

В партии резко обозначалось правооппортунистическое крыло. Как это произошло?

Надо отметить прежде всего, что правые оппортунисты выступали, по сути, в роли попутчиков партии в период, когда партия вела борьбу с троцкизмом, как внутрипартийным течением.

После разгрома троцкизма правые открыто выступили против генеральной линии партии, обнаружив свою подлинную правооппортунистическую сущность.

В истории нашей партии и раньше бывали такие случаи, когда в партии в тот или иной период заострения ею борьбы против правого оппортунизма или оппортунизма «левого»,—к основному марксистско-ленинскому ядру партии примыкали попутчики, понимавшие по-своему цели партийной борьбы.

На весь предстоящий период правый уклон, отражающий и выражающий это обостряющееся сопротивление кулачества, остается главной опасностью в партии. Без его преодоления нельзя успешно мобилизовать партию на твердое и четкое осуществление всей политики партии, в частности, дальнейшего развития коллективизации и лозунга ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации.

Имея в виду обстановку, сложившуюся после XV с'езда, и ряд выступлений правых оппортунистов против линии партии, ноябрьский пленум ЦК (1928 г.) отмечал:

«1) Всплывает правый (откровенно оппортунистический) уклон, который находит свое выражение в стремлении снизить темп и задержать дальнейшее строительство крупной индустрии, в пренебрежительном или отрицательном отношении к колхозам и совхозам, в недооценке и затушевывании классовой борьбы, в частности, борьбы с кулаком, в бюрократическом невнимании к нуждам массы, в недооценке борьбы с бюрократизмом, в недооценке военной опасности и т. д., 2). В то же время оживают социал-демократические, антисередняцкие, сверхиндустриалистские тенденции (троцкизм), скрывающие под левой фразеологией полуменьшевистское правое содержание и ведущее на деле к тем же гибельным результатам, как и открыто-правый уклон.

Отсюда задача борьбы на два фронта как против правого, откровенно-оппортунистического уклона, так и против социал-демократического, троцкистского «левого», т. е. по существу тоже правого, но прикрывающегося левой фразой уклона от ленинской линии. Само собой понятно, что преодоление этих уклонов предполагает систематическую борьбу с обывательски-беспринципной терпимостью по отношению к ним (примиренчество)!

Однако, констатируя, что в партии имеются два уклона, пленум считал, что «в настоящее время главной опасностью в ВКП является опасность правого откровенно-оппортунистического уклона».

[1]) Тезисы по докл. т. Яковлева к XVI с'езду ВКП(б).

Оппортунистические шатания обнаружились совершенно ясно уже осенью 1928 г. в московской организации в связи с продовольственными и другими хозяйственными трудностями. Уже тогда ЦК отмечал, что «эти колебания находят свое выражение в недооценке роли колхозов и совхозов и в стремлении к пересмотру решений XV с'езда об усилении наступления на капиталистические элементы деревни». В своем обращении ко всем членам московской организации ВКП(б) (18/Х-28 г.) ЦК указывает, что

«на теперешнем этапе социалистического строительства, ведущего в конечном счете к уничтожению классов, происходит обострение классовой борьбы, с особенной резкостью проявляющейся в деревне. Партия в своей политике исходит и не может не исходить из учета обострения классовой борьбы в стране, в частности, нашедшей свое выражение в серьезной вылазке кулацких элементов против хозяйственного плана пролетарского государства во время прошлогодних хлебозаготовок. Между тем, неизбежное давление мелкобуржуазной стихии, представляющей несмотря на рост обобществленного сектора, все еще огромную силу в нашей стране, нашло свое отражение в потере отдельными звеньями партийных организаций ясной классовой установки. Еще в своем письме от 13 февраля ЦК вынужден был отметить, что «в наших организациях как партийных, так и иных народились в последнее время известные, чуждые партии элементы, не видящие классов в деревне, не понимающие основ нашей классовой политики и пытающиеся вести работу таким образом, чтобы никого не обидеть в деревне, жить в мире с кулаком и вообще сохранить популярность среди «всех слоев» деревни».

«В условиях обострения классовой борьбы эта недооценка роли классов в нашей стране является особенно опасной, ибо она обезоруживает партию и усыпляет бдительность рабочего класса.

«Эта недооценка моментов классовой борьбы представляет из себя открыто оппортунистический уклон, лазейку для буржуазно-демократических тенденций.

«Другой уклон, порождаемый неверием в дело строительства социализма и капитулянтством перед трудностями,—это недооценка значения союза рабочего класса с средним крестьянством (троцкизм).

«Против обоих уклонов партия вела и ведет решительную борьбу».

Как в своем февральском письме о хлебозаготовках, так и на своих апрельском и июльском пленумах ЦК подчеркивает необходимость решительной борьбы на два фронта против обоих уклонов:

«Партия в своей политике должна исходить из решительной борьбы как с теми элементами, которые являются выражением буржуазных тенденций в нашей стране и пытаются обойти решение XV с'езда, «развивать дальше наступление на кулачество», так и с теми элементами, которые стремятся придать чрезвычайным и временным мерам характер постоянного или длительного курса и тем поставить под угрозу дело союза рабочих и основных масс крестьянства (см. резолюц. июльского пленума ЦК ВКП(б)).

«Ибо только на основе укрепления союза рабочих и крестьян под руководством рабочего класса можно завершить победоносное социалистическое строительство.

«Поэтому так же решительно, как боролась партия против троцкизма и будет бороться против его осколков, она должна и будет бороться против открыто-оппортунистического правого уклона, а значит и против примиренческого к нему отношения».

Весною 1928 года оппортунистические взгляды правых оформились в известном письме тов. Фрумкина. Если бы это письмо было только выражением индивидуального мнения тов. Фрумкина, дело, конечно, не приняло бы такого характера внутрипартийной борьбы. Но в том-то и дело, что тов. Фрумкин формулировал только в более или менее откровенной форме то, что бродило в головах многих правых оппортунистов, что высказывалось в тесном кругу отдельными партийцами. В годовщину смерти Ленина, в 1929 г., тов. Бухарин, говоря о завещании Ленина, дал целый ряд неверных, не-ленинских формулировок и в отношении кооперативного плана Ленина, и в отношении различных слоев крестьянства, и в отношении текущих ближайших задач партии, и по вопросу об обострении классовой борьбы. Целый ряд других выступлений правых заставляли партию насторожиться. Вопрос о правых

ставится еще более резко в центре внимания борьбы с оппортунистами, тем более, что, как это бывало и раньше, в периоды возникновения оппортунистических фракционных группировок, намечаются некоторые попытки правых сблокироваться с другими оппозиционными элементами против генеральной линии партии. В ЦК поступает документ, подписанный тремя членами ЦК тт. Бухариным, Рыковым и Томским с рядом обвинений против руководства. Против этих обвинений решительно выступило подавляющее большинство партии и был дан решительный отпор правым, после которого тт. Томский, Бухарин и Рыков вынуждены были 25 ноября 1929 г. опубликовать заявление в ЦК ВКП(б), в котором признают свои ошибки. В этом заявлении мы читаем:

«В течение последних 1½ лет между нами и большинством ЦК ВКП(б) были разногласия по ряду политических и тактических вопросов. Свои взгляды мы излагали в ряде документов и выступлений на пленумах и других заседаниях ЦК и ЦКК ВКП(б). Мы считаем своим долгом заявить, что в этом споре оказались правы партия и ее ЦК. Наши взгляды, изложенные в известных документах, оказались ошибочными. Признавая эти свои ошибки, мы со своей стороны приложим все усилия к тому, чтобы вместе со всей партией повести решительную борьбу против всех уклонов от генеральной линии партии и прежде всего против правого уклона и примиренчества с тем, чтобы преодолеть любые трудности и обеспечить полную и скорейшую победу социалистического строительства».

Это заявление было сделано после ноябрьского пленума ЦК, на котором подводился итог полуторагодичной борьбы с правыми. Пленум прямо указал на то, что под давлением мелкобуржуазной стихии и под давлением трудностей первых годов социалистической реконструкции у наименее устойчивых элементов партии зарождается идеология «капитулянтства» перед трудностями, дезертирство, попытки соглашения с кулацко-капиталистическими элементами города и деревни. В особенности пленум остановился на непонимании правыми неизбежности обострения классовой борьбы на новом этапе. Правые исходили из того, что обострение классовой борьбы получается благодаря плохой работе советов, правые проповедывали оппортунистическую теорию непрерывных уступок крестьянству со стороны пролетарского государства. Ноябрьский пленум 1929 г. напоминает слова Ленина о том, что

«мелкобуржуазным демократам свойственно отвращение к классовой борьбе, мечтание о том, чтобы обойтись без нее, стремление сгладить, примирить, притупить острые углы. Поэтому такие демократы либо отмахиваются от всякого признания целой исторической полосы перехода от капитализма к коммунизму, либо своей задачей считают выдумку планов примирения обеих борющихся сил, вместо того, чтобы руководить борьбой одной из этих сил» [1]).

Пленум характеризовал позицию правых уклонистов, как выражение «давления мелкобуржуазной стихии, паники перед обострившейся классовой борьбой, капитулянтства перед трудностями социалистического строительства».

Теперь, накануне XVI с'езда не трудно оценить разговоры правых «о деградации сельского хозяйства», о «системе феодальной эксплоатации крестьянства», о «размычке» с бедняцко-середняцкими массами крестьянства», о неизбежном голоде и ввозе хлеба, о непосильности взятых темпов индустриализации страны, о нереальности взятых темпов коллективизации и строительства совхозов, об отсутствии необходимых материальных технических предпосылок и нежелании бедняцко-середняцкого крестьянства переходить к коллективным формам земледелия, о необходимости равнения на «узкие места», пассивного приспособления к трудностям, о неизбежности общего хозяйственного кризиса и т. п. Все эти предсказания правых биты самой жизнью. К XVI с'езду партия приходит с большим серьезным балан-

[1]) Ленин, том XIV, стр. 347—348.

сом достижений в социалистическом строительстве в городе и деревне, с превышением первоначальных наметок и планов как в области промышленности, так и в области сельского хозяйства, с укрепившимся союзом рабочего класса и бедняцко-середняцкими массами крестьянства, с все более укрепляющейся системой планового регулирования всего народного хозяйства.

* * *

Партия боролась в период между XV и XVI с'ездами самым решительным образом против оппортунистических извращений на практике, которые принимали и принимают самые разнообразные формы. Правые оппортунисты сквозь пальцы смотрели, например, на смычку с частником, а иногда и поощряли ее. Правооппортунистические извращения финансово-планового аппарата, извращение классовой линии в распределении кредитов, машин и т. п. были прямым результатом влияния буржуазных и мелкобуржуазных элементов на отдельные прослойки наших партийцев в хозяйственных органах. Сюда же относится сопротивление проведению 7-часового рабочего дня, возражения против непрерывки, самостраховка при составлении планов капитального строительства с ориентировкой на минимальные программы, защита теории «об'ективных условий», якобы мешающих выполнению пятилетнего плана, отрицание или прохладное отношение к социалистическому соревнованию, пренебрежительное отношение к подготовке новых кадров и к выдвиженчеству, косность в отношении сокращения госаппарата и т. п. и т. д.

Конечно, партии приходится бороться и здесь на два фронта: бороться и против явлений противоположного порядка, когда сторонники максималистских программ не учитывают реальных возможностей строительства и тем самым создают добавочные трудности в деле социалистического строительства.

В области сельского хозяйства партия боролась решительно с правооппортунистическими попытками задержать рост коллективных хозяйств, с попытками подмены социалистического строительства строительством единоличного хуторского хозяйства. Мы имели, например, в Нижегородской губернии, в Городецком уезде попытки об'явить агронэп, при чем заведующий экономотделом оргплана губземуправления Миньков так «теоретически» обосновывал план агронэпа:

> «Партийные органы делают прямую ошибку, против экономики идут... Везде, где высоко развита промышленность, образуется пустыня, сельское хозяйство ничего не делает... Поэтому я считаю, что в известных районах надо выдвинуть принципы агрономического нэпа. Когда нэп об'явился, коммунисты были поражены и если бы об этом говорить до его об'явления, то обвиняли бы в контрреволюции,—я, конечно, и не говорил тогда. Теперь я эту вещь об агронэпе продумал и считаю, что нет ничего страшного в пределах некоторых районов выдвинуть принципы агронэпа, что конкретно выразится в отрубах»... («Правда», 23 августа 1929 года).

Такие же попытки насаждения хуторского хозяйства мы имели и в других областях—на Украине, в Белоруссии. Эти извращения партийной линии были усилены тем, что в ряде земельных органов крепко засела вредительская организация, раскрытая только в 1930 году. Вредители использовали правооппортунистический уклон в своих целях, в целях свертывания социалистического строительства, в целях усиления капиталистического сектора.

Оппортунизм на практике связывается во многих случаях с прямым «срастанием» отдельных членов партии с кулацкими или близкими к ним элементами, с перерождением отдельных коммунистов. Оппортунисты такого типа зачастую суб'ективно считают себя сторонниками линии партии. Тем опаснее такой «нутряной», стихийный, не осознанный иногда, но от

этого не менее вредный, оппортунизм. Он и в этом случае не перестает быть правым уклоном. Оппортунизм на практике имеет еще достаточные корни в мелкобуржуазных условиях страны, в условиях, когда капиталистические элементы используют все способы приспособления, все средства, чтобы увернуться, обмануть бдительность, пролезть даже в самую маленькую щель. Нужно иметь в виду, что капитализм сопротивляется, не только более или менее открыто обостряя борьбу, но и стремясь замаскироваться и таким образом отвести удары. В этой обстановке особенно велик вред оппортуниста на практике, становящегося агентурой классового врага.

* * *

Осень и весна 1930 года связаны с огромным оживлением колхозного движения. 6-го января 1930 года опубликовано постановление ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», в котором ЦК поставил задачу более быстрого осуществления коллективизации, чем это было намечено ранее и в пятилетке и в контрольных цифрах на 1929/30 год.

Несмотря на то, что в этом же постановлении были даны примерные сроки создания районов сплошной коллективизации с учетом всех особенностей отдельных областей и районов, целый ряд местных партийных организаций не приняли во внимание эти указания ЦК и поставили себе задачей уже весной 1930 года закончить коллективизацию. Так, например, бюро МК в заседании 18 февраля 1930 года принимает постановление: «В связи с тем, что в процессе весенней посевной кампании сплошная коллективизация в области в основном будет закончена, поручить тт. Зайцеву, Позднякову, Акопян и Коган с привлечением заинтересованных товарищей к 8 марта изучить все вопросы партийной, советской, кооперативной и т. д. работы, вытекающие из факта сплошной коллективизации области и требующие своего немедленного решения»...

Началось то «головокружение от успехов», против которого так решительно должен был выступить ЦК, опубликовав статьи тов. Сталина и вынеся ряд постановлений для исправления допущенных ошибок. Несмотря на то, что лозунг ЦК о ликвидации кулачества как класса был дан в совершенно ясном и точном виде, пленум МК 26—28 марта выносит постановление, в котором сказано, что «перед всей партией и московской областной организацией стоит как единая, выдвинутая ЦК политическая задача ликвидации кулачества и новой буржуазии в целом как класса в советском государстве». Через несколько дней МК и МКК вынуждены были признать эту ошибку, ибо ЦК не выдвигал задачи для настоящего периода—«ликвидации новой буржуазии в целом как класса» и речь шла о ликвидации кулачества как класса в районах сплошной коллективизации. Тов. Сталин вынужден был раз'яснить соотношение между этими двумя лозунгами—ликвидации кулачества как класса в районах сплошной коллективизации и ограничения, вытеснения кулака в районах, где нет сплошной коллективизации. Он раз'яснил (в ответе свердловцам), что второй лозунг является подсобным, вспомогательным, но, что это вовсе не значит, что можно подменить лозунг ограничения и вытеснения кулачества в районах, где нет сплошной коллективизации, лозунгом немедленной ликвидации кулачества как класса.

При этом многие партийные организации увлеклись раскулачиванием там, где не было ничего сделано для того, чтобы коллективизировать деревню, для того, чтобы раз'яснить задачи партии в области коллективизации. Задача коллективизации в целом ряде мест была заменена задачей раскулачивания. К этому делу поспешили примазаться кое-где прямо вра-

ждебные партии элементы для того, чтобы восстановить середняка против партии, против советской власти. Целый ряд самых грубых извращений был допущен в деле выполнения важнейшей директивы партии, в отношении коллективизации. Тов. Сталин должен был по поручению ЦК в «Ответе товарищам колхозникам» и в статье «Головокружение от успехов» резко одернуть тех, кто своими ошибками срывал дело коллективизации.

Такие же ошибки, какие допустила московская организация, допустил и целый ряд других организаций. Кое-где заговорили и о ликвидации нэпа и вообще по вопросу о нэпе. Мы получили в ряде органов печати довольно пеструю разноголосицу.

Еще раньше, на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 года тов. Сталин по вопросу об аграрной политике в СССР выступил с критикой целого ряда оппортунистических теорий, как теория равновесия, «теория самотека» в социалистическом строительстве, теория «устойчивости мелкого крестьянского хозяйства», — против неправильных теорий о природе колхозов и т. п. Этим своим выступлением тов. Сталин поставил задачу самой решительной борьбы с рядом антимарксистских, антиленинских теорий, имевших некоторый кредит и в партийных рядах среди разного рода уклонистов.

Правые оппортунисты прямо обрадовались кое-где «левым» загибам. Эти «левые» загибы облегчили им борьбу против партии и это должен был отметить т. Сталин в своей статье «Головокружение от успехов»:

> «Дело в том, что ошибки «левых» загибщиков в области колхозного движения являются такими ошибками, которые создают благоприятную установку для усиления и укрепления правого уклона в партии. Почему? Потому, что эти ошибки изображают линию партии в превратном свете, стало быть, они облегчают дело дискредитации партии,—следовательно, они облегчают борьбу правых элементов против руководства партии. Дискредитация партийного руководства есть та самая элементарная почва, на базе которой только и может разыграться борьба правых уклонистов против партии. Эту почву дают правым уклонистам «левые» загибщики, их ошибки и искривления. Поэтому, чтобы бороться с успехами с правым оппортунизмом, надо преодолеть ошибки «левых» оппортунистов. «Левые» загибщики являются об'ективно союзниками правых уклонистов.
>
> Такова своеобразная связь между «левым» оппортунизмом и правым уклонизмом.
>
> Этой связью и нужно об'яснить тот факт, что некоторые «левые» частенько поговаривают о блоке с правыми. Этим же нужно об'яснить то своеобразное явление, что одна часть «леваков», вчера еще «проводившая ура-наступление и пытавшаяся коллективизировать СССР в каких-нибудь две-три недели, сегодня впадает в пассивность, опускает руки и благополучно уступает поле борьбы правым уклонистам, ведя, таким образом, линию на действительное отступление (без кавычек!) перед кулачеством.
>
> Особенность переживаемого момента состоит в том, что борьба с ошибками «левых» загибщиков является у нас условием и своеобразной формой успешной борьбы с правым оппортунизмом».

Одновременно со статьей т. Сталина было опубликовано «Обращение ЦК ко всем центральным комитетам национальных республик, всем краевым, областным, окружным и районным комитетам партии о необходимости немедленно ликвидировать искривления политики партии» («Правда» от 15 марта—30 г.).

Письмо т. Сталина и постановление ЦК попали прямо в цель и оказались рычагом для решительного исправления допущенных ошибок и перегибов. На некоторых «загибщиков» это письмо подействовало как ушат холодной воды и от головокружительных полетов вверх эти «загибщики» впали в пассивность. Одновременно, некоторые товарищи пытались об'яснить распад бумажных колхозов социальной природой середняка, который-де неизбежно должен колебаться. Создавались всевозможные неверные оппортунистические теории приливов и отливов. Против этих неправильных теорий

необходима самая решительная борьба, ибо она затрудняет ясное понимание поставленных перед нами задач.

Правая опасность не перестает быть главной, т. к. она отражает натиск кулачества—главного врага социализма внутри страны. Ошибки «левых» загибщиков усиливают позиции правых. «Левые» загибы отражают антисередняцкие настроения некоторых элементов бедноты. Бурно устремившись в русло коллективизации, эти элементы утеряли понимание того капитальнейшего факта, что без правильного проведения этого дела на основе привлечения середняка коллективизацию нельзя прочно превратить в сплошную, что коллективизацию нельзя проводить «за счет» середняка, что коллективизация должна приносить выгоду и середняцким слоям, поднимая их жизненный уровень на основе роста производственной базы колхозов. Такие настроения отдельных элементов бедноты, усиленные «левыми» загибами, отталкивали середняка от колхозов, усиливали его колебания, следовательно, усиливали кулачество, облегчая ему кое-где прорвать хотя бы на время свою изоляцию.

Перед самым с'ездом уже наблюдаются отдельные предс'ездовские вылазки против ряда партийных установок, под видом критики перегибов, слышатся знакомые старые правооппортунистические мотивы — «реже шаг». Эти мотивы переплетаются с троцкистскими выступлениями за границей и в подполье накануне XVI с'езда, лозунги троцкистов сплошь и рядом переплетаются с лозунгами правых оппортунистов; троцкисты накануне XVI с'езда пытаются «пролезть в щель разногласий», нащупать почву для совместной с правыми атаки против партийной линии.

* * *

Оппортунизм не есть проявление шатаний и колебаний, извращение партийной линии в каком-нибудь отдельном вопросе. Оппортунизм есть ц е л а я с и с т е м а в з г л я д о в. Он проявляется в самых различных областях. Развиваясь, он захватывает все области партийной жизни, партийного строительства,—область идеологии и область практики. Поэтому оппортунизм проявился и в такой области, как деятельность профсоюзных организаций. На VIII с'езде профсоюзов (декабрь 1928 г.) оппортунисты пытались противопоставить себя руководству ЦК. Комфракция ВЦСПС, собравшаяся после VIII с'езда профсоюзов по докладу т. Догадова на 2 пленуме ВЦСПС) должна была констатировать крупное разногласие правой оппозиции с партией по вопросу о профессиональном движении. Мы напоминаем важнейшую часть этого решения фракции ВЦСПС, так как оно в основном формулирует важнейшие вопросы разногласий партии с оппортунистами в вопросах профессионального движения.

> «Фракция констатирует, что борьба партии за правильную ленинскую линию встретила сопротивление части профессионалистов. Необходимость перестройки рядов и методов работы профессиональных союзов в период социалистической реконструкции и наступления пролетариата как в городе, так и в деревне, решительное устранение серьезных недостатков профдвижения не были поняты этой частью профессионалистов.
>
> Вместо мобилизации масс на преодоление трудностей реконструктивного периода—паникерство перед этими трудностями; вместо широко развернутой работы по вовлечению масс рабочих и работниц в хозяйственное строительство, в процессе социалистической рационализации, в борьбу за повышение производительности труда, за трудовую дисциплину—попытки прикрывания цеховых интересов и настроений отсталых слоев рабочего класса; вместо решительного и последовательного развертывания пролетарской самокритики в профсоюзах,—формулировки и оговорки, призывающие к осторожности в деле развертывания самокритики, тормозящие развитие активности масс в борьбе с бюрократизмом и извращениями в профсоюзах, разложением отдельных звеньев профаппарата, с отрывом их от масс.
>
> Вместо усиления пролетарского влияния на деревню и помощи со стороны профсоюзов социалистической перестройке сельского хозяйства—стре-

мление к ограничению роли профсоюзов в деревне и культивирование их замкнутости, что в частности выразилось в слабом влиянии профсоюзов на общественную работу деревни, недооценке работы среди батрачества и т. д.; вместо широкой постановки политического просвещения и классового воспитания рабочих масс, в особенности их отсталых слоев,—подчас забвение в культурно-просветительной работе общеклассовых задач пролетариата и непонимание необходимости решительной борьбы с мелкобуржуазными влияниями среди отсталых рабочих масс.

Вместо поддержки генеральной линии партии и сплочения профессионалистов вокруг центрального штаба партии—ленинского ЦК—попытка противопоставить коммунистов, работников профдвижения, руководящим партийным органам.

Усилия Центрального Комитета партии исправить эти крупнейшие политические недочеты профсоюзного руководства на VIII с'езде профсоюзов встретили глухое, замаскированное, а затем на пленуме фракции с'езда и открытое сопротивление этой группы профессионалистов. Борьба партии с этими недостатками изображалась как троцкистское «перетряхивание» профсоюзов, как угроза «расщепления» профдвижения и т. д. Опаснейшее противопоставление профсоюзов партии, фактический курс на ослабление партийного руководства профдвижением, прикрытие тред-юнионистских тенденций и явлений бюрократического окостенения в части профсоюзного аппарата—вот что лежало в основе борьбы в части профессионалистов против правильной ленинской линии в профдвижении.

В. И. Ленин указывал на опасность проявления в рядах профсоюзов некоторой цеховой узости, некоторой склонности к аполитичности, некоторой косности, которая является отражением наличия в массовых организациях—профсоюзах, отсталых рабочих с цеховыми и тред-юнионистскими предрассудками: «Некоторая реакционность» профсоюзов в указанном смысле неизбежна при диктатуре пролетариата. Непонимание этого есть полное непонимание основных условий перехода от капитализма к социализму. (Ленин, т. XVII, стр. 141).

Эта опасность устраняется правильными взаимоотношениями массовых организаций пролетариата, профсоюзов и партии как его авангарда, повседневным руководством коммунистической партии профдвижением. Это основное положение ленинизма в профдвижении необходимо помнить всем коммунистам-профработникам, в особенности теперь, в момент реконструкции народного хозяйства и трудностей, связанных с социалистическим наступлением пролетариата. Ослабление руководства партии профсоюзами, неправильная работа приводного ремня от авангарда к массам—профсоюзов—могли бы привести к ослаблению социалистического наступления пролетариата, к увеличению затруднений, к ослаблению творческой инициативы, и активности масс в процессе социалистической реконструкции.

Фракция с удовлетворением отмечает, что попытки противопоставления профсоюзов партии, нашедшие свое наиболее яркое выражение в выступлении части профессионалистов на фракции VIII с'езда, встретили резкое осуждение на прошедших после VIII с'езда фракциях пленумов ЦК союзов, межсоюзных организаций, а также фракциях с'ездов, которые выявили сплоченность коммунистов-профработников вокруг ленинского партийного руководства и его борьбы с оппортунизмом».

* * *

Оппортунистические шатания появились за этот период также и в национальном вопросе. В Белоруссии, например, мы имеем за этот период ряд попыток национал-демократов оказать свое влияние в самых различных областях, используя культурно-просветительные и хозяйственные учреждения в республике. Белорусские национал-демократы проповедуют теорию бесклассовости народа,—в Белоруссии-де не было ни панов, ни рабочих, ни крестьян, а все были одинаково угнетенною национальностью.

В области земельных отношений национал-демократам удается в Белоруссии, как и на Украине, кое-где проводить в земельных органах свою политику преимущественной поддержки индивидуального хозяйства. Партийное руководство как на Украине, так и в Белоруссии дает решительный отпор этим попыткам. В Белоруссии партия борется решительно против правооппортунистической линии НКЗема БССР, которая выражается в насаждении кулацких хуторов, в содействии росту кулацких элементов в белорусской деревне и торможении коллективных форм сельского хозяйства. Партия борется против «прищеповщины», которая была «классическим выражением на практике правооппортунистической теории о постоянных уступках капиталистическим элементам в деревне, о мирном врастании кулака в социализм и на деле вела к капиталистической реставрации».

ЦК Белоруссии вынужден был бороться с национал-оппортунистическими взглядами т. Червякова, в которых переплетались правооппортунистические взгляды по ряду вопросов общепартийной политики с идеализацией буржуазно-националистических дореволюционных партий Белоруссии, с искажением истории развития КП(б) Белоруссии, с подменой пролетарского характера Октябрьской революции в Белоруссии—мелкобуржуазным.

На Украине мы тоже наблюдаем попытки националистических элементов использовать партийную трибуну для пропаганды своих взглядов. ЦК КП(б)У дает решительный отпор таким попыткам в лице «яворщины» и «шумскизма».

Сам т. Шумский в своем заявлении в ИККИ, ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)У от 28/IV—30 г. должен был признать, что

«занял в вопросе об украинизации и борьбе с украинским национализмом ошибочную позицию».

...Основной порок моей позиции, признается Шумский, состоял в том, что, во-первых, я переоценивал трудности, стоявшие пред партией в деле овладения украинским общественно-культурным процессом, и недооценивал сил и возможностей партии и рабочего класса Украины; во-вторых, мое предложение о всемерном форсировании темпа украинизации рабочего класса, несмотря на все оговорки о недопустимости какого бы то ни было принуждения, на деле неизбежно должно было повести к известному принуждению в отношении украинской части рабочего класса, стало быть к ухудшению отношений и ослаблению связей между украинской и неукраинской частями рабочего класса, следовательно, к подрыву дела интернационализма и интернационального воспитания масс на Украине; в-третьих, все эти ошибки должны были привести об'ективно к усилению позиций украинских националистов.

Таким образом принятие моих предложений должно было привести к общему ослаблению политической силы партии, в том числе и к ослаблению ее руководящей роли в украинском общественно-культурном процессе»...

К этому заявлению следует добавить, что оппортунистическая оппозиция Шумского, Хвилевого, Василькова, Турянского и Волобцева на деле нанесла громадный вред партии: эта позиция питала собою на деле петлюровщину, подготовляя для нее почву, как это совершенно ясно показал процесс СВУ.

Наиболее яркое выражение оппортунистических настроений в национальном вопросе, где национал-демократические тенденции прямо приводят в лагерь контрреволюции, мы имеем в лице султан-галиевщины, которая за этот период пыталась оформиться вновь как подпольная группировка внутри партии. Партия исключила из своих рядов группу интеллигентов националистов (Енбаев, Мухтаров, Фирдевс и др.), которые, прикрываясь партийным билетом, помогали Султан-Галиеву строить националистическую организацию, враждебную пролетарской диктатуре, основанную на программе панисламистского интернационала и фактически являвшуюся агентурой империалистов, связанной с закивалидовщиной и другими контрреволюционными группировками.

* * *

Нельзя пройти мимо оппортунистических извращений и в области антирелигиозной пропаганды. Здесь мы имели, особенно в последнее время ряд оппортунистических извращений партийной линии. В ряде организаций мы наблюдали правооппортунистическую недооценку значения антирелигиозной пропаганды, необходимости правильно ее организовать, руководить

ею, уделять ей внимание. Результатом такого невнимания явились прямые извращения партийной линии в области антирелигиозной пропаганды, оттолкнувшие от нас некоторую часть середняков, в особенности женщин, а кое-где и бедноты. Конечно, церковники и кулаки использовывали каждую нашу ошибку в этой области. Кое-где дело коллективизации сельского хозяйства начиналось с закрытия церкви, со снятия колокола, при чем никакой серьезной предварительной пропагандистской работы в этих районах не велось. «Головокружение от успехов» проявилось и здесь в том, что во многих местах церкви закрывались против воли подавляющего большинства населения, вызывая озлобление населения, отталкивая от колхозного строительства. Попытка критиковать такую «левую» установку встречалась в штыки, как проявление правого оппортунизма. А, с другой стороны, под влиянием того, что партия одернула за такого рода неправильные действия, часть антирелигиозных работников, впала в противоположную крайность, — в пессимизм, а кое-где в партийных организациях стали раздаваться пораженческие голоса о необходимости ликвидации антирелигиозной пропаганды и т. п. Нечего и говорить о том, что и то и другое не соответствует партийной линии. И против ликвидаторства в области антирелигиозной пропаганды и против замены антирелигиозной пропаганды нахрапом, наскоком, административным нажимом—партия боролась и будет решительно бороться. Ни о каком отступлении и на этом участке классовой борьбы не может быть и речи.

* * *

К XVI с'езду партия подходит внутренне более сплоченная, чем когда бы то ни было. Она выросла не только численно за счет притока сотен тысяч рабочих в партию. Руководящая роль, авторитет и влияние ВКП(б) в широчайших массах трудящихся города и деревни в огромной степени выросли за этот период между XV и XVI с'ездами партии и именно потому, что на путях проведения своей линии партия добилась решающих успехов в деле социалистического наступления, выкорчевывания корней капитализма. Препятствием на ее пути были и будут оппортунистические шатания самых разнообразных оттенков, которые мы наблюдаем еще и сегодня в рядах нашей партии. Борьба на два фронта, которую вела партия — единственно правильная борьба. XVI с'езд партии должен будет это подчеркнуть со всей резкостью. Попытки примиренческого отношения к оппортунизму, как показал опыт не только нашей партии, но как показал опыт и других компартий, является в высшей степени вредной вещью, ибо сегодняшние примиренцы по отношению к правому уклону — это завтрашние правые оппортунисты. Сегодняшний примиренец по отношению к троцкистам, как это показал пример буферных групп, — это завтрашний троцкист.

Мы должны ясно видеть и то, что некоторые троцкисты, вернувшиеся в партию, далеко не полностью изжили еще колебания и шатания по отдельным вопросом. Поэтому попрежнему перед нами стоит задача решительной борьбы со всякими проявлениями оппортунизма.

Правая опасность попрежнему остается главнейшей опасностью; однако, и задача борьбы с «левыми» оппортунистами, с «левыми» загибами не может быть снята с очереди. Практика показала, какую большую опасность представляют собой эти «левые» загибы. Попрежнему остается задача борьбы на два фронта против всяких оппортунистических извращений партийной ленинской линии, решительная борьба с примиренческим отношением к оппортунизму, с терпимостью к уклонам.

А. Микоян.

Коллективизация и заготовки.

Текущий хозяйственный год действительно оказался годом великого перелома для судеб Советского Союза, в особенности на фронте наибольших трудностей, лежащих перед пролетарской диктатурой в деле строительства социализма — в области развития нашего сельского хозяйства. В экономике сельского хозяйства произошли громадные всемирно-исторического значения социальные сдвиги.

Несмотря на неосторожную торопливость ряда партийных организаций, несмотря на головокружение от успехов в практике коллективизации, несмотря на совершенно недопустимые ошибки и искажения ленинской политики коллективизации, искажения, во-время вскрытые и исправленные партией,—мы стоим перед фактом крупной победы на фронте коллективизации зернового хозяйства. Коллективизация выдержала испытание в действии, прошла через огонь критики жизни и охватила в весеннюю кампанию свыше 30 млн. га посевов на колхозных полях; при чем этот результат достигнут вопреки всяким искажениям после обусловленной этими искривлениями волны отливов, вопреки бешеному сопротивлению кулака. Совершенно несомненно, что не будь искривлений политики партии на практике, в ряде районов мы бы имели значительно больший охват зерновых посевов, чем теперь. Но остается фактом, что независимо от всего этого пятилетний план коллективизации зерновых посевов уже перевыполнен, а задача, поставленная Центральным Комитетом нашей партии в своем исторического значения решении от 5 января:

> «уже весной 30 года посевная площадь, обработанная на обобществленных началах, значительно превысит 30 млн. га, т.-е. пятилетний план коллективизации, в силу которого к концу пятилетки предполагалось охватить коллективами 22—24 млн. га, будет значительно перевыполнен уже в настоящем году», —

осуществлена полностью. Хотя весенний сев еще не закончен, но уже достаточно ясно, что это задание ЦК будет перевыполнено и мы будем иметь 30—35 млн. га одних только яровых обобществленных посевов зерновых хлебов. Государственные советские хозяйства (совхозы) почти удвоили свои посевы в 1929/30 г. против предыдущего года. Посевная площадь всех совхозов составляет 3.515 тыс. га, в том числе одного Зернотреста более 1.050 тыс. га. Расширение колхозных и совхозных посевов такое значительное, что оно не только перекрывает выпавшую посевную площадь кулачества в зерновых районах, но дает общий рост посевных площадей против прошлогоднего, как это видно на примере южных районов, закончивших сев полностью.

Все значение достигнутых успехов коллективизации станет очевиднее, если принять во внимание, что подавляющая масса обобществленных посевов приходится на основные зерновые районы Советского Союза, которые дают наибольшее количество товарного хлеба и которые имеют решающее значение в хлебной проблеме Советского Союза. Так, в степной полосе Украины

обобществлено 50—60 проц. посевов, на Сев. Кавказе на том же уровне, если не считать горных национальных районов. Следовательно, по ряду главнейших зерновых районов Советского Союза решающая роль в посевах и еще большей степени в товарной зерновой продукции в предстоящую заготовительную кампанию будет принадлежать социалистическому сектору—колхозам и совхозам.

Успехи коллективизации позволили в этих районах провести политику ликвидации кулачества как класса, выключив его как серьезную силу из зерновой области. Организация крупных социалистических зерновых хозяйств гарантирует, конечно, большую товарность зерна. Поэтому, если предположить урожайность в южных районах, равную прошлогодней, то при несколько больших посевных площадях в текущем году товарность хлебов должна возрасти в большей пропорции в силу более высокого товарного выхода продукции колхозов и совхозов, играющих уже теперь решающую роль. Несмотря на эту победу, индивидуальные бедняцко-середняцкие хозяйства играют еще серьезную роль в основных зерновых районах и преобладающую—в остальных.

Приступая к новой хлебозаготовительной кампании, мы обязаны учитывать значительную пестроту социальной структуры зернового хозяйства отдельных районов, требующую особой гибкости методов организации хлебозаготовок. Методы заготовок должны быть приспособлены к тому конкретному социальному переплету, который сложился и сложится к новой хлебозаготовительной кампании. На данной стадии мы имеем перед собой ряд хозяйственных типов и укладов в зерновом хозяйстве, каждый из которых требует к себе особого метода подхода и особых форм организации. Если в отношении совхозной продукции задача заготовок упирается в техническую проблему, а именно: организацию транспорта при вывозке хлеба с полей (в особенности, это касается Зернотреста, хлеб которого убирается комбайнами), строительство элеваторов и складов, то в отношении всего остального хлеба, кроме этих технических затруднений, которые перед нами станут и к встрече которых мы должны готовиться уже теперь — дело хлебозаготовок является задачей не технической, а социальной. При организационно-недостаточной закрепленности колхозов—наличие на ряду с обобществлением полеводства индивидуального хозяйства у членов колхозов, как-то: животноводства, огородничества, птицеводства и пр.—хлебозаготовки в колхозах встретят еще ряд затруднений и потребуют значительной организационной и хозяйственной работы как заготовительного аппарата, так и колхозной системы для того, чтобы обеспечить сдачу колхозами нормы товарной продукции своевременно. С этой точки зрения выгодно будут отличаться те колхозы, которые охвачены машинно-тракторными станциями Трактороцентра и Хлебоцентра, а также колхозы, охваченные производственным влиянием близлежащих совхозов. Более трудной задачей будет являться заготовка хлеба с необобществленных полей бедняцко-середняцких хозяйств. При чем здесь серьезное значение будет иметь контрактация зерновых посевов у бедняцко-середняцких хозяйств как проверенный метод, вносящий плановое начало в стихию рыночного оборота. Еще бо́льшие трудности будет представлять заготовка хлеба у тех индивидуальных бедняцко-середняцких хозяйств, посевы которых не законтрактованы и которые в значительной части даже не охвачены простым кооперированием. В виду надломленности силы кулака, он не может оказывать прежнего сопротивления, но он будет пытаться использовать все возможности борьбы против заготовок. Несомненна также опасность оживления спекуляции, с которой будет необходима соответствующая борьба.

Богатый опыт хлебозаготовок прошлого года должен быть использован нами с внесением всех коррективов применительно к новой обстановке в

деревне. И несомненно, что при должной подготовке, в особенности, если урожай окажется средним или выше среднего (а пока данные весьма благоприятны) хлебозаготовительная кампания этого года пройдет у нас с неменьшим успехом и этим самым обеспечит одно из важнейших звеньев всего народно-хозяйственного плана будущего года.

Подготовляясь к новой хлебозаготовительной кампании, мы должны дать себе ясный отчет в том, что старые рыночные связи разорваны, новые еще не вполне установлены и закреплены, что придется маневрировать разными методами применительно к конкретным особенностям районов и новым социальным группировкам деревни.

Для того, чтобы судить обо всем разнообразии методов заготовок, надо иметь в виду наличие ряда типов зерновых хозяйств: 1) совхозы, 2) колхозы районов машинно-тракторных станций и остальные колхозы, 3) созы, т.-е. простейшие производственные товарищества; 4) индивидуальные бедняцко-середняцкие хозяйства, охваченные простым кооперированием и контрактационными договорами; 5) бедняцко-середняцкие индивидуальные хозяйства, находящиеся вне кооперации и не заключившие договора по контрактации и 6) кулацкие хозяйства в одних районах и раскулаченные хозяйства в районах сплошной коллективизации. Каждый из этих типов хозяйства требует к себе особого подхода.

В силу достигнутых успехов в деле совхозного и колхозного строительства в зерновом хозяйстве, мы в новом хозяйственном году достигнем решительного сдвига по пути окончательного разрешения зерновой проблемы, несомненно, что следующая колхозная посевная кампания—осени 1930 года и весны 1931 года — даст нам полное разрешение зерновой проблемы.

На базе развивающегося социалистическим путем зернового хозяйства, мы получаем возможность поставить и разрешить все коренные проблемы социалистического преобразования и технической реконструкции остальных отраслей сельского хозяйства. В области технических культур, в силу громадного влияния социалистической промышленности на свою сырьевую базу, особых рыночных условий продукции этих отраслей, в отношении которых государственная промышленность является почти монопольным потребителем, сравнительно легче будет обеспечена победа партии.

Полное разрешение зерновой проблемы, которого мы достигнем после первого решающего успеха этого года, примерно в 1931 году, уже теперь дает ту базу, на которой можно и нужно в широком масштабе поставить задачу разрешения проблем животноводства. До того же, на протяжении нынешнего переходного периода, мы будем иметь значительные затруднения, которые найдут непосредственное отражение на заготовках и в деле снабжения городов животноводческими продуктами питания.

Основным источником хлебозаготовительных затруднений прошлых лет являлась распыленность и измельчание крестьянских зерновых хозяйств, обуславливающие низкую товарность зерна. На данной стадии в области животноводства мы находимся перед фактом наибольшего за все время революции мельчания и распыления крестьянского животноводческого хозяйства. Если в области зернового производства нам уже удалось вместо крупных кулацких хозяйств воздвигнуть тысячи более крупных, во много раз более мощных зерновых фабрик и тем самым поднять общую товарность всего зернового хозяйства, — то в области животноводства нами сделаны лишь первые шаги, и то больше в секторе совхозов, которые пока еще не могут быть противопоставлены кулацкому животноводческому хозяйству и спорить с ним с точки зрения общей массы товарной продукции.

Продолжавшееся измельчание животноводческого хозяйства в течение текущего года еще больше снизило товарность заготовок животноводческих

продуктов, что уже нашло свое быстрое и яркое отражение на ходе заготовок животноводческих продуктов, начиная с весны. Это видно на примере как заготовок масла, яиц, так и мяса. Если в области зернового хозяйства разорваны рыночные отношения и вместо них через совхозы и колхозы устанавливаются новые отношения планового обмена между городом и деревней, на основе контрактации колхозной продукции, то в области животноводческого производства старые рыночные формы нарушены, а новые формы, не имея достаточной базы в лице животноводческих колхозов, не установлены и не закреплены.

Задача еще более затрудняется тем, что основной низовой заготовительный аппарат с.-х. кооперации крайне ослаблен, а в ряде мест после ошибок и искривлений коллективизации вовсе отсутствует. Это обязывает срочно организовать и укрепить низовку с.-х. кооперации и активно вовлечь в заготовки потребкооперацию.

Недостатки заготовительного аппарата, не сумевшего быстро и гибко приспособиться к новым условиям, и новой обстановке, в свою очередь, влияют на недовыполнение плана заготовок, создавая этим самым затруднения в деле снабжения рабочего класса, охваченного небывалым энтузиазмом социалистической стройки. Отсюда — неотложная необходимость приспособить аппарат к особенностям переходного периода, преодолеть острые трудности, свойственные этому переходному периоду и шаг за шагом двигаться в деле подведения крупной социалистической производственной базы в животноводческом хозяйстве нашей страны.

Уже этот год наглядно показал, что каждый работник заготовительного аппарата обязан помимо торговых навыков уметь четко проводить политику партии. Если в крае и округе мы должны в срочном порядке перековывать кадры по линии углубления планово-экономического охвата процессов обмена города и села, то в отношении низовой торгово-заготовительной сети стоит еще более трудная задача трансформирования нынешнего торгового агента в заготовителя-контрактанта, способного поднять на должную высоту свою оперативную работу по организации планового обмена двух основных секторов народного хозяйства. Не приходится скрывать, что т а к и х нужных кадров мы в низовом звене имеем еще слишком мало. Отсюда необходимость проверки, обновления и подготовки кадров.

Причина значительных трудностей текущего момента заключается и в том, что контрактация, оправдавшая себя и пустившая глубокие корни в области технических культур и зернового хозяйства в прошлые годы, еще совершенно недостаточно укрепилась в области животноводческих продуктов. Мало того, благодаря увлечению административным нажимом и значительным перегибам, практики контрактации в ряде районов в значительной степени оказались подорванными и нам приходится исправлять практику контрактации, добиваясь расширения и охвата контрактацией значительной части животноводческой продукции.

Контрактация является договором д в у х с т о р о н н и м. Между тем, в ряде мест на практике контрактация приняла вид о д н о с т о р о н н е г о обязательства. Не использованы все льготы, которые мы даем крестьянам, не использованы те товарные фонды, которыми располагает государство для обеспечения контрактационного договора, как двухстороннего. Контрактационное обязательство в ряде мест приняло характер простых административных распоряжений об обязательствах крестьян, колхозов и целых сел без учета производственных возможностей и фактических товарных излишков, без предварительного обсуждения всех статей этих договоров крестьянами и колхозниками. Сами контрактационные договора чрезмерно осложнены многочисленными, порой мало понятными для крестьян, производственными пунктами и проч.

Главная задача сегодняшнего дня — немедленно исправить все эти искажения в деле контрактации, решительно побороть имеющиеся перегибы, внедрить в практику простейшие договора о контрактации, реально обеспечить выполнение этих договоров, как двухстороннего обязательства между государством и крестьянином и на этой основе обеспечить дисциплину выполнения самих договоров.

При чем, пестрота социальных форм хозяйства и здесь требует особого подхода к каждой группировке. В этой области мы сталкиваемся: 1) с продукцией обобществленного хозяйства-колхоза; 2) с продукцией индивидуального животноводческого хозяйства колхозников; 3) с контрактованной продукцией индивидуальных бедняцко-середняцких хозяйств и 4) с продукцией индивидуальных бедняцко-середняцких хозяйств, не охваченных контрактацией, а также 5) продукцией кулацких хозяйств.

Затруднения в области животноводческого хозяйства окончательно будут разрешены на том же пути, на котором решается зерновая проблема, а именно: н а п у т и с о з д а н и я к р у п н ы х т о в а р н ы х с о в х о з н ы х и к о л х о з н ы х ж и в о т н о в о д ч е с к и х х о з я й с т в. При этом полностью должен быть учтен опыт коллективизации зернового хозяйства и должны быть избегнуты все ошибки и искривления. Практика коллективизации зернового хозяйства показала, что наибольший успех мы имеем: во-первых, там, где крестьянин видит пример высокой производительности и товарности в лице совхоза, машинно-тракторной станции и развитого колхоза и следует за этим примером; во-вторых, там, где больше всего внедрена новая б о л е е в ы с о к а я т е х н и к а производства, облегчающая переход к более высоким социальным формам хозяйства — конкретно, в области зернового хозяйства: т р а к т о р — э т о в е л и к и й к о л л е к т и в и з а т о р с е л ь с к о г о х о з я й с т в а; и, наконец, что успехи в коллективизации посева зерна мы имеем в о с н о в н ы х п р о и з в о д я щ и х р а й о н а х. Это наглядно диктует конкретные пути коллективизации животноводческого хозяйства, а именно — теперь же взяться 1) преимущественно з а о с н о в н ы е р а й о н ы э т и х о т р а с л е й с е л ь с к о г о х о з я й с т в а; 2) за форсированное строительство мясных, молочных, свиноводческих, овцеводческих, птицеводческих государственных хозяйств как базы, на основе которой вокруг этих совхозов будут создаваться крупные животноводческие колхозы, находящиеся под их непосредственным влиянием и воздействием; и 3) за внедрение в эти совхозы новейшей техники организации животноводческого хозяйства — новой кормовой базы, новых методов ухода за скотом, повышение его производительности и т. д.

С этой точки зрения будет иметь решающее значение развертывание совхозов Скотовода, Овцевода, Свиновода и птицеводческих трестов республик, которые организованы теперь и которые должны широко развернуться в 1930/31 г.

Опираясь на них, мы сможем добиться тех же успехов в области обобществления животноводства, какие мы уже имели и будем иметь в области обобществления зернового хозяйства.

Новая политика партии — ликвидация кулачества как класса, как составная часть политики коллективизации — к о р е н н ы м о б р а з о м м е н я е т с о ц и а л ь н о е л и ц о с о в е т с к о й д е р е в н и, этим самым меняет все классовые отношения и в первую очередь и непосредственно п е р е с т р а и в а я р ы н о ч н ы е о т н о ш е н и я по пути организации социалистического продуктообмена между городом и деревней, что вовсе не означает теперь же снятие всех наболевших проблем рынка, а предполагает систему гибких мероприятий маневрирования в конкретных рыночных условиях нынешнего периода.

Отсюда необходимость быстрого приспособления всего заготовительного аппарата ко всем особенностям переходного периода, отсюда необходимость не упускать из виду перспектив и задач великой стройки, одновременно не забегать вперед и гибко использовать все диференцированные методы заготовок в целях охвата товарной продукции всего сельского хозяйства и обеспечения рабочего снабжения — этого важнейшего звена нашей социалистической стройки.

Заготовительная кампания продуктов сельского хозяйства, и в первую очередь хлебозаготовительная кампания, в текущем году приобретает исключительно важное значение. Она должна служить гарантией выполнения планов продовольственного снабжения и обеспечения этим самым успешности социалистического строительства второго и третьего года пятилетки. Заготовки должны явиться мощным рычагом стимулирования быстрого под'ема сельскохозяйственной базы, укрепления производственной смычки города и села на новом реконструктивном этапе.

Именно поэтому внимание партии, все силы всех заготовительных организаций, содействие всей пролетарской общественности должны быть направлены в сторону максимальной помощи делу проведения сложной и трудной заготовительной кампании.

И. Верменичев.

О середняке и коллективизации.

Середняки в наших условиях составляют класс, который отличается от пролетариата, отличается от третьего класса — буржуазии (в деревне кулачество) и занимает среднее, промежуточное между ними положение. Что пролетариат и среднее крестьянство — разные классы — это ни у кого не вызывает сомнений, хотя мелкобуржуазные демократы, народники и целая плеяда народничествующих ученых пыталась и пытается в той или иной форме отождествить пролетариат и крестьянство, как вообще «трудящихся», смазывая мелкособственническую природу крестьянина. Но немало недоуменных вопросов задают многие товарищи по поводу классового разграничения среднего крестьянства и кулачества, немало грубейших буржуазно-либеральных, правооппортунистических, а равно и левооппортунистических ошибок наделано благодаря смешиванию в одну кучу всех классов, существующих в нашем сельском хозяйстве.

Правые не понимали всей необходимости для ведения правильной политики разграничивать кулака от середняка и предлагали строить «общую» политику в деревне и устанавливать отношения с деревней «вообще», не задаваясь целью вести резко особой политики по отношению к разным классам в деревне, предлагают в той или иной мере распространять и на кулака те отношения, которые пролетариат устанавливает со средним крестьянством. Вспомним разговоры Бухарина о лозунге союза вообще с крестьянством и т. п. «Левые» требования ведут к тому же смешению среднего крестьянства с кулаком, также базируются на непонимании различий между середняком и кулаком с той разницей, что «левые» предлагают вести общую политику и устанавливать в сущности одинаковые отношения с середняком и с кулаком (подавление их; вспомним антисередняцкие тенденции троцкизма и рассуждения о крестьянстве, сводящиеся к утверждению, что оно составляет сплошную реакционную массу). В соответствии с этим правые не понимают, что пролетариат не может иметь прочного союза с середняком без решительной борьбы с кулачеством, не понимают, что этот союз должен быть направлен своим острием против капитализма, против кулачества, за социализм. В соответствии с этим «левые» не понимают, что нельзя иметь союза с середняком, подавляя его насилием, в сущности, в одинаковой мере противопоставляя пролетариату и середняка и кулака.

Кулачество отличается, во-первых, тем, что оно принадлежит к классу капиталистов, является классом деревенских капиталистов, имеет определенные капиталистические производственные отношения, основанные на эксплоатации. Этим оно отличается от мелких самостоятельных производителей — середняков, которые в основном подобных отношений не имеют и которые характеризуются строем общественных отношений, свойственных не товарно-капиталистическому производству, а простому товарному хозяйству. Во-вторых, кулачество отличается тем, что оно является продуктом развития самого мелко-товарного производства, оно вырастает из крестьянства, ибо

мелко-товарному хозяйству, простому товарному хозяйству свойственно перерастать в товарно-капиталистическое производство. Мелко-товарному хозяйству свойственна *товарно-капиталистическая тенденция*, с которой вступает в ожесточенную борьбу *социалистическая тенденция*, возникающая благодаря политике пролетарского государства, появляющаяся только в условиях диктатуры пролетариата и базирующаяся на быстро развивающейся социалистической индустрии.

Кулачество есть продукт товарно-капиталистической тенденции мелкого производства и ликвидировать возможности для развития с.-х. капитализма, для роста кулачества можно лишь с ликвидацией мелкособственнического производства. Эта азбучная, элементарная истина, которую не понимают только не в меру ретивые «леваки», пытающиеся протащить линию на голое раскулачивание, проводимое не на основе сплошной колективизации.

Кулачество отличается от городской буржуазии рядом специфических форм проявления капиталистических отношений и мелкими размерами производства, но не отличается от нее своей классовой природой, в основе которой лежит принадлежность к эксплоататорскому классу капиталистов. Далее, кулачество отличается тем, как отмечено выше, что оно имеет базу в виде мелко-товарного хозяйства, со свойственной последнему тенденцией постоянно выделять капитализм (до тех пор пока существует это мелко-товарное хозяйство). Таким образом, мы должны разграничивать среднее крестьянство и кулачество. Без этого разграничения пролетариат не может вести правильной политики социалистического строительства [1]).

Среднее крестьянство, а не крестьянство «вообще» является вторым основным классом. Понятие «крестьянство» не есть понятие класса. «Крестьянство» можно было характеризовать классом только в условиях феодально-крепостнического строя, когда оно еще не было расслоено на классы. В условиях же господства капиталистических отношений крестьянство расслоилось на классы: пролетариат, полупролетарские слои, деревенскую буржуазию, среднее крестьянство. Среднее крестьянство, составляющее в разных странах либо менее, либо более значительную часть, принадлежит к классу мелкой буржуазии «выражаясь научным, марксистским термином, употребляя не житейскую («крестьянство» И. В.), не обывательскую, не профессиональную, а классовую характеристику» (Ленин)

Среднее крестьянство отличается от крестьянства эпохи феодализма и крепостничества наличием товарных, денежных отношений, как важнейших характерных черт. В *условиях* СССР, среднее крестьянство составляет *класс* мелкой буржуазии, при чем в отличие от капиталистических стран они являются главными производителями в деревне. Среднее. крестьянство *является у нас центральной фигурой земледелия*. Помимо среднего крестьянства, в деревне мы имеем пролетарские и полупролетарские

1) У Ленина идея классовой расслоенности крестьянства проходит красной нитью через его работы.

«Нет ни одного декрета (закона), ни одного постановления советской власти, в котором бы не проводилось разницы между тремя главными группами крестьян. Первая группа—беднота (пролетарии и полупролетарии, как пинято говорить в экономической науке). Таких очень много. Когда была власть помещиков и капиталистов, весь гнет их падал больше всего на бедноту. Во всех странах мира самой прочной опорой истинного социалистического движения являются рабочие и поддерживающая их деревенская беднота. Вторая группа — кулаки, т.-е. богатые крестьяне, которые угнетают чужой труд, либо нанимая работников, либо давая деньги в рост и т. п. Эта группа тянет руку помещиков и капиталистов, врагов советской власти. Третья групап—крестьяне-середняки. Это не враги советской власти, они могут быть друзьями ее, мы этого добиваемся и этого добьемся. Все учителя социализма всегда признавали, что рабочие должны будут свергнуть помещиков и капиталистов, чтобы осуществить социализм, но со средними крестьянами возможно соглашение и необходимо соглашение» (Собр. сочинений, т. XVI, стр. 29).

элементы (беднота и батрачество). Беднота есть продукт классового распада среднего крестьянства, *есть слой переходный от среднего крестьянства к пролетариату*, занимает промежуточное между пролетариатом и средним крестьянством положение. Итак, мы должны констатировать наличие в нашей стране следующих трех классов—*пролетариат* (+ сельский пролетариат), *среднее крестьянство* или мелкая буржуазия (+ городские ремесленники и кустари), кулачество (+ городская буржуазия). Между этими классами имеется промежуточная классовая прослойка — беднота (полупролетарии), политически наиболее близкий пролетариату переходный от среднего крестьянства к пролетариату слой.

Отличительными особенностями классов в наших условиях является, во-первых, то, что пролетариат стал господствующим классом, классом-гегемоном, во-вторых, то, что среднее крестьянство превратилось в центральную фигуру земледелия и, в-третьих, то, что буржуазия резко уменьшила свой удельный вес, сохранила только определенную дробь прежнего класса [1]), но имеет в деревне кулачество, удельный вес которого в деревне «во сто крат выше, чем удельный вес капиталистов в городской промышленности» (Сталин).

Ленин в цитированной выше статье «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата» исходил из анализа именно трех этих классов.

«Классы остались, — писал Ленин, — но каждый видоизменился в эпоху диктатуры пролетариата; изменилось и их взаимоотношение. Классовая борьба не исчезает при диктатуре пролетариата, а лишь принимает иные формы» (Ленин, том XVI, стр. 353, 354).

И далее он разбирает эти классы (стр. 354 — 355), к которым относит класс пролетариев, ставший господствующим классом, далее свергнутый класс эксплоататоров (к которым, несомненно, относятся кулаки «самые зверские, самые грубые, самые дикие эксплоататоры» (Ленин)), который не может сразу исчезнуть при диктатуре пролетариата и с которым пролетариат должен вести ожесточенную борьбу, и крестьянство или мелкая буржуазия, которую пролетариат должен вести за собой. *Проблема коллективизации центральной фигуры земледелия есть в данное время основная проблема, от правильного разрешения которой и от установления правильной линии в отношении к середняку, прочно повернувшему в сторону социализма, зависят успехи дальнейшей коллективизации.*

«Социализм есть уничтожение классов».

«Чтобы уничтожить классы, надо, во-первых, свергнуть помещиков и капиталистов. Эту часть задачи мы выполнили, но это только часть и притом не самая трудная. Чтобы уничтожить классы, надо, во-вторых, уничтожить разницу между рабочим и крестьянином, сделать *всех работниками*. Этого нельзя сделать сразу. Это — задача несравненно более трудная и, в силу необходимости, длительная. Это — задача, которую нельзя решить свержением какого бы то ни было класса. *Ее можно решить только организационной перестройкой всего общественного хозяйства, переходом от единичного, обособленного, мелкого товарного хозяйства к общественному крупному хозяйству* (подчеркнуто мной *И. В.*). Такой переход по необходимости чрезвычайно длителен. Такой переход можно только замедлить и затруднить торопливыми и неосторожными административными законодательными мерами. Ускорить этот переход можно только такой помощью крестьянину, которая бы давала ему возможность в громадных размерах улучшить всю земледельческую технику, преобразовать ее в корне.

1) Но из того, что она сохранила определенную дробь прежнего класса еще не вытекает, что буржуазия в наших условиях не составляет класса (третьего класса).

Чтобы решить вторую, труднейшую часть задачи, пролетариат, победивший буржуазию, должен неуклонно вести следующую основную линию своей политики по отношению к крестьянству: *пролетариат должен разделять, разграничивать крестьянина-трудящегося от крестьянина-собственника, крестьянина-работника от крестьянина-торгаша, крестьянина-труженика от крестьянина-спекулянта*. (Курсив мой. *И. В.*).

В этом разграничении *вся суть* социализма. И неудивительно, что социалисты на словах, мелкобуржуазные демократы на деле (Мартовы и Черновы, Каутские и К°) этой сути социализма не понимают.

Разграничение, указанное здесь, очень трудно, ибо в живой жизни все свойства «крестьянина», как они ни различны, как они ни противоречивы, слиты в одно целое» (Ленин, том XVI, стр. 352).

Мы привели конец этой цитаты для того, чтобы показать, в каком смысле понимал здесь Ленин *суть социализма*.

Речь идет в данном случае не о разграничении бедняка от середняка, середняка от кулака и т. д., т.-е. не о разграничении классов в деревне, а речь идет о классовой природе самого мелкого товаропроизводителя, о *природе середняка*. Для того, чтобы исчерпать ленинскую характеристику классовой природы середняка приведем другую цитату из той же статьи Ильича: «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата».

«Но все же разграничение возможно и не только возможно, но оно неизбежно вытекает из условий крестьянского хозяйства и крестьянской жизни.

Крестьянина - трудящегося веками угнетали помещики, капиталисты, спекулянты и их государство, включая самые демократические буржуазные республики. Крестьянин-трудящийся воспитал в себе ненависть и вражду к этим угнетателям и эксплоататорам в течение веков, а это «воспитание», данное жизнью, *заставляет* крестьянина искать союза с рабочим против капиталиста, против спекулянта, против торгаша. А в то же самое время экономическая обстановка товарного хозяйства делает крестьянина (не всегда, но в громадном большинстве случаев) торгашом и спекулянтом» (Там же)

Для природы мелкого хозяина крестьянина, таким образом, характерны две основные особенности: с одной стороны, он трудящийся, он сам работает, он подвергался эксплоатации и угнетению; с другой же, он—собственник средств производства и производимой продукции, он торговец (в том смысле, что он продает продукты собственного производства). Ленин говорит, что в этом разграничении двух особенностей крестьянина «вся суть социализма».

Только при подобной линии своей политики по отношению к крестьянству пролетариат может решить «вторую труднейшую часть» задачи социалистического строительства — переход от мелкого товарного хозяйства к крупному общественному производству, ведущему в конечном счете к уничтожению классов, к ликвидации разницы между рабочими и крестьянами.

Первое свойство мелкого производителя (трудящийся) есть предпосылка для возможности, реальности социалистического преобразования середняка. Эта сторона является базой для установления союза пролетариата с середняком *против капитализма* и на основе этого союза — для добровольного социалистического (под руководством пролетариата) преобразования сельского хозяйства и победы над капитализмом. Второе свойство (собственник, торговец), тянущее среднего крестьянина в сторону капитализма, есть выражение товарно-капиталистической тенденции середняка, делающее его мелким буржуа [1]). С этой тенденцией, с капиталистическим путем развития середняка, пролетариат ведет борьбу.

[1]) «В нашей программе каждый параграф есть то, что должен знать, усвоить и понимать всякий трудящийся. Если он не понимает, что такое капитализм, если он не понимает, что мелкое крестьянство и кустарное хозяйство неминуемо и обязательно рождает этот капитализм постоянно,—если он этого не понимает,

В условиях СССР заложены все предпосылки для победы (созданием крупного общественного производства) над этой тенденцией *в ожесточенной борьбе с капитализмом. Борьба с капитализмом, борьба с кулачеством есть условие, без которого невозможна победа над этой капиталистической тенденцией середняка, ибо не вести непримиримой борьбы с классовым врагом, значит давать ему возможность повести за собой середняка*, свернуть его с пути коллективизации, социалистического пути на путь капиталистический.

«Сохранят ли крестьянские массы полностью союз с рабочим классом, или они дадут буржуазии раз'единить себя с рабочим — зависит от того, по какому пути пойдет развитие сельского хозяйства: по социалистическому, или по капиталистическому, и, сообразно с этим, *кто будет руководить развитием хозяйства — кулак или социалистическое государство*» (из резолюции 16 партконференции).

Благодаря наличию первого свойства середняка (трудящийся) пролетариат имеет предпосылки для того, чтобы повести его за собой по социалистическому пути.

Борьба социалистической и капиталистической тенденций, борьба пролетариата и полупролетарских элементов деревни с буржуазией, с кулачеством—таков фон, на котором развертывается коллективизация середняка. Только филистеры из лагеря правых оппортунистов не хотят видеть неизбежности на данном этапе обострения классовой борьбы и неизбежности бешеного сопротивления кулачества социалистическому наступлению.

Благодаря сочетанию в лице середняка двух противоположных тенденций, ему свойственны *колебания* между пролетариатом и буржуазией, между социализмом и капитализмом.

«Крестьянство, как и всякая мелкая буржуазия вообще, занимает и при диктатуре пролетариата среднее, промежуточное положение: с одной стороны, это — довольно значительная (а по остальной России громадная) масса трудящихся, соединяемая общим интересом трудящихся освободиться от помещика и капиталиста; с другой стороны, это — обособленные мелкие хозяева, собственники и торговцы. *Такое экономическое положение неизбежно вызывает колебания между пролетариатом и буржуазией*. А при *обостренной борьбе между этими последними*, при невероятно крутой ломке всех общественных отношений, при наибольшей привычке к старому рутинному, неизменяемому со стороны именно крестьян и мелких буржуа вообще, естественно, что *мы неизбежно будем наблюдать среди них переходы от одной стороны к другой, колебания, повороты, неуверенность и т. д.*

По отношению к этому классу—или к этим общественным элементам—задача пролетариата состоит в руководстве. в борьбе за влияние на него. Вести за собой колеблющихся, неустойчивых—вот что должен делать пролетариат». (Ленин, том XVI стр. 354, 355. Курсив мой — *И. В*).

Колебания середняка есть важнейшее его свойство, вытекающее из отмеченной выше классовой природы мелкого товаропроизводителя. «Глубокомысленные» правые оппортунисты построили целую теорию, обосновывающую непрерывные уступки товарно-капиталистической тенденции середняка. Их теория обосновывает переход середняка на «социалистический» путь через товарно-капиталистическую тенденцию. Отсюда теория строительства социализма через процесс обращения с автоматическим внедрением социа-

то хоть бы он сто раз об'являл себя коммунистом и блистал радикальнейшим коммунизмом, этому коммунизму грош цена. Мы ценим коммунизм только тогда, когда он обоснован экономически» (Ленин, т. XVI, стр. 134).

лизма в область с.-х. производства, отсюда теория мирного врастания капитализма в социализм, роднящая правых с представителями махрового ревизионизма социал-демократов. Однако, не через товарно-капиталистическую тенденцию можно перевести мелкого производителя на рельсы социализма, а *через ее преодоление*. Развертывание хозяйственного строительства на основе товарно-капиталистической тенденции мелкого производства есть развертывание капитализма; оно означает развертывание двух противоположных путей развития, капиталистического в деревне и социалистического в городе, оно приводит к тому, чтобы руководство хозяйственным строительством в деревне отдать кулаку. Пролетариат стоит при таком положении перед перспективой перехода колеблющегося середняка на сторону капитализма против социализма.

Развертывая же колхозное строительство, пролетариат ведет за собой середняка по социалистическому пути и побеждает капитализм, побеждает товарно-капиталистическую тенденцию мелкого производства путем радикальной, добровольной перестройки его в крупное общественное производство.

Коллективизация в основе есть выражение и практическое осуществление *социалистической тенденции*. Болтовня некоторых товарищей (Ларин) по поводу частно-хозяйственной (а не социалистической) природы сплошной коллективизации не может быть иначе расценена, как утверждение о том, что колхозы, лишь видоизменяя природу середняка, оставляют в неприкосновенности товарно-капиталистическую тенденцию, хотя и в видоизмененной форме. Практически то означает полную невозможность коллективизации середняка, которого можно (к этому ведет эта установка) только принудительно «раскрестьянить» (что возможно, по троцкизму, при условии мировой пролетарской революции).

Природа середняка, вошедшего в колхоз, начинает меняться, так как при организации коллективного хозяйства возникают новые, коллективистические производственные отношения. В артелях, как основной форме колхозного движения на данном этапе, мы имеем вместо частной собственности на средства производства, переход к коллективной собственности на основные средства производства (машины, орудия, рабочий скот, товарно-продуктивный скот, хозяйственные постройки). Вместо индивидуального хозяйничания на клочке земли, в колхозах мы имеем ликвидацию меж. сведение земель в одни массивы для коллективной обработки. Вместо величайшей раздробленности и разобщенности производителей, мы имеем установление крупных коллективов, связанных между собой общностью товарищеского производства. Вместо стихийных рыночных отношений, мы имеем переход к плановому продуктообмену между городом и колхозами. Вместо собственника на продукты своего производства в колхозах мы имеем в *основном* переход к распределению продукции (в артелях на данной стадии в основном продукции полеводства) по количеству и качеству затраченного труда, и т. д. Все это приводит к трансформации товарно-капиталистической тенденции середняка, приводит к постепенному радикальному *изживанию* второй отличительной особенности природы середняка (собственник), приводит к превращению его в работника социалистического хозяйства, приводит к постепенному, хотя и длительному, изживанию разницы между пролетариатом и крестьянством. Колхозы выступают как социалистическая, как антикапиталистическая форма хозяйства, вопреки реакционным карканьям предателя и меньшевика Троцкого и его друзей о том, что в колхозах диференциация пойдет еще быстрей, что колхозы являются маскировкой для кулака. Процесс коллективизации есть подлинный путь основных масс крестьянства к социализму. Результатом этих процессов

будет являться величайшее историческое явление — *прекращение колебаний середняка между капитализмом и социализмом, между пролетариатом и буржуазией*.

Однако, прекращение колебаний середняка нельзя рассматривать, как возникающее *сразу* при одном только факте вступления в колхоз. Середняк в колхозе резко отличается от середняка вне колхоза, но середняк только в колхозе начинает по-настоящему, *в корне* переделывать свою природу и нужен определенный, длительный срок для того, чтобы им были изжиты *мелкособственнические представления*. Именно поэтому и в колхозах, на первой стадии их развития, *середняку будут свойственны еще колебания, неуверенность*. Закрывать на это глаза было бы недопустимой ошибкой для марксиста. Свойственные середняку колебания *усиливаются* при неправильной по отношению к нему политике. В факте ухода из колхозов миллионов крестьянских хозяйств за последние месяцы с особой ясностью оправдались указания Ленина на то, что переход к крупному общественному земледелию можно только «замедлить и затруднить» голым администрированием. На такую линию администрирования в колхозном движении, насильственного, а не добровольного вовлечения крестьянских масс в колхозы и сбились многие районы и даже целые округа и области. Это *не могло не привести* к резкому *усилению* колебаний середняка, к отходу от коллективизации, к распаду искусственно созданных колхозов, к затруднениям в дальнейшем росте колхозов. В этом отходе миллионов крестьянских хозяйств из колхозов виновато *не только* прямое действие административного усердия многих организаций, но и *косвенное* влияние этих, с позволения сказать, «методов» коллективизации. Именно *косвенному отражению* подобных «методов» по вовлечению крестьянских хозяйств в колхозы принадлежит решающая роль в усилении колебаний середняка (и в этом отношении вред «левацкой» теории и практики чрезвычайно усиливается). Совершенно нельзя себе представить, чтобы одними только административными мерами с неизбежной в таком случае принудительностью, можно было «загнать» в колхозы все семь с лишним миллионов крестьянских хозяйств (вышедших), или чуть не свыше тридцати миллионов сельского населения. Грубейшие извращения линии партии, погоня за процентами и погоня за высшими формами колхозов, не считаясь ни со степенью подготовленности масс, ни с районными особенностями, ни с необходимостью считаться с непройденными этапами коллективизации, ни с *необходимостью проводить принцип добровольности* и т. д., принесли величайший вред колхозному движению, *все это усиливало колебания крестьянских масс, даже добровольно вошедших в колхозы*. Природа колеблющегося середняка такова, что в ответ на случаи и даже отдельные случаи перегибов при коллективизации, извращений правильной линии партии он не отвечает развертыванием активности, направленной на изживание недостатков *в рамках колхоза*, а возвращается в скорлупу индивидуального хозяйства, от которого он сделал первый, робкий, оглядываясь назад, шаг. И именно поэтому, *оставшиеся в колхозах миллионы крестьянских хозяйств и десятки миллионов сельского населения*, устоявших в этот период массового отлива, представляют собой (в основном, конечно) наиболее передовую часть крестьянских масс, *которая является подлинной и действительной опорой в борьбе за дальнейший рост коллективизации, за социалистическую перестройку всего сельского хозяйства, за выкорчевывание корней капитализма*. В десятках миллионов колхозников мы имеем *могущественную силу, которая является величай-*

шей опорой пролетариата в боях за социализм. Почти одна треть всего сельского населения в колхозах, 30 — 35 миллионов га коллективных посевов, миллионы закалившихся в борьбе за коллективизацию колхозников — это величайший перелом, который после Октябрьской революции, ликвидировавшей помещичье землевладение, является вторым, решающим шагом по пути к социализму, который при завершении коллективизации приведет к построению фундамента социалистического строя во всем хозяйстве СССР.

Этого величайшего перелома партия добилась благодаря неуклонному осуществлению, в борьбе с уклонами от линии партии, правильной полити… Основными моментами, обеспечившими перелом, являлись: достижение … стрых темпов в развитии социалистической индустрии, осуществление м… сового кооперирования, переход на рельсы производственного кооперирования, развертывание строительства крупного государственного социали… ческого земледелия, организации машинно-тракторных станций и наступле… ние на кулацко-капиталистические элементы в союзе с середняком и … организации бедноты. Именно в результате огромной подготовительной … боты мы имеем в основных зерновых районах решающий переход осн… ных масс крестьянства на рельсы коллективизации. Именно поэто… остальных незерновых районах и восточных республиках СССР задача … рехода к массовой коллективизации требует всемерного развертывания … оперирования крестьянства, широкого распространения товариществ по … щественной обработке земли, как переходной к артели формы колхоз… ганизации совхозов, в особенности специального направления, всеме… укрепления организовавшихся колхозов и строительства машинно-трак… ных станций. Все эти мероприятия, при проведении усиленного наступления на кулацко-капиталистические элементы и дальнейшего ограничения их эксплоататорских тенденций, при широкой организации бедноты, обеспечат переход этих районов к массовой коллективизации.

Новое в соотношении социальных сил на данном этапе, таким образом, прежде всего, характеризуется тем, что пролетариат и партия теперь в основных зерновых районах получили новую мощную опору в виде многочисленных масс колхозников. Середняк-колхозник, входящий в артель, обобществивший основные средства производства, ставший на путь радикальной социалистической переработки своей природы, превращается из союзника пролетариата в его опору на ряду с беднотой, на ряду с полупролетарскими элементами деревни. Это означает невиданное расширение политической базы пролетариата в деревне, исключительное по своей быстроте сужение базы для влияния кулацко-капиталистических элементов, которые сами подвержены ликвидации в районах сплошной коллективизации. Политика ликвидации кулачества как класса органически вытекает из перехода к сплошной коллективизации, является нераздельной, составной частью сплошной коллективизации. Организуя активность бедноты для беспощадной борьбы с кулачеством при переходе к сплошной коллективизации, обеспечивая поддержку со стороны середняка в этой борьбе в момент рождения массовых колхозов, мы при осуществлении сплошной коллективизации получаем в лице масс колхозников, бедняков и середняков мощную силу, которая под руководством пролетариата и его партии направлялась (при правильной политике), направляется и будет направляться на борьбу с остатками капитализма, на борьбу за осуществление лозунга ликвидации кулачества как класса, на борьбу за укрепление колхозов и дальнейший их рост.

Это не исключает, а предполагает такие взаимоотношения колхозников и единоличников бедняков и середняков, пока оставшихся вне колхозов, которые бы строились на основе привлечения единоличников к колхозам, на основе установления таких взаимоотношений, которые создавали бы все предпосылки для дальнейшего вовлечения в колхозы сегодняшних единоличников.

Основным принципом во взаимоотношениях с середняком является союз, соглашение с ним пролетариата и бедноты. Этот союз может правильно осуществляться, если он направлен на укрепление пролетарского государства, на социалистическое строительство и борьбу с капитализмом. Разрешение этих задач может достигаться только при условии сохранения за пролетариатом его руководящей роли.

Соглашение с середняком против капитализма, против кулачества является основой колхозного движения.

На вопрос о том, в чем состоит корень ошибок в крестьянском вопросе, Сталин отвечает:

> «В неправильном подходе к середняку. В допущении на-
> силия в области хозяйственных отношений с середняком. В забвении того,
> что хозяйственная смычка с середняцкими массами должна строиться не на
> основе насильственных мер, а на основе соглашения с середняком,
> основе союза с середняком. В забвении того, что основой кол-
> хозного движения в данный момент является союз рабо-
> чего класса и бедноты с середняком против капитализ-
> ма вообще, против кулачества в особенности» (И. Сталин
> «Ответ товарищам колхозникам». (Курсив мой. *И. В.*).

Нарушение принципа добровольности, насильственные административные методы, применение к середняку мер, направленных против кулачества, игнорирование середняка при разрешении вопросов внутриколхозного строительства и т. д. — все это ведет к срыву соглашения с середняком, а следовательно, к подрыву основы для коллективизации. Только исходя из этого принципа соглашения с середняком, направленного против капитализма, против кулачества, мы обеспечили коренной поворот середняцких масс к коллективизации, обеспечим дальнейший рост колхозного движения и дальнейший переход индивидуальных хозяйств в колхозы. Вместе с этим, только исходя из этого принципа, мы обеспечим укрепление существующих колхозов и дальнейшее продвижение их по пути к высшим формам коллективизации. Это значит, что внутри колхозов должны устанавливаться правильные отношения с середняком. По каким линиям должно итти установление правильных отношений с середняком внутри колхозов? По линии привлечения середняка к руководству колхозным строительством, во-первых; развертывания широкой самодеятельности колхозных масс вокруг вопросов хозяйственного строительства, использования хозяйственного опыта середняка для разрешения производственных вопросов коллективного хозяйства, во-вторых; по линии установления таких форм распределения дохода, которые не отталкивают середняка от колхозов и дают в то же время возможность постепенного перехода к подлинно социалистическим формам оплаты труда в-третьих; по линии трезвого учета особенностей собственнической природы середняка и соответственно уступку ему в вопросах быстроты перехода к полной ликвидации частной собственности на все средства производства в-четвертых; и в-пятых, по линии установления таких отношений с кадрами пролетариев (например, двадцатипятитысячники) и бедноты в колхозах, которые бы сохраняли за ними общую руководящую роль, обеспечивая тем, самым проведение в колхозах пролетарской линии, направленной на непрерывное развитие социалистических

производственных отношений в колхозах и на преодоление мелкобуржуазных тенденций к перерождению колхозов.

Сельско-хозяйственная артель является основной формой колхозного движения на данной стадии. Отличительной особенностью артели является обобществление основных средств производства, необходимых для ведения *крупного, товарного* хозяйства (машины и орудия, рабочий скот, хозяйственные постройки, товарно-продуктивный скот и проч.). Достижение с.-х. артели, как основной формы колхозного движения на данном этапе, является величайшим историческим завоеванием, ибо здесь уже заложены *все основы для победного шествия крупного общественного производства*. Прямой недооценкой нарождающейся социалистической формы хозяйства, неверием в возможность через с.-х. артели притти к организации подлинно социалистического производства является стремление многих ретивых коллективизаторов обобществить сразу все средства производства, ликвидировать всякую собственность на все средства производства, заставить вчерашнего мелкого собственника уже сегодня отказаться целиком от всех собственнических интересов, от всех мелкособственнических представлений. Эти устремления «левацкого» типа прямым путем ведут к отпугиванию от артели середняка, прочно повернувшего к обобществлению основных средств производства, а следовательно, сделавшего *решающий* (решающий!!) шаг в сторону коллективизации, *решающий* шаг по пути к социализму, но не могущего сразу, что называется, «не переводя духу», отрешиться от всех и всяких собственнических представлений и «одним махом» переделать свою двойственную природу, о которой мы говорили выше. Эти устремления ведут к отходу середняков от колхозов, а следовательно, к разрушению организовавшихся артелей, в которых мы можем по-настоящему переделывать классовую природу середняка, ведут, следовательно, к сдаче достигнутых позиций в борьбе за коллективизацию, за социалистическое преобразование деревни. С какой ясностью вырисовывается прямое взаимодействие «левого» революционного фразерства, за которым следует «левацкая» оппортунистическая практика, с правым оппортунизмом! Партия исходит из неизбежности считаться с *необходимостью наличия в с.-х. артелях в единоличном пользовании колхозников определенного личного хозяйства: корова, овцы, птица, приусадебные огороды и пр.*, необходимости считаться с использованием для индивидуального хозяйства колхозников определенной части обобществленных средств производства: *рабочего скота и орудий для* обработки единоличных приусадебных посевов, *кормов* для скота и птицы, находящихся в единоличном пользовании колхозников и проч. и с необходимостью считаться с использованием определенной части *рабочего времени* колхозника, и его семьи для работы в единоличном хозяйстве. Личное хозяйство колхозников будет носить в основном потребительский, а не товарный характер, но это не значит, что в какой-то определенной степени это хозяйство *не будет иметь товарных излишков*, максимальный охват которых в порядке контрактации со стороны колхозов и кооперации является важнейшим делом. Гвоздь вопроса в правильной работе колхозов заключается в том, чтобы полностью обеспечить быстрый рост обобществленного хозяйства, чтобы так организовать работу колхозников, чтобы они (колхозники) направляли все усилия на быстрый рост, укрепление и повышение товарности коллективного производства, *на непрерывное развитие коллективистических производственных отношений и постепенное, на этой основе, но неуклонное изживание мелкособственнических тенденций колхозников, изживание и в конечном счете ликвидация собственниче*-

ских представлений, собственнической психологии. Грош цена тем колхозам, которые не сумеют так сочетать на данной стадии работу колхозников в коллективном хозяйстве с работой в личном хозяйстве, чтобы она не вела *к росту коллективистических отношений* за счет мелкобуржуазных, и которая дала бы возможность направить колхозников по пути роста индивидуального хозяйства *за счет* товарищеского, по пути мелкобуржуазного перерождения и дальше распада колхозов.

Важнейшим моментом, связанным с установлением правильных отношений с середняком, является вопрос *распределения доходов в колхозах*. В сельскохозяйственной артели мы имеем в основном установление социалистического типа распределения доходов: *распределение по количеству и качеству затраченного труда*, а не на основе владения определенными средствами производства. Этот основной принцип является важнейшим достижением на пути к установлению подлинных коллективистических производственных отношений. Однако, это не значит, что артели сразу, немедленно могут перейти *целиком и полностью* на этот принцип распределения доходов. Этого они могут достигнуть лишь *в процессе глубокой переработки вчерашнего мелкого собственника, в процессе коренной перестройки материально-технической базы производства и повышения культурного уровня масс колхозников*. Отсюда, неизбежны на данном этапе некоторые специфические модификации этого принципа, применение его в простой, элементарной форме, ряд частичных дополнений к нему, устанавливаемых *практикой колхозного строительства*, а не декретируемых по шаблону, не навязываемых сверху. Отсюда неизбежно частичное распределение дохода сообразно внесенным в обобществленные фонды средствам производства (*5 проц. от дохода колхоза* распределяются соразмерно паевым взносам колхозников в общественное имущество). Все это не исключает того, что принцип оплаты труда по количеству и качеству затраченного труда *должен являться основным принципом* в артелях, на непрерывное развитие и усовершенствование которого должны быть направлены энергия и инициатива колхозных масс. Здесь так же, как и в вопросе о личном хозяйстве членов колхозов, колхозы должны вести линию на неуклонное укрепление социалистических принципов и преодоление, в конечном счете, собственнических, а равно мелкобуржуазных уравнительных тенденций колхозников. При распределении доходов, при организации всего производства, важнейшим результатом которого должно быть непрерывное повышение производительности труда, как решающего фактора для окончательной победы новых общественных отношений, колхозы должны исходить из категорической необходимости обеспечить *расширенное воспроизводство коллективного хозяйства, обеспечить накопление общественных средств производства*. Только при таком условии колхозы могут прочно развиваться. Вместе с этим только при этом условии колхозы могут переходить к высшей форме — *коммуне*. Не мало оппортунистических, головотяпских ошибок наделано при стремлении сразу организовать высшие формы колхозов—коммуны, основанные на полном обобществлении средств производства, труда и быта, и *перепрыгнуть через непройденную еще ступень развития*. В стремлениях к немедленному обобществлению всего *быта* и особенно к введению общей уравнительности в распределении, нет ничего революционного, наоборот, эта якобы «революционная» тенденция насаждения в сущности узко замкнутых потребительских ячеек («коммун») на самом деле есть реакционная тенденция. Реакционному на данном этапе принципу всеобщей уравнительности в распределении целиком противоречит принцип распределения по количеству и

качеству труда. Коммуну мы можем рассматривать только как высшую форму коллективизации, к которой колхозы могут переходить лишь в соответствии с повышением технической базы, в соответствии с ростом колхозных кадров и под'емом материального и культурного уровня масс колхозников. Коммуну высшей формой коллективизации делает не обобществление быта, а полное обобществление всех средств производства, а следовательно, полная ликвидация частной собственности на все без исключения средства производства. В этом центральное, решающее отличие коммуны от артели. Именно на этой основе и на основе подведения под коллективное производство новой технической базы и на основе перехода колхозов от мануфактурного типа к крупному машинному производству будут организовываться коммуны.

На этой основе мы будем иметь (и уже имеем отдельные образцы) роста крупных и сверхкрупных предприятий вопреки получившей печальную известность «гигантомании», этой попытке без организационной и технической подготовки, без подготовленности масс, нарушая принцип добровольности, организовать, безжизненно-бюрократические «гиганты».

Обобществление быта есть следствие перехода к высшей форме колхозов, а не условие его. Переходя к полному обобществлению всех без исключения средств производства, переходя к коммуне, колхозы должны ставить перед собой задачу постепенной организации учреждений и предприятий по общественному обслуживанию личных потребностей (общественные жилища, столовые и т. п.)[1].

Переход к высшим формам колхозов, как к массовому движению, в котором действительно участвуют действительные массы колхозников, есть следующая стадия коллективизации.

Переход к высшей форме колхозов, как массовому явлению, означает переход к окончательному изживанию собственнических представлений середняка. Здесь мы уже достигаем стадии, когда вплотную подойдем к превращению колхозов в подлинно социалистические предприятия, к решительному изживанию разницы между пролетариатом и крестьянством. Только на этом, следующем этапе в развитии коллективизации, заложится основа для восприятия принципов организации производства, свойственных последовательно-социалистическому сектору сельского хозяйства (совхозам). Переносить же на колхозы систему управления, свойственную совхозам, было бы на данном этапе грубейшим извращением всей политики коллективизации крестьянских хозяйств, ведущим к подрыву колхозного движения, а не к его дальнейшему развитию. Практика превращения колхозника в «пролетария», в рабочего, перенесение организационной системы управления совхозами на колхозы, практика установления фиксированной денежной зарплаты, практика превращения крестьян в рабочих совхозов путем их «пролетаризации» (были и подобные случаи) не имеет ничего общего с политикой организации добровольных коллективных хозяйств, возникающих при финансовой поддержке государства на средства самих крестьян и являющихся генеральной линией перехода мелких товаропроизводителей к социализму, к переработке таким путем классовой природы середняка и в конечном счете, к ликвидации разницы между рабочими и крестьянами, к уничтожению классов и полной победе над капитализмом.

---

[1]) Это не значит, что и в артелях колхозники не будут, в той или иной форме, создавать общественные формы удовлетворения личных потребностей, особенно связанных с процессом производства (например, общественное питание во время полевых работ и т. п.).

И. Мингулин.

Экономический кризис и революционный под'ем в Америке.

1. Экономический кризис и классовая борьба.

Развитие классовой борьбы в Соед. Штатах в связи с экономическим кризисом имеет международное значение. Какова связь кризиса с развитием классовой борьбы? Для нас совершенно ясно, что под'ем революционной борьбы пролетариата связан с нарастающим кризисом капитализма, составляет его решающую часть. В конечном счете нарастающий кризис капитализма получает свое наиболее «неопровержимое» выражение именно в росте революционной борьбы пролетариата. Вне этого ленинизм не может ставить вопрос о «судьбах капитализма».

Ленинизм на вопрос о ближайшей связи капиталистической кон'юнктуры с развитием классовой борьбы может отвечать и отвечает лишь конкретно. Совокупность многочисленнейших условий, которые заранее учесть или невозможно или весьма трудно, решает вопрос о том, какова будет эта непосредственная связь с данным циклическим движением капиталистической экономики. Эта связь может быть *и* прямой *и* обратной. Окончательный ответ на этот вопрос может дать лишь практика классовой борьбы.

Опыт пролетарского движения показывает здесь самое различное сочетание, меняющееся при этом и в зависимости от различных стадий кризиса, не говоря уже о различном характере, глубине и всеобщности кризиса.

Послевоенный экономический кризис на общем фоне общего кризиса капитализма привел на первом этапе к бурному революционному под'ему и в ряде стран к гражданской войне пролетариата против буржуазии. На втором этапе на основе поражения пролетариата в 1919—20 гг. началось всеобщее наступление капитала, затем пролетариат несколько поправился и глубокий экономический кризис привел к революционной ситуации в Германии в 1923 г. На основе поражения 1923 г. началась частичная стабилизация капитализма и спад пролетарской борьбы при под'еме капиталистической кон'юнктуры. В этой же полосе началась борьба английского пролетариата в 1926 г.—борьба оборонительная с попытками контрнаступления, но борьба напряженная, борьба миллионных масс.

На этом же под'еме капиталистической кон'юнктуры начинается под'ем классовой борьбы с 1927—28 г. Пролетариат начинает переходить в контрнаступление. Английский пролетариат в этой же полосе под'ема капиталистической кон'юнктуры с конца 1926 года переживает относительную, но довольно затяжную и глубокую депрессию, на которой спекулируют английские правые, чтобы законсервировать оппортунистическую тактику и всячески саботировать проведение новой линии. Помимо этого в ко-

лониальном секторе пролетарская революция проходит свой не менее сложный путь, а в самой Европе имеют место такие события, как восстание в Вене, международные выступления в связи с казнью Сакко и Ванцетти и т. д.

Накануне назревающего мирового экономического кризиса нарастает новый революционный под'ем. С назреванием кризиса и в зависимости от различных его стадий и совокупности многочисленных обстоятельств мы видим *различную* его связь с развитием классовой борьбы в отдельных странах. Американский пролетариат ответил пока на кризис широкими массовыми выступлениями и значительным ростом коммунистической партии. В Англии с назреванием кризиса нарастает сейчас классовая борьба. Бурный революционный под'ем в Китае, Индии, пока несколько меньше в ряде других колониальных и полуколониальных стран. Сложней значительно процесс в Германии, Польше, отчасти, Франции, куда только-только доходят волны кризиса.

При более обстоятельном анализе нужно было бы, конечно, дать более диференцированный анализ тех конкретных условий, которые определили ту или иную ближайшую связь между экономической кон'юнктурой и классовой борьбой. При этом нужно было бы обязательно различать обычные изменения кон'юнктуры от цикличных экономических кризисов, а те и другие от экономических кризисов и потрясений, которые перерастают или развертываются как часть острого революционного кризиса всей капиталистической системы. *Но и сказанного достаточно, чтобы показать самую разнообразную непосредственную ближайшую связь между развитием классовой борьбы и кон'юнктуры капиталистической экономики.* В общем *в полном соответствии с теорией марксизма-ленинизма здесь существует обратная связь, т. е. с падением, ухудшением капиталистической «кон'юнктуры», с перерастанием его цикличных кризисов (в силу общей перезрелости и загнивания капитализма) в общий кризис системы, который в свою очередь развивается так же через различные кон'юнктурные фазисы и менее ясно выраженные цикличные кризисы, классовая борьба пролетариата подымается, нарастает и развертывается в гражданскую войну с буржуазией. В то же время непосредственная ближайшая связь того или иного кон'юнктурного перелома в экономике капитализма с развитием классовой борьбы на данном этапе бывает — и иначе и быть не может — самой разнообразной.*

Так именно ставил вопрос Маркс в 1850 г. в «Классовой борьбе во Франции».

> «Она (революция. *И. М.*) возможна лишь в такие периоды, когда оба эти факторы — новейшие производительные силы и буржуазные формы производства — приходят между собой в противоречие... Новая революция возможна лишь после нового кризиса. Зато она также неизбежна, как и этот последний»

Также в конкретном случае ставил вопрос Энгельс в предисловии к указанной работе Маркса, написанном в 1894 г.

С такой марксистско-ленинской установкой полностью разрывает установка оппортунистов всех мастей. В самом деле, — думает реформист — во время высокой конюнктуры есть что выторговать у капиталиста и классовая «борьба» может «подыматься», но какая же борьба может быть во время спада кон'юнктуры, когда бороться не за что и, наоборот, надо помогать капиталисту, штопать дыры разлезающегося строя. Бороться в такое время противоестественно, это разрушает в самой основе любезную сердцу реформиста и социал-фашиста капиталистическую экономику. Именно эта логика приводит к перерастанию социал-оппортунизма в социал-империализм и социал-фашизм. Но логика эта капиталистическая, буржуазная и ничего общего с марксизмом не имеет, прямо противоположна и враждебна ему.

Именно по-марксистски ставил вопрос об этой связи и Ленин и этому он учил большевиков. Этот вопрос о связи экономического кризиса или депрессии с развитием классовой борьбы понятно является не академическим, а животрепещущим вопросов борьбы для каждой революционной пролетарской партии и ставился он и в развитии нашей большевистской партии в России, в частности в 1908 году.

> «Одни говорят, — писал в связи с этим Ленин, — попрежнему невозможна экономическая наступательная борьба рабочих, следовательно невозможен близкий революционный под'ем. Другие говорят: невозможность экономической борьбы толкает к политической и поэтому неизбежен близкий революционный под'ем..
>
> «Мы думаем, — отвечает Ленин, — что в основе рассуждений тех и других есть одна неправильность, состоящая в упрощении сложного вопроса... Никакие данные о кризисе, даже идеально точные, не могут по сути дела решить вопрос за или против близкого революционного под'ема, ибо под'ем этот зависит еще от тысячи факторов, учесть которые наперед невозможно. Без общей почвы аграрного кризиса страны и депрессии в промышленности невозможны глубокие политические кризисы. Это бесспорно. Но раз общая почва есть налицо, то отсюда еще нельзя сделать вывода, будет ли депрессия некоторое время задерживать массовую борьбу вообще, или на известной стадии событий та же депрессия толкнет на политическую борьбу новые массы и свежие силы. Для решения такого вопроса может быть только один путь: внимательно следить за биением пульса всей политической жизни в стране и, в особенности, за состоянием движения и настроения широких пролетарских масс» [1]).

По-ленински «следить» не значит сидеть на безопасной спокойной вышке с подзорной трубой и смотреть, выступят рабочие массы или нет и если выступят, то как. «Следить» можно только широкой агитацией (не «агиткой», а политической, массовой агитацией, мобилизующей и организующей массы и неразрывно связанной с этой организацией и мобилизацией масс) и организацией масс на борьбу. Это и предлагал Ленин, это и предложил секциям КИ расширенный президиум ИККИ вместо «революционных» мудрствований, схоластических гаданий и оппортунистического выжидания особенно.

> «Только агитация, — писал Ленин в этой же статье, — в состоянии показать в широком масштабе действительное настроение масс, только агитация создает тесное взаимодействие между партией и всем рабочим классом, только использование в целях политической агитации и каждой стачки, и каждого крупного события или вопроса рабочей жизни, всех конфликтов внутри правящих классов или той и иной фракции этих классов с самодержавием и каждого выступления с.-д. в Думе, и каждого нового проявления контрреволюционной политики правительства и т. д. — только эта работа сомкнет снова ряды революционного пролетариата, даст безошибочный материал для суждения о быстроте назревания условий для новых и более решительных боев». (Там же, стр. 384).

Но Ленин в то же время ясно видел все *значение периода экономических кризисов для под'ема классовой борьбы пролетариата на более высокую ступень.* Именно в 1901 г. в связи с экономическим кризисом накануне назревания революционного под'ема в России Ленин писал:

> «Но смена промышленного оживления научит рабочих не только тому, что об'единенная борьба стала для них постоянной необходимостью, эта смена разрушит также те вредные иллюзии, которые начали уже образовываться

[1]) Ленин, т. XII, стр. 383, статья «Об оценке текущего момента».

в период оживления промышленности... Цеховые союзы и стачки (экономические И. М.) бессильны изменить те условия, которые превращают рабочую силу в товар, осуждая массы трудящихся на самую тяжелую нужду и безработицу. Чтобы изменить эти условия необходима революционная борьба со всем современным обществом, политическим строем и промышленный кризис заставит многих и многих рабочих убедиться в справедливости этой истины».

Несмотря на все огромное различие условий капиталистических стран Запада от условий России, несмотря на все огромнейшее различие современных условий классовой борьбы от условий начала XX века,—эти слова Ленина имеют сугубо важное значение в отношении современного экономического кризиса.

Уже VI конгресс установил, что в современных условиях классовой борьбы каждая мало-мальски крупная экономическая стачка имеет политическое значение. Но от этого до стачки политической, до массовой политической стачки еще очень большой шаг. Это шаг от об'ективно-политического значения стачки до суб'ективного сознания рабочими политического содержания и значения их борьбы и, больше того,—роста их решимости (и организованности)—а она создается лишь особыми условиями, лишь на определенной ступени развития борьбы—связать экономическую борьбу с политической, выступить против всего существующего капиталистического строя. А это сознание и решимость рабочий может получить лишь на опыте классовой борьбы, может приобрести лишь при соответствующих об'ективных условиях, лишь при наличии достаточно опытного и связанного с массами авангарда класса. Революционный под'ем, назревавший уже до кризиса, был этим периодом классовой борьбы, был этой школой, обучавшей рабочих этому сознанию и решимости, выковывавшей этот авангард, связывавший его с массами. Назревающий экономический кризис создает ускоренным темпом те условия, ту обстановку, о которых говорил Ленин и которые подводят рабочий класс вплотную к проблеме массовой политической стачки.

В Соед. Штатах развитие массового движения уже в значительной степени показало, что экономический кризис привел к перелому во время развития америакнского империализма, к повороту в классовой борьбе пролетариата, к серьезному началу массового революционного под'ема.

6 марта в Америке под знаменами коммунистической партии демонстрировало более миллиона рабочих. За два—три месяца вербовки в партию новых рабочих американская коммунистическая партия почти удвоила свой состав. В нее (по последним сведениям) вступило в период вербовки от 10 декабря 1929 г. по 28 февраля 1930 г. — 6.167 новых членов партии. Из этих 6.167—85%—рабочие с фабрик и заводов. Из этих 6.167—934 негра. В демонстрациях против мексиканского контрреволюционного президента Рубио, приехавшего погостить в Америку к своим хозяевам с Уолл-стрита, партия вызвала на улицу десятки тысяч рабочих. На похоронах убитого полицией коммуниста Котовича, демонстрировало в знак протеста против фашистского террора 40—50 тыс. рабочих. До и после 6 марта имели место ряд больших массовых демонстраций и более или менее значительных стачечных выступлений. Относительно выступления первого мая мы еще не имеем достаточных данных о событиях в отдельных штатах. Первое мая подготовлялось в условиях усиленных полицейских репрессий и провокаций против компартии. Три центральных работника партии—Фостер, Амтер, Майнор—сидят в тюрьмах. В Чикаго и др. городах полиция делала налеты на помещения компартии с арестами руководителей организации. Все же по сведениям в Нью-Йорке произошла грандиозная демонстраюция около 150.000 рабочих. Коммунистическая партия возглавила борьбу в Гастонии, руководила—хотя и с большими недочетами—борьбой горняков Иллинойса

и десятками других более или менее мелких и крупных забастовочных выступлений пролетариата. Самая солидная буржуазная печать заговорила о коммунизме, о коммунистической опасности. Не о коммунистической опасности вообще, а об опасности непосредственно у себя—дома, представляемой плотью и кровью американской коммунистической партии и бурно подымающимся на борьбу против капитализма американским пролетариатом.

О чем все это говорит?

Это говорит о том, что в развитии американского империализма наступил перелом. Наступил поворот в развитии классовой борьбы в Америке. Ходом классовой борьбы разрешается проблема создания массовой коммунистической партии. Класс становится против класса. Не Европа «американизируется», а Америка «европеизируется».

Этот поворот наступил не внезапно. Он внезапен лишь для тех, кто со слов американской буржуазной рекламы и публицистики уверовал в американское просперити, в исключительность Америки, в оздоровление капитализма. Этот поворот подготовлялся в последние годы; разразившийся экономический кризис в Америке его обнажил, вскрыл и вместе с тем дал бешеный толчок революционному развитию. Именно потому, что коммунистическая партия Америки подготовляла себя и массы к этому повороту, очищала себя от правого (а также «левого») оппортунизма, уверовавшего в прочность просперти, в исключительность американского капитализма, в оздоровление мирового капитализма, именно поэтому она оказалась в основном подготовленной, чтобы встретить новую ситуацию и быть впереди бурно развертывающегося массового движения.

Но было бы иллюзией думать, что компартия уже готова «во всеоружии встретить грядущие классовые бои в Америке» (Сталин). В этом направлении сделан лишь первый серьезный шаг, созданы лишь предпосылки решения задачи, а само решение еще почти целиком впереди.

Кризис вскрывает и сам производит большие классовые сдвиги, огромные сдвиги, прежде всего, в рабочем классе — класс, как таковой, в своих массах пробуждается на борьбу, разбивается тяжело давящая скорлупа буржуазного влияния. В Нью-Йорке 6 марта 120.000 демонстрируют на улицах, в столкновениях с полицией завоевывают себе дорогу, отстаивают свое право на улицу, право на открытую борьбу с буржуазией. В Дэтройте в центре автомобильной промышленности, где компартия имела всего несколько сот человек, она выводит на улицу 100.000 рабочих, которые в полуторачасовом столкновении с полицией, с десятками раненых, как и в Нью-Йорке, пробивают себе путь, неся коммунистические знамена и лозунги. То же самое в Чикаго, в Сан-Франциско, в Кливленде, Питтсбурге, на Юге. Мы еще остановимся в другом месте на анализе этого выступления, как и на плюсах и минусах подготовки и проведения партией 6 марта, а позже и 1 мая. Но при всем этом огромный массовый характер движения ясен.

«Лед тронулся» — писал Ленин в 1919 г. после I-го конгресса Коминтерна, когда идея советов приводила в движение миллионные массы рабочих и крестьян в капиталистических и колониальных странах. В истории американского движения не было еще столь широкого массового выступления, как выступление 6 марта. Лед массового революционного движения по-настоящему, серьезно тронулся и в Америке. Давление мощи американского империализма, опиравшаяся на эту мощь агитация просперити и вся идеологическая и политическая надстройка американского финансового капитала создавали изолированность коммунистического движения от масс рабочего класса. Несмотря на то, что партия в ряде случаев выступала руководителем упорных стачечных боев пролетариата, коммунистическое движение в Америке не могло еще стать движением массовым, движением, связанным тысячами активных связей с массами рабочего класса. Кризис и становится

тем двигателем, который в ускоренном порядке пробуждает массы рабочего класса к революционной классовой борьбе и связывает их с коммунистическим движением. Сейчас коммунистический авангард смыкается с массами своего класса, стена американской просперити рушится. Сотни тысяч рабочих и до этого беспощадно эксплоатировавшиеся, жившие в тяжелейших условиях, пробудились и пробуждаются на борьбу. Тяжелая лапа полиции, давление наиболее империалистически коррумпированной Американской Федерации Труда, надежда, что просперити даст может быть и им когда-нибудь свои крохи,— чувство оторванности от больших масс своего класса, находящихся в более выгодном положении, — все это удерживало миллионы рабочих, занятых и безработных, от смелого последовательного выступления против классового врага. Роль настоящего кризиса в том и состоит, что он разбивает перегородки между массами пролетариата, показывает им единство их интересов, сплачивает их как класс, показывает, наоборот, противоположность их пролетарских интересов интересам и стремлениям буржуазии и ее рабочих лейтенантов, пробуждает в рабочих массах классовое самосознание, пробуждает в их сознании те запавшие семена, которые упорная коммунистическая агитация и пропаганда бросали туда в предшествующий период, обращает взоры рабочих масс к своей единственной партии, разбивает перегородки между ней и рабочими массами, созданные или лишь слабо расшатанные предшествующим ходом развития. Таким образом, кризис поднимает рабочий класс на массовое революционное движение во главе со своей коммунистической партией. Кризис экономически переплетается с элементами некоторой неуверенности в ситуации политической. Кризис, таким образом, политически просвещает рабочий класс, учит его неразрывной связи его экономического положения с положением классово-политическим. В этом глубочайшая революционная роль современного экономического кризиса особенно и, прежде всего, в Соед. Штатах. Словом, кризис превращает коммунистическое движение Америки в движение массовое, и этим определяются задачи коммунистической партии Америки.

2. Положение рабочего класса и классовая борьба в годы „просперити".

Но под'ем массовых выступлений в связи с кризисом подготовлялся всем положением основных масс рабочего класса Америки и развитием классовой борьбы еще в период процветания. В другом случае мы дадим общеэкономическую характеристику периода просперити, — сейчас речь идет о положении рабочего класса. Достаточно взять ряд данных, рисующих более или менее совокупную картину положения рабочего класса, чтобы убедиться в сказанном.

Возьмем, прежде всего, безработицу и интенсификацию труда занятых рабочих. Эти два явления неразрывно связаны с капиталистической рационализацией, являются ее стержнем и составляют важнейший элемент форсированного понижения жизненного уровня рабочего класса в капиталистических странах и в особенности в Соед. Штатах. Огромный рост производительности труда в развитии послевоенного капитализма не сопровождается и не вызывается соответствующим ростом производительных сил. Последний далеко отстает. Эта основная черта послевоенной экономики капитализма. Она ярко вскрывает глубину кризиса капитализма, его загнивания, об'ясняет закономерность и неизбежность процесса расшатывания капиталистической стабилизации. При стагнации или незначительном росте производительных сил производительность труда делает большие скачки. Это определяется как техническим прогрессом, так и бешеным нажимом на мускулы и волю рабочих. «Снашиваемость» рабочего ускоряется в огромной степени»; уже к 40—50 годам рабочий выходит в тираж. Конечно, есть горе-марксисты, которые думают, что они являются прямо мучениками науки, когда «смело» выступают с тезисом о повышении жизненного уровня рабочего класса, ибо, мол, как же, ведь статистика указывает на рост зарплаты. В действительности же послевоенная капиталистическая рационализация бешено понижает жизненный уровень пролетариата и это относится и к Америке.

За последние годы (1919—1926 гг.), по данным «Анналиста», при росте продукции число занятых в сельском хозяйстве, промышленности, горном деле и транспорте, рабочих уменьшилось примерно на 2.125 тыс. чел. Общий индекс производства за эти годы вырос. В то время, как с 1919 по 1929 гг., т.-е. за десятилетие, индекс физического об'ема пром. продукции повышается на 35%, индекс числа занятых рабочих понижается на 6,3%, т.-е. производительность рабочего, выраженная в физическом об'еме продукции, повышается на 42—45%, а число рабочих уменьшается на 6%, так как рост производства резко отстает от роста производительности труда. Характерно при этом, что число лиц, занятых вне производства (свободные профессии, распределение, развлечения и т. д.) выросло за этот же период на 1.850 тыс. человек. Эти последние данные несколько преувеличены, но все же могут служить для ориентировки.

По подсчету Рабочего Бюро число рабочих в одной лишь промышленности уменьшилось с 1923 по 1927 г. на 1.100 тысяч с лишним человек (с 8.778 до 7.668 тыс. человек). Теодор Клаппен в «Мэгэзен оф Уол Стрит» от 3 мая текущего года сообщает, что промышленный ценз 1927 г. определил число индустриальных рабочих в 8.076.555 человек вместо 9.096.750, исчисленных промышленным цензом в 1919 г. Таким образом, по самым скромным исчислениям число рабочих в промышленности за 1919—27 годы уменьшилось на 1½ млн. человек. «Бюро рабочей статистики» определяло число железнодорожных рабочих в 1920 г. в 2.027.000 человек, а в 1926 г. всего 1.783.000 человек. Сейчас, — добавляет Клаппен, — их несравненно еще меньше.

Таким образом, факт 1) огромного роста интенсивности труда, 2) отставания роста производства от роста производительности труда, 3) значительнейшего сокращения числа занятых рабочих — этот факт из всех этих данных несомненен.

Огромная армия безработных стала поэтому постоянным спутником американского процветания. Это и есть, как определяет Стюарт Чэйз, «экономика сумасшедшего дома». В своей книге «Машины и люди» он пишет: «Машины не создали безработицы, но они превратили ее из ничтожной царапины в одну из страшных язв человечества». Можно прямо подумать, что Чэйз является луддитом. Однако, суть дела именно в том, что империализм загнивает и задыхается под выросшими производительными силами, он не может справиться с ними. Чэйз все хочет приписать машинам—в этом сказывается то, что он является буржуазным сикофантом. На самом деле, армия безработных растет как от того, что рабочий вытесняется машиной, так и от того, что он вытесняется растущей экстенсивной и итенсивной эксплоатацией своего занятого собрата по классу.

Поэтому, как пишет тот же Чэйз, «люди должны тысячами бродить без работы по улицам, потому что машины могут дать более, чем достаточно, чтобы снабдить всех. Отныне чем лучше в состоянии мы будем производить, тем будет хуже». Характерно в этом отношении также выступление такого политика и дельца, как Джон Раскоб (председатель национального комитета демократической партии, бывший финансовый директор «Дженераль Моторс»). «Наш производственный аппарат, — пишет Раскоб, — задыхается. Мы

не осмеливаемся использовать присущие ему производственные возможности». Таким образом не только литераторы, но и серьезные дельцы и политики американского империализма — еще до развертывания кризиса (статья Раскоба появилась в ноябре) — начинают сознавать, что капитализм САСШ не организован, что он не может справиться с выросшими производительными силами. Чэйз как и Раскоб по-буржуазному, но подошел к самой сути дела, к самой сути противоречий капиталистической стабилизации. Эта стабилизация, как и все капиталистическое общество, рушится под давлением выросших и еще, хотя несравненно медленнее, растущих производительных сил. Стоит сравнить с приведенной цитатой из Чэйза следующее место из Маркса:

«Абсолютное увеличение числа наемных рабочих, несмотря на его относительное уменьшение, — писал Маркс, — только отвечает потребности капиталистического способа производства... Если бы развитие производительных сил уменьшало абсолютное число рабочих, т.-е. в действительности давало бы возможность всей нации совершать все свое производство в более короткое время, то это вызвало бы революцию, потому что, большинство населения оказалось бы вышедшим в тираж» [1]).

И буржуазные ученые, и публицисты и дельцы иногда говорят прямо как марксисты. «Американская промышленность — заявляет в упомянутой статье Клаппен — может производить в 8 месяцев то, что ей нужно на целый год»! Лучшее свидетельство на несостоятельность современного капитализма на самом его благополучном участке — трудно даже выдумать!

Процесс абсолютного вытеснения рабочих из промышленности, сам по себе происходящий крайне неравномерно, не является законом и может не быть ни общим явлением, ни обязательным для той или иной капиталистической страны. Но этот процесс есть факт, явление вполне закономерное в период всеобщего кризиса капитализма и указывает на глубину и безвыходность этого кризиса.

Все эти данные из разных источников подтверждают, таким образом, один и тот же характер развития, одно и то же направление развития, а именно, что послевоенная капиталистическая рационализация в Соединенных Штатах, приводя к большому росту производительности труда, производительности рабочего, его эксплоатации, не сопровождалась соответствующим ростом производства, вела вследствие этого к образованию постоянной, все растущей резервной армии безработных и приводила к огромному ухудшению жизненного уровня и положения рабочего класса.

Приведем в подтверждение этого еще несколько прямых данных о росте производительности труда и росте производительности одного рабочего.

По данным специального исследования Департамента Труда в среднем по всей промышленности за 6 лет (1919 — 1925 г.) производительность труда в человеко-час выросла на 59%.

Но может быть такой рост производительности труда в человеко-час достигнут лишь введением машин. Сама по себе такая постановка вопроса в реальных капиталистических условиях абсурдна. Но мы имеем и кое-какие косвенные данные, которые разоблачают сущность капиталистической рационализации в Соединенных Штатах и показывают кто нес издержки американского просперити. Если принять данные за 1919 г. за 100, то получится, что производительность на одного рабочего выросла с 1919 г. до 1925 г. на 40,7%, а мощность механических двигателей лишь на 21,8%, — производство же выросло только на 28,6% и поэтому число рабочих сократилось на 8,6%.

[1]) «Капитал», т. III, ч. I, стр. 245—246.

Эти данные, хотя и косвенно, показывают, что при капиталистической рационализации в Соединенных Штатах мы имеем дело не только с ростом производительности труда вообще, но и с большим ростом производительности одного рабочего в результате просто экстенсивного повышения эксплоатации рабочего, в результате роста абсолютной прибавочной стоимости, т.-е. в результате абсолютного обнищания рабочего.

Капиталистическая рационализация приводила к все растущему давлению на рабочий класс, к растущему его угнетению. Нечего говорить, что в самые последние годы это давление лишь усиливалось. Не случайно поэтому, что в 1928 г. Соединенные Штаты дали рекордное число стачечных дней (около 31½ млн.). Просперити, мощь американского империализма, как это ни парадоксально, опирались на его возможности усиления эксплоатации американского пролетариата. Явные и скрытые апологеты американского капитализма, называющие себя марксистами и даже ленинцами, должны были бы помнить следующие строки из письма Ленина американским рабочим:

«Америка заняла первое место среди свободных и образованных стран по высоте развития производительных сил человеческого об'единенного труда по применению машин и всех чудес новейшей техники. Америка стала вместе с тем одной из первых стран по глубине пропасти между горсткой обнаглевших, захлебывающихся в грязи и в роскоши миллиардеров, с одной стороны, и миллионами трудящихся, вечно живущих на границе нищеты — с другой».

С того времени эта пропасть еще больше увеличилась и бешено усиливается кризисом, ибо кризис, в конце концов, если он не перерастает в кризис политический и революционный, лишь бешено ускоряет и обнажает те процессы, которые в «нормальный» период протекают относительно более плавно, менее чувствительно.

Но особенности развития американского империализма—это почти безраздельное господство финансового трестированного капитала как во всей политической жизни страны, так и в организованном рабочем движении (через реакционную ультраимпериалистическую Американскую Федерацию Труда) при чрезвычайной слабости компартии, раздираемой фракционной борьбой. Эти особенности делали капиталистический гнет еще более тяжелым, приводя временами к бурным взрывам на отдельных участках классового фронта, к революционным раскатам, которые на время прорывали рамки буржуазного спокойствия, но не могли, однако, еще пошатнуть серьезно его основы и создать предпосылки для нарастания движения и лучшей классовой организованности в следующих приступах.

Об уровне эксплоатации говорит и длина рабочего дня в Америке. Рабочая неделя по официальным, прикрашенным данным равнялась: в 1920 г. — 50,0 ч.; 1921 г. — 49,7 ч.; 1924 г. — 49,8 ч.; 1927 г. — 49,6 ч. Учитывая несколько сокращенный день в субботу, получается, что средний рабочий день в Соединенных Штатах при бешеной интенсивности труда даже по официальным данным равен, примерно, 8½ с лишним часам. При этом никакого существенного изменения за последние годы не произошло, несмотря на бешеную интенсификацию труда. Положение окажется значительно хуже при конкретном анализе. Исследование Бюро Труда Лиги Наций показывает, что на 155 стальных предприятиях 16.610 рабочих из 248.000 работают 12 ч. в день, 66.712 чел., т.-е. более четверти из них работают 7 дней в неделю, т.-е. без дня отдыха; 110.698 рабочих работают 10 ч. в день. В некоторых случаях рабочие электрифицированных домен работают 14,3 часов, работающие у кранов — 14 ч. в ночной и 10 ч. в дневной смене и 7 дней в неделю. Многие рабочие работают 16 ч. в день. Это данные империалистической Лиги Наций!

Та же картина в общем ухудшения, снижения или стагнации при незначительных временных повышениях получается и в отношении заработной платы. Это показывает ряд данных. Общий фонд зарплаты изменялся следующим образом: в 1923 г.—11 млрд. долл.; 1925 г.—10,7 млрд. д.; 1927 г.—10,8 млрд. д; и 1929 г.—11,4 млрд. д. Таким образом, с 1923 г. идет снижение зарплаты и лишь по преувеличенным данным в 1929 г. сумма зарплаты несколько превысила уровень 1923 г. При этом зарплата ж.-д. рабочих (1.700 т. рабочих) 1926 г.—2,90 млрд. д.; 1927 г.—2,86 млрд. д. и 1928 г.—2,76 млрд. д., т.-е. уменьшение общей суммы зарплаты из года в год. По отдельным отраслям за 1926 и 1928 гг. мы имеем следующую картину падения индекса зарплаты: железо и сталь в 1926 г.—104,2, в 1928 г.—99,9; машины—111,9 и 104,7; лес—102,0 и 80,5; кожа—98,1 и 92,4; цемент—101,5 и 90,4 и т. д.

Что показывают эти данные? Во-первых, что общая сумма номинальной зарплаты промышленных рабочих в последние годы была на 15—20% ниже зарплаты 1920 г. и была почти равна или ниже зарплаты 1923 г., т.-е., в годы просперити мы имеем понижение или стагнацию общей суммы зарплаты пролетариата Америки. Вот это и есть американское «процветание», это и есть капиталистическая рационализация в Америке: повышение производительности занятых рабочих на 42—45% при той же общей сумме заработной платы, т.-е. бешеный рост эксплоатации рабочего класса. То же самое показывают данные Бюро статистики труда САСШ о недельной зарплате рабочих: 1918 г.—26,37 долл.; 1920 г.—32,57 долл.; 1923 г.—27,58 долл.; 1925 г.—27,45 долл.; 1927 г.—27,09 долл. Этот же характер движения зарплаты полностью подтверждается исчислениями Кучинского.

В 1920 г. пролетариат вырвал у американской буржуазии некоторое номинальное повышение зарплаты, когда буржуазия в страхе перед мировой бурей пролетарской революции вынуждена была бросить подачку рабочему классу. Но после, когда буржуазия почувствовала себя более прочно, послевоенные завоевания стали ликвидироваться. Как показывают эти данные о недельной номинальной зарплате рабочих, мы имеем рост ее с 1918 г. к 1920 г. на 6,20 долларов, с 1920 г. к 1922 г. понижение на 6,53 долл., затем некоторое повышение к 1923 г. (на 1,54 долл.) после чего она систематически падает, хотя и незначительно (к 1925 г на 0,13 долл., к 1927 г. на 0,49 долл.). При этом надо учесть еще два момента: большое различие между зарплатой организованных рабочих (т.-е. рабочих об'единяемых Амер. Федер. Труда) и неорганизованных; квалифицированных и неквалифицированных; а также различие зарплаты в разных штатах и отраслях промышленности. Например, средняя зарплата за час была в 1925 г. в Атлантических штатах—47 центов, а в Юго-Восточных Центральных штатах — 27 центов, т.-е. огромное различие, почти в 2 раза. Зарплата неквалифицированного рабочего составляет в среднем 70—75% зарплаты квалифицированного рабочего. При этом указанная разница в некоторых важнейших отраслях значительно больше

Прожиточный минимум в Соед. Штатах, вследствие дороговизны жизни, значительно выше, чем в других капиталистических странах. Разные исследователи исчисляют этот минимум от 2.000 до 2.500 долларов, а средняя максимальная зарплата американского промышленного рабочего равна 1.200—1.400 долл. По вычислениям Кучинского, заработка среднего рабочего хватало лишь на то, чтобы покрыть в 1922 г. — 50%; в 1924 г. — 55%; в 1928 г. — 56% его минимальных потребностей.

Если взять только реальную зарплату, то, принимая 1899 г. за 100, мы имеем в 1927 г. индекс реальной зарплаты одного промышленного рабочего 121,8%, т.-е. рост всего на 21% за целых четверть столетия,

конечно, при несравненно большем росте (в 10—15 раз) производства и национального богатства. Поистине, капиталистическое процветание! При этом, этот индекс с 1924 г., т.-е. как раз в годы «процветания» не повысился, ни на одну единицу! Что же удивительного после этого, если сейчас уровень зарплаты 700 тыс. занятых промышленных рабочих абсолютно ниже того, каким он был в начале XX столетия!

Все это подтверждает ту простую марксистскую истину, которую Ленин изложил в письме американским рабочим, которую подтверждает даже буржуазная статистика и которую забыли некоторые люди, называющие себя коммунистами и марксистскими интерпретаторами буржуазной статистики. Статистика эта говорит лучшим марксистским языком, чем эти «марксистские» интерпретаторы.

Если перейти от этих средних данных, которые поэтому могут дать лишь приблизительную картину, в гущу жизни американского пролетариата, то еще ясней вскрываются причины движения, вскрываются все эти пропасти между богатством и нищетой.

Мы не хотим изображать читателю кошмарные картины «Джунглей» (хотя «джунгли» отнюдь не исчезли). Но вот несколько штрихов из условий жизни горняков и рабочих Юга. Эти условия: жизнь в жалких, грязных лачугах и бараках, впроголодь, в исключительно плохих санитарных условиях, дети школьники часто без белья, без обуви, жизнь в полной зависимости от произвола хозяев (лачуги и бараки хозяйские), выбрасывающих неугодных квартирантов зимой на улицу с детьми и жалкими пожитками, грабеж со стороны хозяйских же лавок, разных комиссионеров и все это, по существу, в военных условиях, под бдительной охраной войск, полиции, готовых при каждом бунте белых и черных рабов на кровавое усмирение, которым несть числа в истории борьбы углекопов.

Такое же положение на Юге. Средняя зарплата промышленных рабочих Юга значительно ниже 1.000 долларов. Текстильщики — основной отряд южного пролетариата — получают в среднем 500 — 600 долларов в год. На Юге американская реклама выявляет открыто свою класовую сущность—она рекламирует дешевую рабочую силу: «у нас в районе зарплата в 1½ доллара. Можно работать 60 часов в неделю» или «у нас разрешена ночная работа в 11 часов, профсоюзов нет. Девочкам достаточно платить 10 долларов в неделю» и т. д. Такими зазывающими об'явлениями и рекламами алчных охотников за прибылью, за прибавочной стоимостью, об'явлениями и рекламами, распространяемыми «местной властью» разных штатов, пестрят южные газеты. Стачки текстильщиков в Элизабеттауне и Гастонии, борьба трамвайщиков Нью-Орлеана и ряд других стачек всколыхнули и Юг и включили его в общее русло классовой борьбы в Америке. Но это еще только начало. Компартия и красные профсоюзы только начинают создавать организации на Юге. А, ведь, Юг дает около 70 процентов хлопчатобумажной продукции страны и его промышленное значение усиливается с каждым днем по всем почти важным отраслям промышленности. Промышленность Юга работает на основе самой высокой рационализации. Она сразу принимает последнее слово рационализации. Один ткач обслуживает 40 — 60 — 70 автоматических станков и делаются опыты работы на 150 станках. Эксплоатация здесь бешеная. Помимо зарплаты, составляющей 40 — 50% зарплаты в других районах страны, предприниматель эксплоатирует рабочего со всех сторон как потребителя (хозяйские квартиры, лавки и т. д.). А прожиточный минимум на Юге, в большинстве случаев, такой же, как и в других районах. Рабочий день на фабриках длится 11 — 12 часов, широко применяется детский и женский труд. И женщина Юга выступает в борьбе наравне и часто впереди мужского пролетариата, принимая участие в рабочей самообороне, в пикетах, в сражениях с полицией. Стачка в Гастонии выливалась временами в настоящую пози-

ционную войну с вооруженным до зубов врагом — с разведкой, шпиками, с подстреливанием из-за угла и т. д. «Агенты Коминтерна», конечно, как всегда, были причиной всех зол.

Неразрывным спутником всего этого развития стала безработица, безработица не «обычная», а связанная «со всем характером современной капиталистической рационализации. Послевоенная история Америки знает уже не один момент, когда безработица в стране исчислялась 5 — 7 миллионами. Во время кризиса 1920 — 21 гг. буржуазные политики и исследователи определяли число безработных в 5 млн. человек. Во время депрессии 1927 г. демократический сенатор Вагнер от штата Нью-Йорк определял число безработных в 7 млн. человек. 3 миллиона безработных стало «нормальным» явлением. Если взять лишь последние годы, то весной 1928 г. в стране насчитывалось 4 — 4½ миллиона безработных. По всей стране было 17,8% безработных среди одних лишь организованных рабочих. По отдельным городам и районам процент безработных среди организованных доходил до 40.

На городскую безработицу все больше давит и аграрный кризис. Фермерское население Соед. Штатов уменьшилось с 31,0 млн. в 1920 г. до 27,5 миллионов в 1929 г. По данным «Рабочего бюро» с 1923 г. по 1927 г. передвинулось из сельского хозяйства в города около 1 млн. человек. По данным «Анналист» число занятых в с. х. лиц уменьшилось с 1919 г. до 1926 г. на 950 тысяч. Интересны в этом отношении данные американского министерства земледелия. По этим данным ушло с ферм и покинуло сельское хозяйство: в 1926 г.—1.020.000 человек; в 1927 г.—598.000 и 1928 г.—1.362.000 чел.

Но безработица в Соед. Штатах является еще более тяжелым бичем рабочего класса, чем в других капиталистических странах. При значительно большей дороговизне жизни, безработный предоставлен исключительно самому себе, он не получает никакого пособия. В Соединенных Штатах не существует никакой системы социального страхования. Исследование о результатах увольнения 800 квалифицированных рабочих, произведенное в 1929 г. сенатской комиссией по вопросам безработицы, сообщает, что 50% этих рабочих все еще не имеют работы после годового периода, что остальные не имели работы в течение 3 — 6 месяцев, а после нашли работу как чернорабочие за пониженную оплату. Автор известной работы «Миддльтаун» дает следующие результаты разработки данных о 122 семьях рабочих: 83 семьи испытали безработицу в предшествующие месяцы, 68 семей были вынуждены изменить свой уровень жизни, 47 семей сократили расходы на платье, 43 семьи сократили расходы на питание и т. д. 3.000.000 рабочих минимум постоянно находятся в состоянии полной необеспеченности, предоставленные самим себе на голодное прозябание, не получая даже тех мизерных пособий, которые выплачиваются безработным (не всем) в странах капиталистической Европы.

Даже буржуазная печать вынуждена разбалтывать об этом положении пролетариата процветавшей Америки. Апрельский номер «Американ Федерашионист» (орган американской реакционной федерации труда) сообщает об исследовании проф. Колумб. университета Пауля Ништрома условий жизни американского народа: 8 млн. человек живет буквально в нищете; 12 млн. на грани нищеты или частично в нищете, т.-е. вынуждены временами прибегать к общественной благотворительности, 20 млн. пользуются стандартным минимумом жизни, т.-е. они могут, например, купить автомобиль, если урежут свои необходимые потребности, «не могут долго болеть» и т. д.

Таково было положение рабочего класса в Соединенных Штатах в период процветания. Таково положение рабочего класса при современной капиталистической рационализации в самой «благоденствующей» и могучей империалистической стране и в период самого развоспетого буржуазией и оппортунистами «процветания»! Каково же оно в других, менее благополучных странах? И каким оно становится в Соединенных Штатах во время кризиса и каким будет в результате этого кризиса?

Мы дали лишь беглую картину положения рабочего класса Америки. Но и эти данные не оставляют камня на камне от пропаганды о благополучном положении рабочего класса Америки. Оказывается, что в годы просперити происходило не только относительное обнищание рабочего класса Америки, но положение рабочего класса в общем ухудшалось и абсолютно. Больше того, даже положение занятых рабочих в общем ухудшалось. И если уже взять наиболее благополучную часть рабочего класса — организованных рабочих, то в среднем и здесь по существу не было никакого улучшения положения. При этом, все сказанное относится не только к положению или жизненному уровню рабочего класса и рабочих масс, но и к их заработной плате.

Вся эта совокупность условий жизни американского пролетариата толкала его на упорную классовую борьбу, несмотря на неслыханный гнет капиталистической рационализации и давление финансового капитала. Исключительно оппортунистичными являются всякие разговоры о том, что в американском рабочем движении господствует только «американизация» рабочего движения, т.-е. компанейские союзы, АФТ, рабочие банки, рабочие прогуливающиеся как буржуа на собственных автомобилях и т. д. Этой буржуазной пропагандой питается мещанин в рабочем движении. По существу это означает не видеть подавляющего большинства рабочего класса за жизнью, бытом и классовым положением привилегированной верхушки. Как раз классовая борьба американского пролетариата отмечена исключительным упорством, крупными массовыми выступлениями и чрезвычайно острыми методами борьбы. Мы уже указывали, что в 1928 г. число забастовочных дней в Америке было рекордным во всем капиталистическом мире и было равно более, чем 31 млн. рабочих дней. За 1922-26 гг. имели место такие крупнейшие стачечные выступления.

Начало стачки.	Продолжит.	Производство	Место.	Кол. участн.
I 1922 г.	10 мес.	текст.	Нов. Англ.	80.000
IV 1922 г.	5 „	антрац. копи	Национ.	142.000
„	5 „	битум. копи	„	450.000
VII 1922 г.	3 года	ж.-д. маст.	„	400.000
IX 1925 г.	5½ мес.	антрац. копи	„	150.000
I 1926 г.	12 „	текст.	?	16.000
II 1926 г.	4 „	меховщ.	Нью Иорк	12.000
VII 1929 г.	6 „	прои в. дамск. платья	Нью-Иорк	40.000

В 1927 — 28 г. имела место упорная и длительная стачка многих десятков тысяч горняков Пенсильвании — Огайо. Многие рабочие, принимавшие участие в этой классовой войне боролись более двух лет. В 1926 — 29 г. имели место три исторических стачечных выступления текстильных рабочих (Пассайк 1926—27 г., 30.000 рабочих в забастовке; Нью-Бедфорд 1928 г., 25.000 забастовщиков и Северная Каролина — стачка в Гастонии и др. местах — 1929 г. когда в стачке непосредственно участвовали десятки тысяч рабочих, а задето было ей около 150.000 рабочих). Из стачки горняков в 1927 — 28 г. родился новый революционный национальный союз горняков, а из стачек текстильщиков в Пассаике и Новом Бедфорде родился новый революционный союз «Нашионал Текстайл Уоркерс Юнион» (Национальный Союз Текстильных Рабочих). Стачка в Гастонии развернулась уже непосредственно в предверии кризиса, включила Юг в общее русло пролетарской борьбы и создала почву для внедрения партии и революционных профсоюзов на Юге, который совершенно игнорировался ловстонским руководством, находившим, что единственно существенное, что партию может интересовать на Юге, это

«новая индустриальная революция», которая происходит там и которая «расширяет базу американского капитализма, и гарантирует его процветание на долгие времена!

Мы не можем здесь входить в подробный анализ характера классовой борьбы в годы просперити. Нам важно показать: 1) что Америка отнюдь не была и не могла быть страной промышленного мира, что упорнейшая классовая борьба шла в годы просперити; даже официальные издания АФТ вынуждены признать, что борьба временами была столь упорной и острой, что прямо выливалась в открытую вооруженную борьбу; 2) что эта классовая борьба, несмотря на все свои размеры, упорство и остроту не могла создать организованного нарастания движения, создать поворот в развитии классовой борьбы, изменить общего направления развития американского империализма, ибо мощь последнего не была еще достаточно расшатана, волны классовой борьбы после бурных приливов отходили обратно, не создав перелома в развитии; 3) что компартия, этот важнейший фактор классовой борьбы, раздираемая оппортунистической фракционной борьбой, явно недостаточно выполняла роль авангарда класса и 4) но эта борьба создавала предпосылки, чтобы с изменением общей картины развития дать богатейшие всходы на революционной ниве.

Послевоенная Америка — грабитель, эксплоататор всего мира и, конечно, в «среднем» уровень жизни рабочего класса Америки выше европейского. Но полным забвением ленинизма было бы ставить вопрос механически. Нельзя заранее определить достижение, какого определенного жизненного уровня масс необходимо для революционного движения. Тем более абсурдно ставить вопрос о том, что для этого требуется какой-то равный, всюду абсолютно низкий жизненный уровень масс. Индийский пролетариат сделает свою революцию при одном жизненном уровне, германский при другом и американский при третьем, российский же пролетариат сделал его при четвертом. Вещи надо брать, во-первых, в динамике, и, во-вторых,— с точки зрения основных масс рабочего класса. С этой стороны и важно то, что годы капиталистической рационализации, годы процветания,— не принесли почти никакого роста зарплаты рабочего класса, в ряде случаев снижая ее, особенно у широких масс рабочего класса; эти годы принесли огромное ухудшение, снижение жизненного уровня рабочего класса Америки, особенно основных его масс, усилили необеспеченность рабочих, их неуверенность в завтрашнем дне; благами просперити, так или иначе пользовалась лишь незначительная верхушка рабочего класса, положение основных масс рабочего класса в годы просперити лишь ухудшилось в огромной степени.

Классовая борьба этих годов и опиралась на это положение. Но и здесь нельзя подходить механически. Решает то, что общая обстановка, о которой мы говорили в начале, была более устойчивой и благоприятной для капитала, чем в других странах. Кризис изменил серьезно именно эту общую обстановку — в этом суть. Но здесь никак нельзя недооценить и суб'ективного фактора — партии. Партия, в прошлом раздираемая фракционной борьбой, тратя львиную долю своей энергии на эту борьбу, под руководством правой по-американски оппортунистической группы Ловстон-Пеппера, никак не могла извлечь из этой ситуации всего того, что она могла бы. Положение партии, по существу, отражало в значительной степени фракционную раздробленность и мелкобуржуазные, цеховые черты тех слоев — не столь широких — американского пролетариата, с которыми партия прежде всего была связана, и ее значительную изолированность от основных масс американских рабочих. Коминтерн, опираясь на пролетарское большинство партии, спас ее в тот момент, когда она быстро катилась по пути фракционного правооппортунистического вырождения. Партия начала по-

немногу жить новой жизнью и встретила кризис в основном здоровой, подготовленной. Коминтерн при этом исходил из той оценки просперити, что оно развивается на гнилой основе. Поэтому, тов. Сталин мог с уверенностью заявить:

> «Американская партия будет расти и процветать, если она изгонит из своей среды беспринципную фракционность... Она будет жить и процветать на страх врагам рабочего класса. Погибнет лишь одна маленькая фракционная группа.. если она не будет подчиняться воле Коминтерна... Я смотрю на дело более оптимистически».

И Коминтерн оказался прав. Но сейчас дело в том, чтобы партия сумела по-большевистски связаться с массами, по-большевистски укрепить себя организационно и идеологически. Тот дух смелой большевистской самокритики, который партия сейчас проводит, пытается проводить сейчас во всей своей работе,— является ручательством тому, что через промахи, ошибки, но смело вскрывая эти ошибки перед собой и идущими за партией массами и, прежде всего, учась на этих ошибках, поменьше их делая, и все это для того, чтоб умножать и укреплять большевистские связи с массами на предприятиях, превращая последние в крепости коммунистов, используя для этого все каналы, решая неустанно и систематически коренную проблему революционных кадров, партия действительно «будет жить и процветать на страх врагам рабочего класса».

3. Кризис, рост и характер массового движения.

Если в стране в настоящее время нет крупных стачечных выступлений, то это об'ясняется рядом об'ективных и суб'ективных условий.

Партия еще очень и очень слаба на предприятиях. Партия после ликвидации фракционности, после очищения от компании Ловстона, по существу, только приступила к основательной перестройке форм и методов работы. Каждый день показывает, как тяжело наследство фракционного прошлого, оппортунистического руководства прошлого. Тут еще предстоит поработать очень и очень много, тут еще много трудностей, всего этого никак нельзя забывать.

Далее. Во всей промышленности идет бешеный процесс увольнения рабочих, закрытия предприятий, сокращения производства, увеличения рабочего дня, сокращения зарплаты. Словом, проводится новый и небывало тяжелый для рабочих масс тур капиталистической рационализации. «Дейли Уоркер» ежедневно со всех концов страны приводит десятки корреспонденций с сообщениями подобного типа. Вот корреспонденция из Дэтройта: «В последнюю неделю 40% рабочих уволены с каучуковых фабрик. Оставшиеся разделены на две группы, работающих попеременно — по неделе каждая. При этом на неделю приходится 85 рабочих часов». Вот корреспонденция из предприятий Западной Электрической Компании Чикаго. «Рабочие,— пишет корреспондент,— увольняются не по 2 — 3 человека, а тысячами. В последний месяц уволено 15.000 рабочих. Для оставшихся рабочих создана настоящая система рабства». Вот корреспонденция из Гамильтона, штат Огайо: «В ряде городов района 60 — 70% рабочих безработные: на предприятиях Мослера в нормальное время работало 2.500 чел.,— сейчас 400. На предприятиях Гаринтона в нормальное время работало 1.500,— сейчас 100. На иструментальном заводе Лонк и Ол Статтер, в нормальное время работало 2.500 чел..— сейчас 700» и т. д. (на разных предприятиях: 2.000 раньше — сейчас 500; 3.800 раньше — сейчас 1.000, 2.000 раньше — сейчас вообще закрыты; 1.500 раньше — сейчас 200; 3.500 раньше — сейчас 1.500 и т. д. и т. д.). Таких корреспонденций много в каждом номере газеты. А вот корреспонденция с заводов Форда из Сан-Франциско. «То, что раньше делали 5 человек, сейчас выполняют 3 чел. Рабочий день

доведен до 10 час. при 7-дневной рабочей неделе. Директорат предприятий Форда для усиления рационализации полностью реорганизовал всю систему надзора за рабочими и уволив прежних мастеров, десятников, надзирателей и т. д., оказавшихся негодными для более интенсивной системы эксплоатации, заменил их новыми». Уже известно также, что стальные предприятия в Юнгстауне сократили зарплату на 20%, а на некоторых заводах Форда зарплата сокращена до 35%. Но это все отнюдь не единичные случаи. Это явления общего массового порядка. За время кризиса общая сумма зарплаты промышленных рабочих сократилась на 12—15%! Это одно совершенно ясно говорит о том, как буржуазия «преодолевает» кризис. При этом сумма зарплаты сократилась больше, чем число занятых рабочих. Это говорит как о снижении зарплаты занятых рабочих, так и переводе значительного их числа на частичную работу. Безработица бешено растет. Если перевести частично безработных на вполне безработных, то общее число безработных в САСШ сейчас около 8—10 миллионов, т.-е. каждый третий рабочий является по существу безработным. 30% безработных во всей стране! Даже председатель империалистической Федерации Труда заявил о том, что среди членов АФТ свыше 20% целиком безработных.

Вся эта обстановка с перспективой дальнейшего роста безработицы, дальнейшего ухудшения положения рабочего класса, выдвигает на известный отрезок времени перед пролетариатом и иные методы и формы борьбы. В известные периоды экономическая стачка, как м е т о д борьбы рабочих масс, часто сочетается и отчасти заменяется самими же массами иными методами борьбы. Партия всемерно развивая экономическую стачку должна учитывать это обстоятельство. Это явление отнюдь не ново. Как раз в 1913 г. в связи с развитием локаутов Ленин писал:

«...решение марксистов определенно и громко указало на локауты и необходимость в тактике у ч и т ы в а т ь их. Как учитывать? Внимательно обсуждать целесообразность отдельных выступлений, видоизменяя формы борьбы, заменяя одни формы другими. При чем п о в ы ш е н и е форм должно оставаться постоянной тенденцией. Сознательные рабочие очень хорошо знают и некоторые конкретные формы повышения, историей неоднократно испытанные и «непонятные», «чуждые» только для ликвидаторов».

Еще в феврале 1913 года Ленин четко поставил вопрос о принципах марксистской тактики:

«Марксистская тактика, — писал Ленин, — состоит в соединении р а з л и ч н ы х приемов борьбы, в умелом переходе от одного к другому, в неуклонном повышении сознания масс и широты их коллективных действий, из которых каждое в отдельности бывает то наступательным, то оборонительным, но все вместе ведут к все более глубокому и решительному конфликту».

И пролетариат Америки в своей развертывающейся борьбе применяет эту ленинскую тактику: у м н о ж а я методы борьбы, соединяя различные методы борьбы, повышая свою классовую сознательность, п е р е х о д я к более высоким формам борьбы. Экономические и политические стачки то чередуясь друг с другом, то переплетаясь в одно неразрывное целое сплачивают массы рабочих против капиталистов и усиливающегося режима полицейского и фашистского террора, внося брожение во все более широкие массы пролетариата и подымая на борьбу другие слои трудящихся, прежде всего, с.-х. рабочих (стачка 5.000 с.-х. рабочих в Калифорнии). С о ч е т а н и е э к о н о м и ч е с к о й и р а с т у щ и х э л е м е н т о в п о л и т и ч е с к о й с т а ч к и с р е в о л ю ц и о н н ы м и д е м о н с т р а ц и я м и, такова та форма борьбы, которой характеризуется сейчас массовое революционное движение в Америке.

Революционные массовые демонстрации никак нельзя недооценивать. Ленин особенно подчеркивал роль революционных массовых демонстраций, как

симптомов пробуждения к политической жизни широчайших масс самых забитых и угнетенных, как симптомов роста их решимости, пробуждения их к политической борьбе и повышения самого уровня движения (см. статьи 1901, 1904, 1913 гг.).

Но партия ни на минуту не должна забывать, что усиление кризиса выдвигает э к о н о м и ч е с к у ю б о р ь б у, особенно выпячивает ее на п е р в ы й п л а н. О р г а н и з о в а т ь к о н т р н а с т у п л е н и е р а б о ч е г о к л а с с а п р о т и в в т о р о г о т у р а к а п и т а л и с т и ч е с к о й р а ц и о н а л и з а ц и и — в о т ц е н т р а л ь н а я, в с е о п р е д е л я ю щ а я з а д а ч а п а р т и и.

Усиление экономической борьбы является, таким образом, о с н о в о й общего роста массового движения. Усиление экономической борьбы показывает усиление в с е г о движения и лишь оно создаст почву для перевода всего движения на более высокую ступень и прежде всего подведения масс к методу м а с с о в о й п о л и т и ч е с к о й с т а ч к и. Экономическая стачка показывает действительно п о д л и н н у ю, п о в с е д н е в н у ю связь партии с массами, она учит массы организованному выступлению, у ч и т п а р т и ю организовывать массы, руководству ими, связывает партию с массами самыми непосредственными, самыми живыми и крепкими связями. Только в процессе экономических стачек, их организации, руководства ими, партия может закрепиться на предприятиях, сделать из предприятий свои крепости против капитализма, укреплять там свои ячейки. Но без тесной связи экономической и политической стачки, широкое массовое движение, получающее общенациональное значение, невозможно. В теперешней обстановке задача о б ' е д и н е н и я разрозненных выступлений пролетариата в м а с с о в у ю п о л и т и ч е с к у ю с т а ч к у для американской компартии становится важнейшим тактических звеном. Если о т п р а в н ы м и лозунгами мобилизации масс являются экономические и частично политические требования — борьба против безработицы, за социальное страхование рабочих, против сокращения зарплаты, против полицейского террора и т. д., то важнейшей тактической задачей в к а ж д о м таком выступлении является р а с ш и р е н и е, о б ' е д и н е н и е и п е р е в о д экономических стачек в массовую политическую стачку. Только через массовую политическую стачку партия сможет поднять на более высокую ступень стихийно растущее движение, только через массовую политическую стачку партия действительно политически просветит рабочих, научит их понять свою роль авангарда всего движения, ибо «рабочий класс при политической стачке выступает как передовой класс всего народа» (Ленин).

Рост экономического движения и экономической борьбы, рост демонстрационного движения, задачи политической стачки ставят перед компартией проблему развития широчайшей агитации в массах вокруг своих максимальных лозунгов. Партия как никогда должна использовать настоящую ситуацию, чтобы понести в широчайшие массы рабочих свои идеи, свою максимальную программу, она сейчас п р о р в а л а с ь и прорывается к сотням тысяч рабочих, сотни тысяч рабочих слушают ее, идут к ее лозунгам. Партия должна использовать этот момент для того, чтобы в нашем смысле просветить этих рабочих, об'яснить им на опыте их борьбы неизбежность коммунистической тактики и стратегии.

Рост массового движения ставит перед партией прежде всего огромные задачи организационного порядка — расширение массовых организаций партии и раньше всего основной вопрос — расширения и укрепления революционных профсоюзов с и х о п о р о й н а п р е д п р и я т и я х и м а с с о в о е в ы д в и ж е н и е и в о с п и т а н и е н о в ы х к а д р о в. Без большевистских темпов работы (но в то же время без заскоков, без организационной шумихи и суетни) партия не сможет успешно справиться с этими

задачами. Только смело развертывая большевистскую самокритику, действительно и систематически выдвигая новые пролетарские кадры, беспощадно борясь на два фронта — против главного, правого оппортунизма, особенно на практике, и его помощников «слева», партия разрешит вставшие перед ней огромные новые задачи. Но о задачах партии конкретно мы будем говорить в другой раз.

Таким образом, американская компартия становится сегодня перед все более растущими задачами, перед растущим массовым движением. Конечно, это движение не может развиваться прямолинейно,— сегодня миллион, завтра два миллиона. Здесь будут еще свои отливы — путь к пролетарской революции не легкая, ровная прогулка, — но будут также свои еще более бурные приливы. Но все это отнюдь ни на иоту не преуменьшает ни размера и уровня современного движения, ни тех задач, которые оно ставит перед партией. Сегодня американский темп характеризует развитие классовой борьбы в Америке. Сегодня революционное рабочее движение Америки уже показывает некоторые образцы своему старшему собрату — европейскому рабочему движению.

Весь этот перелом в развитии американского империализма, поворот в классовой борьбе сказывается и в развитии американского фашизма и социал-фашизма.

4. Кризис, фашизм и социал-фашизм.

Экономический кризис в Соединенных Штатах продолжает углубляться. Буржуазная печать как американская, так и мировая перед лицом упорных фактов не может найти даже обычных слов утешения.

Реакционный Грин перед лицом растущего массового движения даже заговорил об угрозе революции. Английский «Таймс» в передовой, посвященной проблеме американской безработицы, пишет прямо марксистским языком, заявляя, что бесконечно, без угрозы основам существующего строя, такое положение, как сегодня в Соединенных Штатах, не может продолжаться. Передовые американской буржуазной прессы подхватили заявление Грина и заговорили о том, что действительно необходимо принять какие-то меры для успокоения безработных. Обещания Гувера быстро ликвидировать кризис провалились. Авторитет Гувера пал несколько даже в кругах буржуазии. С другой стороны, империалистическая конкуренция обостряется. Назревающий мировой экономический кризис производит всеобщую перегруппировку классов, еще больше концентрируя власть в руках финансового капитала, централизуя ее, усиливая роль исполнительных органов, буржуазного государства, очередная волна протекционизма прокатывается по всему миру. В рядах самых «консервативных» партий происходят маленькие «революции». В общем усиливается процесс фашизации буржуазного государства, усиливается неизбежно процесс фашизации и социал-демократии, как бы она ни пыталась прикрыть это штрейкбрехерскими маневрами.

Этот процесс усиленно происходит сейчас и в Соединенных Штатах. Мы здесь на этом останавливаемся лишь вкратце.

Финансовый трестированный капитал уже давно создал в Америке почти безраздельное господство. Американская Федерация Труда, главная представительница организованного «рабочего» движения в Америке, уже давно является послушным орудием и приказчиком финансового капитала. Поэтому и процесс фашистского перерождения американского государства и процесс социал-фашистского перерождения организованного антиреволюционного рабочего движения в Америке имеют свои большие особенности. Характерны по первой линии организация известного гуверовского экономического совета, пытающегося сконцентрировать в своих руках по существу всю власть, игнорируя всякие «демократические» учреждения, усиление полицейского террора против коммунистической партии, против массового движения, запрещение демонстраций, выступление на политическую арену классовой борьбы известного Американского Легиона и т. д. По второй линии — особенно важно подчеркнуть развитие в Соединенных Штатах «левого» социал-фашизма. Буржуазия буквально покровительствует «левым» социал-фашистам, прекрасно понимая, что в обстановке резко обозначившегося полевения масс «левый» социал-фашизм является лучшим орудием для удержания этих масс от перехода к действительно классовым методам борьбы. Усилилась контрреволюционная роль Социалистической Партии, усилилась роль группы Мости в АФТ («левое» крыло). Если Грин заговорил о революции, то это только показывает, что почва под АФТ сильно закачалась.

Все это ставит перед коммунистической партией ряд серьезных задач.

Во-первых, самое серьезное, тщательное и систематическое, день за днем и на конкретных фактах (даже литературных) разоблачение «левого» социал-фашизма. Эту задачу партия должна понять, как важнейшую политическую задачу в борьбе за массы.

Во-вторых, усиление борьбы против фашистского террора буржуазного государства, его репрессий против компартии, разоблачение фашизации этого государства, организация этой борьбы, как борьбы массовой.

В-третьих, усиление работы в АФТ и даже компанейских профсоюзах. Кризис больно ударяет как раз и по тем группам рабочих, которые об'единены в этих организациях. Дело не в словесном споре — является ли АФТ фашистской или социал-фашистской организацией (она и фашистская, и социал-фашистская организация), а в том, чтобы, усилив работу, в ней завоевывать на свою сторону рабочих, как об'единяемых, так и идущих за АФТ и компанейскими профсоюзами.

В связи со всем этим стоит оставление партией лозунга «рабочей партии» и использование этого лозунга «левыми» социал-фашистами.

* * *

Экономический кризис и революционный под'ем, вообще развитие событий в Соединенных Штатах являются тем участком международного развития, где линия и лозунги партии и Коминтерна в борьбе против правых примиренцев прошли самое серьезное, надо сказать, всемирно-историческое испытание. После XV с'езда началась и шла эта международная борьба против правого оппортунизма. В этой борьбе наша партия и ее ленинское руководство играли руководящую роль. Эта борьба шла вокруг основных установок XV с'езда партии. Вопрос об американском империализме есть в то же время вопрос о положении и перспективах развития мирового капитализма. Накануне XVI с'езда партия может смело сказать, что и на этом важнейшем всемирном участке ее установки целиком и полностью блестяще оправдались.

«Если 2 года назад, — говорилось в политическом отчете ЦК XV с'езду — можно было и нужно было говорить об отливе революционных волн в Европе, то теперь мы имеем все основания утверждать, что Европа явным образом вступает в полосу нового революционного под'ема...

«Мы живем накануне нового революционного под'ема как в колониях, так и в метрополиях».

«Из стабилизации вырастает новый революционный под'ем».

Есть ли в наших рядах еще столь храбрые оппортунисты, которые осмелились бы сейчас отрицать это?

Б. Фрейер.

Новый этап индийской революции.

I.

Революционные события, разыгравшиеся в Индии за последние недели, можно понять, только рассматривая их в связи с предыдущим периодом развития национально-революционной борьбы.

Важнейшим явлением последних двух лет, открывших новый этап индийской революции, был рост рабочего движения. Забастовочная волна, начавшая подыматься в конце 1927 года, охватила в последующие два года огромные массы рабочих. В 1928 году бастовало 507 тыс. рабочих, в 1929 г.— 531 тыс. Но эти цифры не дают еще представления о тех глубоких изменениях, которые происходили в эти годы в индийском рабочем движении. В эти годы в Индии появляются первые революционные профсоюзы. Принцип арбитража, мирный торг за чашкой чая кучки профсоюзной бюрократии с предпринимателями начинают уступать место острейшей классовой борьбе. Впервые в Индии профсоюзы становятся подлинно массовыми организациями, и в их руководящих органах появляются рабочие, пришедшие через фабзавкомы прямо с предприятий. Появляются первые отряды рабочей обороны.

До сих пор индийский пролетариат знал только палку полицейского да его карикатуру — волонтера нац. конгресса. До сих пор он умел только подставлять спину под удары, теперь он сам начинает драться и — как показывают последние события — дерется не плохо. Наиболее отчетливо все эти результаты двухлетней борьбы индийского пролетариата заметны в Бомбее. Если видеть только поверхность движения, то может показаться, что и здесь, в этом авангарде индийского рабочего движения отмеченные результаты преувеличены. В самом деле, мы знаем только о двух революционных профсоюзах: «Гирни Камгар» — профсоюз бомбейских текстильщиков, который по праву может считаться красой и гордостью индийского пролетариата, и бомбейский же профсоюз железнодорожников Полуостровной ж. д. Из них только «Гирни Камгар» построен на основе фабзавкомов и имеет действительно революционное руководство. В профсоюзе железнодорожников, несмотря на сильное влияние пролетарски-революционных элементов (среди них и коммунистов), организационное руководство находится еще в руках колеблющихся левых лидеров, которые, особенно за последнее время, все больше отдаляются от революционных элементов, все больше приближаются к молодому Неру и его клике. В общем из 300 с лишним тысяч организованных рабочих около 100 тысяч, сконцентрированных в подавляющем большинстве в Бомбее, находятся под руководством левых.

Но все дело в том, что и эти цифры ни в какой мере не передают влияния бомбейских революционных рабочих, новых методов организации, новых форм руководства классовой борьбой на остальную массу индийского пролетариата. Известно, что из глубинных районов страны приезжали рабочие в

«Гирни Камгар» посмотреть на эту диковинную для Индии организацию и получить указания о строительстве профсоюзов. Но самым важным доказательством этого влияния является переход рабочего движения за последний год в контрнаступление и общее усиление напора рабочих на предпринимателей. В 1928 г. бастующие рабочие потеряли 32 миллиона рабочих дней, чтобы добиться полного или частичного успеха в 35% стачек. В 1929 г. бастующие добились успеха в 42% забастовок, при сокращении общей продолжительности забастовок в $2\frac{1}{2}$ раза. И это при ухудшившейся экономической кон'юнктуре, при поражении (с точки зрения непосредственных требований) крупнейшей стачки бомбейских текстильщиков. Повидимому, только ростом общей активности и решительности рабочего класса и влиянием бомбейского авангарда, которое невидимыми путями просачивалось в гущу индийских рабочих масс, можно об'яснить эти достижения индийского пролетариата.

Пролетариат нигде не отделен китайской стеной от других трудящихся слоев населения. В Индии рабочий класс теснейшим образом связан с крестьянством и близко соприкасается с мелкой буржуазией городов. Рост напора рабочего класса, рост его организованности, бесстрашное проведение длительных забастовок под свирепейшим террором полиции — не могли не оказать влияния на наиболее впечатлительную, легче всего воспламеняющуюся мелкобуржуазную молодежь. Рабская идеология, рабское преклонение перед всемогуществом белых эксплоататоров играет немалую роль в закреплении империалистического господства в колонии.

Индийский р а б о ч и й первый начал освобождаться от этого рабского чувства страха, сковывающего угнетенный народ и лишающего его воли к борьбе. Летом 1929 г. во время правительственного расследования второй бомбейской стачки, при допросе одной работницы — активной участницы пикетов и члена фабзавкома — последняя рассказала, что управляющий фабрикой — англичанин — толкнул ее, когда она стояла в пикете. — Почему же вы не пошли жаловаться? — спросил член комиссии. — Зачем, ответила работница, я так пнула его ногой в спину, что он растянулся на земле. — А он что? — Поднялся и ушел. «Престиж власти повсюду падает», жалуются корреспонденты английской империалистической прессы в Индии.

Трудно в событиях, имевших место в Индии в последние недели: в восстаниях в Пешавере, Дели и Шолапуре, в кровавых столкновениях во всех важнейших центрах страны, — определить роль рабочих. Несомненно, что рабочий класс не выступал еще на этой стадии революционной борьбы, как с а м о с т о я т е л ь н а я политическая сила, со своими классовыми политическими лозунгами и требованиями. Найдутся некоторые, которые на этом основании будут совершенно отрицать роль рабочего класса в нынешнем движении или видеть ее в том, что рабочие первые шли на баррикады. И то и другое было бы ошибочно. Роль рабочего класса в движении сказалась в том, что он своей предыдущей стачечной борьбой подготовил нынешний революционный под'ем, что он «заразил» своими боевыми революционными настроениями широкие слои городских трудящихся масс и, как скажется в дальнейшем, крестьянства, что только благодаря ему мы видим в настоящем массовом движении такой быстрый переход от пассивного сопротивления — лозунга национальной буржуазии — к активному наступлению на империалистов.

Значительно медленнее, нежели мелкая буржуазия городов, подымается тяжелая армия революции — крестьянство. Влияние и настроения рабочего класса, несомненно, проникают — не могут не проникнуть — в деревню, несмотря на все попытки английского империализма оградить ее от влияния революционного города. Но Индия не страна, а континент. Отдельные крестьянские восстания, которые вспыхивают в разных концах страны, тонут в этом крестьянском океане. При этом нужно иметь в виду еще одно обстоятельство. Память у мужика хорошая, и индийский мужик еще не забыл, как

его продали и предали буржуазные и мелкобуржуазные националисты в 1922 году. Об'ективные предпосылки для под'ема крестьянского движения исключительно благоприятны: обострение экономического кризиса, которое толкает на борьбу широчайшие массы трудящегося населения, особенно ударяет по основным массам крестьянства. Мелкими уступками в области поземельного налога правительство не может их удовлетворить. Но чтобы поднять эти массы, нужна упорная работа в деревне по организации крестьянства, по раз'яснению ему лозунгов аграрной революции. Там, где революционные организации проникают в деревню, они находят крестьянство готовым начать борьбу. Особенно это заметно в Пенджабе, где местная рабоче-крестьянская партия имеет массовые связи среди крестьянства. Именно в этих районах начинается, по последним сведениям, широкая крестьянская борьба. Корреспондент «Дейли Телеграф» недавно сообщал, что в пограничной провинции Пенджабе и Соединенных провинциях, т.-е. практически во всей северной половине Индии, английские семьи получили распоряжение быть готовыми в нужную минуту отправить женщин и детей в укрепленные порты. Это может стоять в связи только с ростом крестьянского движения в этих районах. Второй момент, который нужно отметить. Опыт Китая показывает, что крестьянская борьба разгорается особенно сильно после уборки урожая, когда нужно платить налоги, и стихает перед уборкой урожая. В Индии сейчас начинается муссон, т.-е. период дождей, за которым последует в большей части страны уборка урожая. Возможно, что это время года оказывает известное задерживающее влияние на рост крестьянского движения.

II.

Влияние пролетариата в развертывающейся революционной борьбе несомненно. Но это отнюдь еще не означает гегемонии пролетариата в революции. Освобождение решающих слоев пролетариата из-под влияния реформистов, наличие крепкой коммунистической партии—необходимые предпосылки для успешной борьбы пролетариата с национальной буржуазией за гегемонию в индийской революции. Рост революционных профсоюзов и проходившие под их руководством забастовки хотя и вызывали беспокойство в рядах буржуазии, но последняя считала их локальным явлением, с которым можно бороться местными средствами, призывая, где нужно, на помощь силы империализма. Но раскол во всеиндийском об'единении профсоюзов, из которого вынуждены были убраться старые матерые реформисты, и переход конгресса профсоюзов в руки левых поставили перед национальной буржуазией вопрос о рабочем движении как проблему общенационального масштаба.

Националистическая пресса заговорила о необходимости впрячь, пока не поздно, рабочее движение в колесницу буржуазного национального конгресса. Для этой «деликатной» миссии был выдвинут молодой Неру и К-о. Радикальная фразеология Неру и приветственные телеграммы, которые он посылал рабочим, бастовавшим на английских предприятиях, оказывают влияние на колеблющихся мелкобуржуазных лидеров профсоюзов, оставшихся во Всеиндийском Об'единении вместе с подлинно революционными элементами. С их помощью «левое» крыло национальной буржуазии пытается удержать под своим руководством часть рабочего движения и отвоевать те массы рабочих, которые пошли за коммунистами и близкими к ним рабоче-крестьянскими партиями.

На крестьянской же арене издавно подвизается Ганди. Молодой Неру, для разложения рабочего движения вынужден уже действовать по-современному и выставить программу, которая содержит такие «завлекательные» для рабочего пункты, как минимум зарплаты, передача фабрик и предприятий в руки государства и т. д. Ганди предпочитает действовать по-старинке и полагаться на свое личное влияние и свои качества святого. И Ганди и Неру, в качестве приказчиков национальной буржуазии, стремятся «перехватить» пролетариат на пути гегемонии в революции. В своем письме к вице-королю Ганди откровенно пишет, что «партия насилия все более завоевывает почву» и это заставляет его торопиться со своим «соляным» походом.

Характерно, что до последнего времени Ганди всегда указывал на «атмосферу насилия» в стране, как на причину, которая мешает-де ему начать свою кампанию гражданского неповиновения. Теперь старый предатель революции чувствует, что в движении появилось революционное ядро и делает из этого прямо противоположный вывод: нужно торопиться, пока это ядро не выросло в мощную массовую силу. Молодой Неру, находящийся на побегушках у Ганди, но обращающийся к рабочим, вынужден выступать более осторожно и прикрываться флером об'ективного демократизма. Вот характерное его выступление: «Если кто-нибудь заботится об эксплоатируемых и погибающих с голоду массах страны, — так это Махатма (т. е. Ганди). Те, кто занимается бесполезными и бессмысленными насмешками, либо его не понимают, либо намеренно обманывают рабочий класс. Двери национального конгресса широко открыты для масс, и рабочие и крестьяне, которые составляют подавляющее большинство населения, могут захватить конгресс и [illegible] в желательном им направлении. [illegible]

П О П Р А В К И

(к стр. 66—67).

К статье т. Фрейер.

1) На стр. 66, 1-й абзац снизу, 4-я стр. сверху, вместо слов «некоторая передышка» должно быть: «иная фаза развития».

2) На стр. 67, 2-я строка сверху, вместо слов «что настоящая пауза» должно быть: «развитие движения пока».

3) Там же, 2-й абзац снизу, вместо слов «Продлится ли наступившая как-будто «передышка» пару недель или пару месяцев—этого никто не может сказать. Одно...» должно быть: «Происходит перегруппировка сил. Более широкие массы втягиваются в движение, учатся на собственном опыте».

[illegible] равления в нашей [illegible] ических и капиталистических началах, следствием чего является ужасная бедность и нищета индийских масс, необходимо, чтобы в независимой Индии форма правления представляла полную демократию, основанную на социалистических началах так, чтобы при государственном владении всеми средствами производства и распределения установилось полное равенство в положении граждан».

Эти образчики ярче всего показывают методы, которыми индийская национальная буржуазия пытается овладеть рабочим движением. Но эти же потуги буржуазии—угнаться за «духом времени» — говорят о силе и мощи нарастающего массового движения, говорят о том, что рабочие массы стихийно тянутся к тем, кто действительно способен повести их на борьбу за подлинную демократию трудящихся.

III.

Нарастание революционного брожения в массах, которых не успокоили ни требование независимости, выдвинутое под давлением масс лагорским с'ездом национального конгресса, ни «социалистическая» демагогия буржуазных националистов, вынудили, наконец, Ганди выступить. По собственному признанию, он долго искал «формулу», которая позволила бы ему удержать движение от насилия. Эту «формулу» он нашел в организации борьбы против соляной монополии правительства. Ганди надеялся своим соляным походом отвлечь внимание крестьянства от коренных вопросов аграрной революции.

его продали и предали буржуазные и мелкобуржуазные националисты в 1922 году. Об'ективные предпосылки для под'ема крестьянского движения исключительно благоприятны: обострение экономического кризиса, которое толкает на борьбу широчайшие массы трудящегося населения, особенно ударяет по основным массам крестьянства. Мелкими уступками в области поземельного налога правительство не может их удовлетворить. Но чтобы поднять эти массы, нужна упорная работа в деревне по организации крестьянства, по раз'яснению ему лозунгов аграрной революции. Там, где революционные организации проникают в деревню, они находят крестьянство готовым начать борьбу. Особенно это заметно в Пенджабе, где местная рабоче-крестьянская партия имеет массовые связи среди крестьянства. Именно в этих районах начинается, по последним сведениям, широкая крестьянская борьба. Корреспондент «Дейли Телеграф» недавно сообщал, что в пограничной провинции Пенджабе и Соединенных провинциях, т.-е. практически во всей северной половине Индии, английские семьи получили распоряжение быть готовыми в нужную минуту отправить женщин и детей в укрепленные порты. Это может стоять в связи только с ростом крестьянского движения в этих районах. Второй момент, который нужно отметить. Опыт Китая показывает, что крестьянская борьба разгорается особенно сильно после уборки урожая, когда нужно платить налоги, и стихает перед уборкой урожая. В [illegible] период дождей, за которым после-ду[illegible] го[illegible] д[illegible]

с[illegible] ц[illegible] с[illegible] д[illegible] н[illegible] ц[illegible] буржуазии, но последняя считала [illegible] бороться местными средствами, призывая, где нужно, на помощь силы империализма. Но раскол во всеиндийском об'единении профсоюзов, из которого вынуждены были убраться старые матерые реформисты, и переход конгресса профсоюзов в руки левых поставили перед национальной буржуазией вопрос о рабочем движении как проблему общенационального масштаба.

Националистическая пресса заговорила о необходимости впрячь, пока не поздно, рабочее движение в колесницу буржуазного национального конгресса. Для этой «деликатной» миссии был выдвинут молодой Неру и К-о. Радикальная фразеология Неру и приветственные телеграммы, которые он посылал рабочим, бастовавшим на английских предприятиях, оказывают влияние на колеблющихся мелкобуржуазных лидеров профсоюзов, оставшихся во Всеиндийском Об'единении вместе с подлинно революционными элементами. С их помощью «левое» крыло национальной буржуазии пытается удержать под своим руководством часть рабочего движения и отвоевать те массы рабочих, которые пошли за коммунистами и близкими к ним рабоче-крестьянскими партиями.

На крестьянской же арене издавно подвизается Ганди. Молодой Неру, для разложения рабочего движения вынужден уже действовать по-современному и выставить программу, которая содержит такие «завлекательные» для рабочего пункты, как минимум зарплаты, передача фабрик и предприятий в руки государства и т. д. Ганди предпочитает действовать по-старинке и пола-

гаться на свое личное влияние и свои качества святого. И Ганди и Неру, в качестве приказчиков национальной буржуазии, стремятся «перехватить» пролетариат на пути гегемонии в революции. В своем письме к вице-королю Ганди откровенно пишет, что «партия насилия все более завоевывает почву» и это заставляет его торопиться со своим «соляным» походом.

Характерно, что до последнего времени Ганди всегда указывал на «атмосферу насилия» в стране, как на причину, которая мешает-де ему начать свою кампанию гражданского неповиновения. Теперь старый предатель революции чувствует, что в движении появилось революционное ядро и делает из этого прямо противоположный вывод: нужно торопиться, пока это ядро не выросло в мощную массовую силу. Молодой Неру, находящийся на побегушках у Ганди, но обращающийся к рабочим, вынужден выступать более осторожно и прикрываться флером об'ективного демократизма. Вот характерное его выступление: «Если кто-нибудь заботится об эксплоатируемых и погибающих с голоду массах страны, — так это Махатма (т. е. Ганди). Те, кто занимается бесполезными и бессмысленными насмешками, либо его не понимают, либо намеренно обманывают рабочий класс. Двери национального конгресса широко открыты для масс, и рабочие и крестьяне, которые составляют подавляющее большинство населения, могут захватить конгресс и повести его в желательном им направлении. Бесполезно маленькой кучке нападать на единственную национальную организацию, которая ведет войну за индийскую независимость в общенациональном масштабе. Я советую критикам не преувеличивать разногласий, а стремиться к взаимной договоренности». Таков язык тех, которые предназначены индийской буржуазией для борьбы против коммунистов и подлинно революционных элементов в рабочем движении, для разложения движения пролетариата изнутри.

Да что Неру! Бомбейские фабриканты, ведущие на фабриках упорную борьбу с рабочими, отказывающиеся признавать фабзавкомы, выгоняющие рабочих-активистов на улицу,—заседая в бомбейском провинциальном комитете национального конгресса, принимают следующую резолюцию:

«Рекомендовать Исполкому национального конгресса рассмотреть следующий вопрос. В виду того, что форма цивилизации и правления в нашей стране основана на империалистических и капиталистических началах, следствием чего является ужасная бедность и нищета индийских масс, необходимо, чтобы в независимой Индии форма правления представляла полную демократию, основанную на социалистических началах так, чтобы при государственном владении всеми средствами производства и распределения установилось полное равенство в положении граждан».

Эти образчики ярче всего показывают методы, которыми индийская национальная буржуазия пытается овладеть рабочим движением. Но эти же потуги буржуазии—угнаться за «духом времени» — говорят о силе и мощи нарастающего массового движения, говорят о том, что рабочие массы стихийно тянутся к тем, кто действительно способен повести их на борьбу за подлинную демократию трудящихся.

III.

Нарастание революционного брожения в массах, которых не успокоили ни требование независимости, выдвинутое под давлением масс лагорским с'ездом национального конгресса, ни «социалистическая» демагогия буржуазных националистов, вынудили, наконец, Ганди выступить. По собственному признанию, он долго искал «формулу», которая позволила бы ему удержать движение от насилия. Эту «формулу» он нашел в организации борьбы против соляной монополии правительства. Ганди надеялся своим соляным походом отвлечь внимание крестьянства от коренных вопросов аграрной революции.

В этом был основной смысл этой кампании для буржуазных вождей национального конгресса.

«Соляной» поход не оправдал ожиданий Ганди: насколько можно судить, он оказал ничтожное влияние на деревню. Зато в городе его роль — и притом об'ективно революционизирующая роль, вопреки контрреволюционным намерениям его инициатора, — оказалась куда больше. В городе соляной поход действительно оказался исходным моментом широкого массового антиправительственного движения, в котором массы вступили в борьбу за право на улицу и осуществили это право. Быстрый переход к открытым наступательным действиям масс показал, что лозунги гандизма уже далеко не имеют того влияния, как в 1919—1922 гг. во время первого под'ема национально-революционной волны. При всем том, что массы еще не сознают всей глубины противоречий между их движением и классовыми интересами индийской буржуазии, они на деле уже рвут с программой и тактикой буржуазных националистов. Все же гандизм и национальный конгресс еще по-революционному перед массами не разоблачены. Разоблачить до конца контрреволюционную сущность национального конгресса и его вождей — одна из важнейших задач индийской компартии.

Из отдельных номеров бомбейского органа «Уоркерс Викли», прорвавшихся через рогатки английской цензуры, можно видеть, как справляются с этими задачами левые элементы в рабочем движении, стоящие, повидимому, близко к индийским коммунистам. «Уоркерс Викли» упорно и терпеливо раз'ясняет необходимость организации марксистской партии рабочего класса, как единственно способной возглавить борьбу за полное свержение империалистического господства. «Уоркерс Викли» упорно и терпеливо указывает на необходимость работы среди крестьянства и перестройки рабоче-крестьянских партий таким образом, чтобы они не растворяли пролетариат в мелкобуржуазной массе. Но из этих же номеров мы узнаем о трудностях, которые встречают на своем пути подлинно революционные элементы в движении. Секретарь Всеиндийского конгресса профсоюзов Дешпанде на сессии Исполкома предложил начать подготовку всеобщей политической стачки. Колеблющиеся левые лидеры бомбейского профсоюза железнодорожников, питающиеся традициями тред'юнионизма, выступили против политической за экономическую всеобщую стачку. На деле же сорвали стачку бомбейских железнодорожников, которая в первую очередь должна была быть расширена на все железные дороги. В самой бомбейской рабоче-крестьянской партии нашлись люди, которые высказались против самостоятельной политической демонстрации бомбейских рабочих. Демонстрация, впрочем, состоялась вопреки их желанию, о чем ни звука не было в буржуазной печати. Из буржуазных газет также известно, что Дешпанде обратился к бомбейским рабочим с призывом начать всеобщую стачку.

«Уоркерс Викли» ведет непримиримую борьбу не только с Ганди и Неру — с буржуазным национальным конгрессом в целом, — но и с ренегатом Роем, который хочет заманить индийских рабочих пирогом учредилки.

В настоящее время нет еще достаточно материалов для полной характеристики движения. Насколько можно судить по последним сообщениям, после ряда восстаний, бурных революционных выступлений и кровавых столкновений с вооруженными силами империализма, наступает некоторая передышка Восставшие массы собираются с новыми силами для следующего натиска. Рабочие, которые до сих пор только отдельными группами (хоть и многочисленными) втягивались в борьбу, ходом вещей стихийно встают перед необходимостью организации, перестройки своих рядов, подтягивания на помощь крестьянских резервов. Легко воспламеняющаяся мелкобуржуазная масса городов может под давлением репрессий, перед лицом кровавых расправ, устраиваемых озверевшими английскими колонизаторами, временно отхлынуть. Настоящее движение миллионных трудящихся масс только теперь начинается. Что настоящая пауза — только момент на фоне общего под'ема движения к высшим формам борьбы — это прекрасно понимают и английские империалисты. Вот, например, какую картину дает корреспондент «Таймса» из Симлы от 7 мая:

«Когда обозреваешь Индию из этого правительственного гнезда, свитого в горах, кажется, что смотришь вниз на многочисленные костры военных лагерей. Некоторые полыхают, чтобы также внезапно потухнуть, оставив только тлеющий уголек для обозначения опасного места; некоторые беспокойно мигают, угрожая вспыхнуть, как только будут подброшены дрова; и некоторые пришли к бесславному концу даже без дождя искр, которых так уверенно ждали окружавшие их. В общем, положение бесконечно более спокойное, нежели мог надеяться величайший оптимист неделю назад.

Это ни на минуту не означает, что опасность миновала. Даже до того, как эта телеграмма достигнет Лондона, старые костры могут опять разгореться или новые пожары забушуют в неожиданных местах».

Продлится ли наступившая как-будто «передышка» пару недель или пару месяцев — этого никто не может сказать. Одно несомненно: новый натиск революционных масс на колониальный режим неизбежен.

Недаром либерал Сапру, верный сотрудник английского империализма, говорит корреспонденту «Дейли Геральд», что он «никогда еще за свою 30-летнюю политическую деятельность не видел такой ненависти к английскому господству, как в настоящее время». Недаром «Таймсу» сообщают из Шолапура, что, несмотря на кровавую баню, устроенную с благословения «рабочего» правительства восставшим рабочим, они отказываются подчиняться военным патрулям. «Даже вожди конгресса потеряли власть над чернью, которая пытается установить свой собственный режим», пишет корреспондент «Таймса». Характерной чертой текущего момент в Индии является то, что в движение втягиваются все большие массы, ищущие путей для открытых революционных выступлений. В такой момент одной агитации и пропаганды уже недостаточно. Индийские коммунисты, активно участвуя в массовой борьбе, используют настоящую ситуацию, чтобы максимально подготовить партию и организовать стихийно восставшие массы для решительных боев.

Модест Рубинштейн.

Нарастание мирового экономического кризиса*).

Развитие кризиса в разных отраслях хозяйства.

Конец 1929 г. принес новое обострение мирового аграрного кризиса. В области производства зерновых хлебов,— пишет отчет Дрезденского банка

«несоответствие между продукцией и спросом, которое с самого начала аграрного кризиса в 1920 г. особенно заметно на мировом рынке пшеницы, в результате хорошего урожая 1928/29 г. еще более обострилось. Причины отставания мирового потребления от продукции вызваны сокращением покупательной способности населения по сравнению с довоенным периодом во всех промышленных странах, потреблявших избытки пшеницы, а также изменением характера питания. Потребление муки на голову населения сократилось в Англии и Германии на 10%, в Соед. Штатах на 12—15%. Хотя мировой сбор пшеницы в 1928/29 г. был в среднем лишь на 5,8% выше, чем до войны, в то время как население мира выросло на 9%, а население промышленных стран Европы—на 6%,—часть избыточной продукции не находит при этих обстоятельствах потребителей».

Отчет констатирует, что попытки концентрации предложения (канадский «пул» и др.), не привели к улучшению положения на рынке. В основных экспортирующих странах имел место значительный рост продукции в результате роста посевных площадей, повышения урожайности, механизации и пр. Зависимость Европы от заокеанских стран (особенно Канады и Аргентины) еще более усилилась. В то же время каждый хороший урожай вызывает усиление трудностей сбыта, панику на хлебной бирже в Чикаго, массовое разорение мелких производителей. Как вынужден был признать буржуазный теоретик аграрных кризисов Зеринг,— этот кризис, неуклонно развивающийся с 1920 г. вызван в первую очередь обнищанием широких масс европейского населения.

1928 и 1929 гг. принесли дальнейшее углубление кризиса. Пшеничная продукция все более переходит в новые районы экстенсивного земледелия с континентальным климатом. Ряд технических сдвигов вызвал новое снижение себестоимости экстенсивного производства. Особенное значение имело быстрое распространение комбайнов в Соед. Штатах, Канаде, Аргентине и Австралии. Они сокращают стоимость уборки урожая на 30—50%, а стоимость всей продукции—на 8—14%, и дают поэтому стимул к новому расширению посевных площадей без новой колонизации. Наоборот, в ряде пшеничных районов эти новые методы вызывают быстрое обезлюдение. Как мы уже отмечали о Канаде и Соед. Штатах в предыдущей статье, массы бродячих рабочих, приезжавшие в сельскохозяйственные районы во время уборки урожая, более не нужны.

*) Окончание. Начало статьи см. в предыд. номере.

Распространение тракторов и сокращение численности лошадей вызывает освобождение значительных территорий от продукции кормов и их занятие зерновыми хлебами. Между тем потребление уже с первыми проявлениями мирового экономического кризиса дает признаки еще более быстрого сокращения. При этом необходимо иметь в виду то повсеместное явление, что снижение цен на зерно, получаемое производителями, т.-е. в первую очередь широкими массами крестьянства, большей частью совершенно не доходит до потребителя. Например, в Польше снижение с 1927 г. почти на половину цен, получаемых крестьянами, сопровождается повышением розничных цен. В Германии цена ржи в настоящее время снизилась почти до довоенного уровня, а цена хлеба выросла на 1/3. Колебания цен вызывают лишь повышение прибылей спекулянтов, торговцев, владельцев мельниц и пекарен. Из каждых 50 пфеннигов цены ржаного хлеба до войны крестьянин получал 25 пф., а в настоящее время лишь 19 пф. Если принять во внимание, что помещики и верхние слои крестьянства страдают при этом меньше всего, мы увидим, что вся тяжесть аграрного кризиса перекладывается, с одной стороны, на основные массы беднейшего крестьянства, с другой — на широкие слои городских потребителей, т.-е. пролетариат. То же самое имеет место и в других странах. В результате концентрация капитала, оказавшись и в этой области бессильной регулировать производство, обеспечивает переложение основной тяжести кризиса на широкие массы крестьянства и пролетариата, что, однако, приводит лишь к дальнейшему его углублению.

В начале 1930 г., несмотря на сильнейший неурожай в Канаде и Аргентине, имеет место небывалое накопление запасов пшеницы (особенно в Соед. Штатах), сокращение возможностей экспорта, падение цен на чикагской бирже с 131 цента за бушель в начале года до 99 центов в конце февраля. Почти в такой же степени снизились мировые цены на рожь, овес, ячмень, кукурузу, рис и др. зерновые продукты. Кризис перепроизводства зерновых продуктов, наряду с Соед. Штатами, Канадой, Аргентиной и Австралией, с особенной силой ударил по хозяйству стран Юго-Восточной Европы — Венгрии, Польши, Балкан, всюду вызывая массовое разорение беднейших фермеров и крестьян, сокращая их покупательную способность, усиливая безработицу.

Выходящий в Лондоне журнал «Африканский мир» приводит в хронике (без всяких комментариев) корреспонденцию из газеты «Bloem fontein Friend», издающейся в глуши Южно-африканского союза. Корреспондент пишет:

«Мрак, уныние и отчаяние господствуют в округе Коренфонтэйн. Уже несколько недель фермеры ожидают больших туч саранчи, которая посетила бы район. Так как саранча все еще не появилась, фермеры в отчаянии, не зная что делать со своим урожаем. Они надеялись на основе сообщений из других районов, что саранча должна была давно уже прилететь сюда. Но день проходит за днем, а ее нет и следа. Фермеры боятся, что придется убирать хлеб, так и не дождавшись саранчи».

Это своеобразная картина положения фермеров целого округа, дожидающихся саранчи, как манны небесной, как единственного избавления от разорения, могла бы служить символом нынешнего положения сельского хозяйства во всем капиталистическом мире.

В конце 1929 и начале 1930 гг. имело место также снижение цен на ряд продуктов животноводства — масло и др. молочные продукты, мясо и особенно шерсть. Повсеместное снижение цен на масло (особенно ударившее по сельскому хозяйству Дании) об'ясняется буржуазными экономистами снижением емкости рынков в результате безработицы.

Еще более острое развитие мирового аграрного кризиса можно отметить в области растительных колониальных продуктов. В производстве кофе 1929 г. принес небывалое падение цен, снизившихся к концу года

почти на половину. Мы уже отмечали, какое воздействие это оказало на хозяйство ряда стран Центральной и Южной Америки. Кофе составляет следующий процент в общем вывозе государств (1927 г.):

Бразилия	71%	Гватемала	82%
Колумбия	66%	Никарагуа	57%
Коста-Рика	59%	Сан-Сальвадор	89%

С его производством связано существование миллионов крестьян и сельскохозяйственных рабочих. Уничтожение громадных запасов и проекты вырвать 400 млн. кофейных кустов для того, чтобы избавиться от перепроизводства, ни в коей мере не улучшат положения этих миллионов людей.

Немногим лучше положение и в производстве чая, где расширение посадок за последние годы, также не сопровождалось ростом потребления. В 1929 г. цены упали более, чем на ⅓ и все же запасы быстро растут. Это отразилось на Цейлоне, Индии, Индонезии и Китае. Об'единение плантаторов на Цейлоне постановило оставить на поле очередной сбор чая.

В мировом производстве каучука имело место падение цен с 1925 по 1928 гг. почти на ⅓. Несмотря на громадный рост потребления резины автопромышленностью, производство быстро опережало спрос. С января 1928 г. по январь 1930 г. цены упали более чем наполовину, до самого низкого уровня с 1922 г. Делаются лихорадочные усилия вновь возродить какой-либо суррогат известной «схемы Стивенсона» (организованного сокращения продукции, взорванного американцами в 1928 г.). В частности производятся попытки сократить продукцию мелких туземных производителей в Индонезии при помощи правительственного принуждения. Но начало поступления каучука с заложенных за последние годы американских плантаций в Африке, Индонезии и Филиппинах, быстрый рост применения так называемой регенерированной резины и кризис автомобильной промышленности делают эти попытки удержать цены безнадежными.

Чрезвычайно яркую картину мирового кризиса дает также производство сахара. Громадное развитие производства тростникового сахара во время и после войны, при сокращении спроса со стороны широких масс, вызвало общее международное перепроизводство. Все попытки добиться сокращения продукции путем соглашения плантаторов и предпринимателей важнейших производящих стран окончились неудачей. Как пишет редактор «Международного сахарного журнала» Норман Роджер:

> «Уже годы на мировом сахарном рынке господствует столь низкий уровень цен, что только наилучше оборудованные крупные предприятия обеспечивали кое-какую прибыль. Уже несколько лет продолжаются попытки промышленников Кубы и Явы договориться об ограничении мировой продукции. Но плантаторы Явы отказываются от ограничений, так как вследствие повышенной эксплоатации труда, получают достаточную прибыль. Попытки промышленников Кубы самостоятельно ограничить производство провалились. Теперь они, при помощи правительства, централизовали продажу, удерживают от выхода на рынки запас в 4—5 млн. тонн. Однако, несмотря на это, цены все же снижаются. Разгорается отчаянная мировая борьба за рынки. Повсюду имеет место выпадение и закрытие более слабых предприятий, ликвидация громадных плантаций, требовавших многих лет подготовки. Расширить потребление можно только за счет тех слоев населения, для которых сахар в настоящее время слишком дорог. Но тут препятствием становятся косвенные налоги, от которых правительства не хотят и не могут отказаться. Один инженер предлагает следующий выход: отказаться от сложных методов извлечения из тростника всего сахара, ограничившись более грубым процессом для получения 85%. Это позволит ограничить продукцию более, чем на 10%. В этом многие видят якорь спасения».

Сахарный кризис резко отразился не только на странах, производящих тростниковый сахар (в первую очередь на Кубе и Индонезии), но также на странах с значительной продукцией свекловичного сахара (Соед. Штаты, Германия, Чехо-Словакия). А тут еще весьма некстати для сахарозаводчиков Бергиус настолько усовершенствовал свой метод получения сахара из древесной целлюлозы, что он дает возможность совсем по дешевке получать сахаристые вещества (пока для корма скота, но при дальнейшем развитии они будут пригодны и для других целей).

Таковы же явления перепроизводства и в области других колониальных сельскохозяйственных продуктов — хлопок, джут, какао, табак, жировые семена, бобы и сои и мн. др.

Этот острый кризис сельскохозяйственной продукции колоний имеет исключительно важное значение для оценки характера мирового экономического кризиса.

В одном из своих писем к Марксу (от 11/XII—1857 г.) Энгельс делает следующее интереснейшее замечание: «Перепроизводство при этом кризисе было столь всеобщим, как никогда; оно неизбежно как для колониальных товаров, так и для зерна. Это то и великолепно и должно иметь колоссальные последствия. Пока перепроизводство ограничивается промышленностью, это еще с полбеды, но когда оно захватывает и земледелие, и притом под тропиками так же, как и в умеренном поясе, тогда все принимает грандиозные размеры».

С тех пор значение колониального сырья в мировом хозяйстве во много раз выросло. Колонии в гораздо большей степени вовлечены в мировой товарооборот. Целый ряд колониальных стран превращены современным капитализмом в области так называемой монокультуры, т.-е. главной основой всего их хозяйства является производство какого-либо одного сырьевого продукта на мировой рынок. Мы уже выше отмечали роль экспорта кофе для Бразилии, каучука для Малайских Штатов и Индонезии. Как пишет о производстве какао в Зап. Африке («Золотой Берег») Аллан Мак-фи:

> «какао, чисто торговая культура, на которую нет внутреннего спроса и существование фермера, производящего какао, более зависит от мирового рынка, чем прядильщика в Ланкашире».

То же относится к хлопку в Уганде, чаю—на Цейлоне и многим другим колониям. В результате кризис сбыта этих продуктов и снижение цен разваливает все хозяйство колониального мира, стремительно ускоряет разорение многомиллионных масс колониального крестьянства и, сокращая возможности экспорта в эти колонии, судоходство и проч., приводит к грозным потрясениям мирового рынка. Этот кризис продукции колониального сырья дает мощный толчок к усилению национально-революционного движения колониальных народов, расширяя его на новые страны и области, обостряя борьбу против империализма, вне которой для трудящихся колоний нет никакого выхода.

Нарастающий мировой кризис охватывает в настоящее время производство всех основных видов топлива.

Важнейшее значение имеет в этом отношении угольный кризис, так как уголь все еще остался основой энергетики мира. Мировой угольный кризис характерный для всего послевоенного периода капитализма, в самое последнее время получил новое обострение. После английской стачки углекопов в 1926 г. в ряде стран имел место временный под'ем угольной промышленности.

Но, с одной стороны, громадные успехи механизации добычи угля (особенно в Соед. Штатах и Германии), с другой стороны, прогрессирующая замена угля нефтью и водной энергией, успехи теплотехники и т. п. подготовили перепроизводство в еще более широком масштабе; а это привело при первых же проявлениях сокращения спроса промышленностью к новому расширению мирового угольного кризиса. В Соед. Штатах предприниматели откровенно заявляют, что «300.000 углекопов должны вымереть для блага

дела» и, несмотря на резкое сокращение зарплаты, проводят массовые увольнения.

Еще хуже положение в Европе. Важнейшие экспортирующие страны (в первую очередь Англия и Германия, затем также Чехо-Словакия, Польша и др.), ведут отчаянную конкурентную борьбу за рынки. И в то же время производственная возможность промышленности всюду не использована, что вызывает, несмотря на громадные успехи рационализации, повышение себестоимости.

Все попытки международных соглашений об ограничении продукции не приводят ни к каким результатам. Новые возможности химического использования угля (нефть из угля, передача газа на дальнее расстояние, получение азотных соединений при коксовании и т. д.) не разрешают проблему сбыта, так как требуют относительно ограниченных количеств угля. В конце 1929 г. угольная промышленность важнейших стран была еще исключением из общей картины снижения кон'юнктуры. Но уже в самом начале 1930 г. кризис распространился на угольную промышленность Германии, Чехо-Словакии, Польши и ряда других стран. Мировая добыча угля за первую четверть 1930 г. показывает значительное снижение.

Острый международный кризис испытывает и производство н е ф т и. Несмотря на громадный рост потребления, в результате увеличения спроса автомобилей, тракторов, авиации и перехода на нефть морского флота, продукция неизменно обгоняет потребности. С 1925 по 1928 г. мировая продукция выросла на 25%, и трудности сбыта становятся все острее. Детердинг заявил на с'езде американского нефтяного института:

«в настоящее время повсюду производится, транспортируется, перерабатывается и вывозится слишком много нефти. Громадные вложения в нефтепроводы, пропадают совершенно напрасно. Например, в Мексике, в 1920—24 г. были выстроены нефтепроводы с пропускной способностью больше миллиона барелей (боченков). Между тем, продукция составляла тогда 400 000 барелей, а в настоящее время менее 100 тысяч в год. Нефтеперегонные заводы повсюду вырастали, как дети. Теперь они не используются и в десятой доле».

Однако, все попытки организовать в международном масштабе сокращение продукции провалились и отчаянная борьба мировых нефтяных трестов за рынки и сферы влияния продолжается с небывалой напряженностью.

Технические сдвиги последних лет (особенно успехи крэкинга) позволяют значительно увеличить выход бензинопродуктов и, таким образом, получать их из меньшего количества сырой нефти. Это еще более усиливает перепроизводство, нарастающее с каждым годом. По словам американских экономистов, «такое перепроизводство сломало бы спину другим отраслям промышленности». Но и в нефтяной промышленности средние цены на нефтепродукты в 1929 г. снизились до самого низкого уровня с 1915 г. и накопление запасов является небывалым.

При общеизвестном значении нефтяных трестов в империалистической политике, углубление мирового нефтяного кризиса оказывает громадное воздействие на обострение военной опасности.

Явное назревание кризиса хотя и в своеобразных формах показывает мировая м е т а л л у р г и ч е с к а я промышленность.

Основное значение имеет ж е л е з о и с т а л ь. С 1925 по 1928 г. мировая продукция железа выросла на 15%, стали—на 20%. 1929 г. дал дальнейший рост— по железу на 9,4%, стали на 13%. Производственная способность, в результате ряда технических усовершенствований, выросла еще больше, чем продукция.

В Соед. Штатах загрузка металлургических предприятий зависит почти целиком от внутреннего рынка и довольно точно следует за своим важнейшим потребителем — автопромышленностью. Уже при первых проявлениях экономического кризиса загрузка металлургических заводов стремительно снизилась в декабре 1928 г. до 50% производственной способности и лишь рядом искусственных мероприятий ее удалось временно поднять.

В основных, по продукции железа и стали, государствах Европы (Англия, Германия, Франция и Бельгия—Люксембург) производственная способность металлургии значительно превышает максимальные возможности спроса на внутренних рынках и, поэтому, решающее значение имеет борьба за внешние рынки. Остальные государства (Польша, Чехо-Словакия, Италия и др.) содействуют обострению этой борьбы. Настойчивые попытки каждого из государств развить собственную металлургию для военных целей, использование для этих целей заградительных пошлин и т. п., еще более усиливают перепроизводство. Поэтому, несмотря на «достижения» европейского стального картеля, проведшего в октябре 1929 г. постановление о снижении продукции на 10%, а в ноябре еще на 10%, условия сбыта на мировых рынках не улучшились.

Несмотря на громадные успехи концентрации металлургического капитала как в Соед. Штатах, так и в Европе, борьба за рынки не только не ослабела, но еще более усилилась. Идет ожесточенная борьба трестов и картелей с аутсайдерами (независимыми фирмами) внутри картелей борьба отдельных участников за квоты (доли продукции), наконец, американская металлургия усиленно готовится к выходу широким фронтом на мировые рынки и борьбе с европейским картелем.

Еще острее проявляется кризис в ц в е т н о й м е т а л л у р г и и.

В добыче меди за последние годы имел место громадный рост спроса (главным образом для электротехнической промышленности, поглощающей свыше 50% меди). Высокие цены поддерживали «бум». В начале 1930 г. явно наметился перелом. Несмотря на чрезвычайно высокую степень концентрации капитала, взвинченные картельные цены угрожают снизиться и основные тресты в настоящее время сокращают продукцию [1]).

В добыче о л о в а неуклонный рост продукции при стабилизации потребления вызвал резкое перепроизводство. Попытки соглашения об ограничении продукции оказались безуспешными. За 1929 г. цены снизились на 25%, что резко сказалось на хозяйстве Малайских Штатов, Боливии и Индонезии, частью также Сиама, Китая и других стран.

Несколько особняком стоит резкий кризис цен на с е р е б р о, вызвавший глубокие потрясения в хозяйстве ряда стран. Лишь 26% мировой продукции серебра получается из чисто-серебряных рудников, 74% являются побочным продуктом при добыче других цветных металлов. Поэтому продукция серебра почти не поддается регулированию. За последние годы она держится почти на том же уровне. Основной причиной кризиса является сокращение потребления, в связи с отказом ряда государств от серебряной валюты. Индия поколениями поглощала громадное количество серебра, которое служило (в виде женских украшений) основным методом сбережений. Запасы в стране составляли почти ⅓ мировых. В связи с переходом на золотую валюту, индийское правительство бросило на рынок значительное количество серебра и мировые цены, уже ранее показывавшие тенденцию к снижению, дали резкий скачок вниз. В январе 1930 г. цены на серебро упали ниже, чем за все последние столетия. Это было, с одной стороны, ударом по хозяйству производящих стран, в первую очередь Мексики (дающей 40% мировой добычи), где оно вызвало увольнение десятков тысяч рабочих. Но сильнее всего это падение отразилось на странах с серебряной валютой — Китае, Индо-Китае, Персии, в значительной степени в Индии.

Внешняя торговля и общее хозяйственное положение Китая в громадной степени зависят от курса серебра. Снижение курса на серебро озна-

[1]) По последним сообщениям международный медный картель снизил цены на 20%.

чает падение стоимости экспорта и сокращение покупательной способности. Страна может меньше покупать на внешних рынках и в то же время громадные проценты по иностранным долгам и займам относительно еще более вырастают. По подсчетам «Анналиста» падение курса серебра за 1929 г. означало для Китая сокращение покупательной способности на 25% и увеличение внешних долгов почти на 1/3. Таковы же были следствия в ряде стран Дальнего Востока. Это в свою очередь отразилось на хлопковом рынке Соед. Штатов, на вывозе оттуда муки, машин, металлов, нефтепродуктов. В самом Китае имел место крах ряда банков, сокращение правительственных финансов, приостановка закупок заграницей. Торговля и промышленность Китая были поражены в самое сердце. Как мы уже отмечали, в тесной связи с серебряным кризисом произошел в конце декабря подлинный крах всех ценностей на шанхайской бирже, еще более углубивший экономический кризис. Доходы правительства Чан Кай-ши почти исчезли, так как уплата иностранных долгов поглощает все поступления. Сокращение китайского импорта и попытки усилить экспорт на основе фактического снижения зарплаты, вносят потрясения во всю мировую торговлю. И в Индии катастрофа серебряных цен вызвала массовые разорения.

В обрабатывающей промышленности важнейшее значение имеет машиностроительная промышленность, с одной стороны, как яркий показатель, с другой, как отрасль производства, определяющая одно из важнейших условий возникновения мирового экономического кризиса. По данным международной экономической конференции в Женеве, мировая продукция машин выросла с 1913 г. по 1925 г. на 10%, а производственная способность мировой машиностроительной промышленности поднялась на 46,5%. (в Соед. Штатах—на 67%). В связи с этим, средний процент загрузки машиностроительных заводов составлял в 1925 г. лишь 74%. С 1925 г. по 1928 г. продукция выросла еще на 15%, но расширение производственной способности еще более опередило этот рост. Загрузка машиностроительной промышленности Германии снизилась в феврале 1930 г. до 60% производственной способности.

В эти годы машиностроительная промышленность важнейших стран имела значительные заказы на внутренних рынках, в связи с широким процессом рационализации (в Соед. Штатах также в связи с индустриализацией Юга). Ряд данных показывает, что внутренние рынки в настоящее время насыщены, и все основные производящие страны готовятся к широкому походу на внешние рынки. В то же время индустриализация колоний и полуколоний переживает, как мы уже отмечали, глубокий кризис, что относительно сокращает импорт машин. Большая часть потребления машин в странах новой индустриализации связана с расширением добычи сырья, что в связи с вышеописанным повсеместным перепроизводством сырья на годы исключает возможности роста.

Все это создает для мировой машиностроительной промышленности нарастание кризиса перепроизводства и трудностей сбыта. На значении сдвигов машиностроения для развития общего экономического кризиса мы остановимся в дальнейшем.

К сожалению, в международном масштабе нет сколько-нибудь надежных данных о строительной промышленности. На значении технических сдвигов строительства в подготовке и ускорении мирового экономического кризиса мы остановимся ниже.

В связи с назреванием кризиса в отдельных отраслях хозяйства, отметим лишь, что основным строительным материалом современности является (на ряду с железом) цемент. Поэтому цементная промышленность является одной из «ключевых» отраслей производства, в известном отношении как бы показывая масштаб индустриализации страны. Мировая цементная промышленность показывает за последние годы неуклонный рост. Продукция в 1927 г. была на 70% выше 1913 г. (в Соед. Штатах на 90% выше).

Несмотря на громадный рост спроса, продукция во всех важнейших странах неуклонно обгоняет потребление. Легкость постройки новых цементных заводов и успехи механизации производства усиливают это несоответствие. Производственная мощность заводов повсюду используется далеко неполностью (в мировом масштабе было использовано в 1928 г. лишь 60—70% производственной способности; как пишет отчет Дрезденского банка, «несоответствие производственной способности и потребления стало органическим злом цементного производства, имеющим особенное значение, вследствие высокого органического состава капитала». Несмотря на громадную степень концентрации капитала цемпромышленности, конкурентная борьба разгорается все сильнее.

С первыми же проявлениями общего экономического кризиса имело место значительное сокращение продукции в Соед. Штатах, основных странах Европы и, особенно, в Японии.

В текстильной промышленности мира необходимо в первую очередь отметить усиление кризиса хлопчатобумажной промышленности. После короткого улучшения в 1927 г. положение мировой хлопчатобумажной промышленности вновь резко ухудшилось, при чем это ухудшение охватывает в настоящее время как Соед. Штаты и важнейшие центры европейской промышленности, так и молодую хлопчатобумажную промышленность Восточной Азии.

За последние годы происходил дальнейший рост производственной способности хлопчатобумажной промышленности мира как за счет установки новых веретен, перехода на автоматические ткацкие станки и т. п., так и в результате громадного роста интенсификации труда.

В то же время рынки неуклонно продолжали сокращаться. Для хлопчатобумажной промышленности Европы (особенно для английской) внутренний рынок совершенно недостаточен. В то же время японская, индийская и китайская промышленность не только продолжали вытеснять импорт, но в то же время все с большей настойчивостью сами рвутся на внешние рынки.

Молодая текстильная промышленность Южной Америки обеспечивает самоснабжение. На некоторых отраслях хлопчатобумажной промышленности начинает сказываться конкуренция искусственного шелка. Японская (частично и китайская) промышленность успешно переходит на более тонкие сорта тканей и в связи с этим надежды европейских фабрикантов на обеспеченность рынков хотя бы в этой отрасли начинают тускнеть. В то же время текстильная промышленность Восточной Азии также испытывает все большие трудности сбыта. В Китае и Индии потребление хлопка с 1927 г. значительно сократилось. Японские фабриканты испытывают нарастающие затруднения экспорта.

Развитие мирового экономического кризиса особенно резко сказывается на этой громадной отрасли производства, по существу основной, обслуживающей непосредственно потребительский спрос.

Те же явления сказываются и в мировой шерстяной промышленности, где продукция 1928 г. была на 10% выше 1913 г. и на 14% выше 1925 г. Резкое несоответствие производственного аппарата и спроса характеризует шерстяную промышленность всех стран. Особенно оно сказывается в Соед. Штатах, где производственная способность используется (по данным К-та Гувера) лишь на 60%. С 1928 г. мировые цены показывают тенденцию к снижению, а с конца 1929 г. начинает сокращаться и производство.

В области транспорта необходимо отметить углубление кризиса мирового судоходства, кризиса, характеризовавшего почти весь после-

военный период. Рост тоннажа (главным образом из военных соображений) за последние годы продолжался. Мировой тоннаж вырос с 62 млн. тонн в 1927 году до 68 млн. в 1929 г. Этот рост тоннажа по сравнению с довоенным периодом значительно опередил рост мировой торговли. В то же время технические и организационные сдвиги судоходства значительно повысили его производительность. Например, по данным об океанском судоходстве мира, тоннаж вырос с 1914 г. по 1927 на 25%, а провозоспособность (в миллионах тонн)— более чем на 30%.

После некоторого оживления в начале 1929 г., вызвавшего розовые надежды судоходных трестов и новое усиление строительства, зимой 1929—30 г. произошло повсеместное ухудшение.

Как сообщает W. Dienst «единственным выходом для судоходных трестов было выключение (Auflegung) и, в значительной части, уничтожение незанятых судов. За последние месяцы это выключение проводилось очень широко, при чем выключались из действия не только старые суда, но многочисленные современные моторные суда, экономичность которых вне всяких сомнений». Это ярко показывает критическое положение судоходства, при чем, по словам обзора N. D., нет никаких признаков, которые давали бы надежду на перелом. Фрахты продолжают падать, мировая торговля с 3-го квартала 1929 г. неумолимо снижается. Резко сократились морские перевозки пшеницы, хлопка, леса, сахара. В угольном флоте все сильнее выявляется избыток тоннажа. В ближайшие месяцы предполагается еще более широкое выведение пароходов из строя.

Уже этот краткий обзор состояния важнейших отраслей мирового хозяйства ярко показывает углубление перепроизводства и быстрое нарастание мирового экономического кризиса. Единственными важными исключениями были до сих пор — мировая электрическая и химическая промышленность.

Однако, электротехническая промышленность также показывает замедление темпов прироста и обострение борьбы за рынки.

В химической промышленности, несмотря на особые условия ее развития, ряд отраслей дает также яркую картину перепроизводства. Правда, продукция мировой химической промышленности показывает непрестанный под'ем. С 1924 г. по 1928 г. она выросла на 30%. Громадным темпом продолжали развиваться технические сдвиги и рационализация производства. Но как раз это создавало новые противоречия и трудности. Новые вещества и методы продукции непрестанно создают конкуренцию старым и часто разом обесценивают огромные вложения капиталов.

Нарастание перепроизводства легче всего проследить по отдельным отраслям химической промышленности.

Серно-кислотная промышленность долгое время была как бы ключом основной химии и ее развитие служило важнейшим показателем общего состояния химического производства. Однако, в результате ряда технических сдвигов, она потеряла это значение и использование серной кислоты вытеснено другими методами. Между тем, прозводственная способность, получившая громадное развитие еще во время войны, продолжает расширяться. Результатом является слабая загрузка и нарастающие трудности сбыта.

Красочная промышленность — как во время, так и после войны усиленно насаждалась почти всеми капиталистическими государствами, так как ее производственный аппарат и полупродукты являются основой производства отравляющих веществ. Каждая из капиталистических стран, при помощи запретительных пошлин, субсидий и т. п., стремится целиком избавиться в этой области от иностранной зависимости. Продукция красок в 1928 г. была на 15% больше 1925 г. В то же время при производственной способности мировой красочной промышленности в 275.000 тонн, средняя

продукция за последние годы составляет лишь 170.000 тонн, т.-е. производственный аппарат загружен лишь на 60%.

Основной «мирный» потребитель красок — текстильная промышленность, неуклонно сокращает спрос. В то же время повсюду растут новые красочные заводы и расширяются старые. Даже Япония выступила на внешние рынки. За последние оставшиеся рынки (Китай, Индия) идет ожесточенная конкурентная борьба при помощи бросового экспорта. Но Индия защищается как зеница ока британским Химическим трестом, а Китай за последние годы резко сокращает импорт.

Еще ярче сказывается перепроизводство в мировой азотной промышленности, служащей основой изготовления взрывчатых веществ, а в мирное время вынужденной перебиваться удобрениями для сельского хозяйства.

С 1925 г. по 1928 г. продукция всех азотных соединений выросла на 50%, а синтетического азота на 100%. В ряде стран имел место еще более быстрый рост (например, в Италии — втрое). В 1929 г. продукция вновь выросла на 22%, в то время, как рост потребления составлял лишь 14%. Несмотря на необ'ятные возможности развития потребления удобрений, спрос сельского хозяйства капиталистических стран растет крайне медленно и далеко отстает от скачкообразного роста продукции и производственного аппарата азотных заводов. Еще в большей мере, чем в красочной промышленности, каждое капиталистическое государство стремится избавиться от иностранной зависимости. Несмотря на то, что наличные предприятия с избытком покрывают спрос, в Соед. Штатах, Англии, Голландии, Франции, Бельгии, Италии и ряде других стран лихорадочно строятся новые крупнейшие заводы.

Еще более усиливает мировое перепроизводство усовершенствование получения азотных соединений в качестве побочного продукта угольной промышленности (при коксовании). За оставшиеся (главным образом, заокеанские) внешние рынки идет отчаянная борьба мировых трестов. Создавшийся летом 1929 г. международный картель не прекратил этой борьбы и не ослабил перепроизводства. Наоборот, углубление мирового сельскохозяйственного кризиса еще более сокращает потребление и в то же время 1930 г. должен дать значительный рост продукции в связи с окончанием ряда крупнейших заводов. Чтобы поглотить прирост продукции, необходимо было бы расширение потребления не менее, чем на ¼, на что, без новой империалистической войны, у предпринимателей нет никаких надежд.

Резкое перепроизводство характеризует и другую область производства удобрений — добычу калия. В результате соглашения французского и германского калийных трестов, в этой области был проведен полный раздел мировых рынков, при чем 70% продукции дает Германия. Интенсивнейшая рационализация привела к резкому сокращению числа занятых рабочих и одновременному росту производственной способности, использовываемой лишь в незначительной степени. Но этой монополистической идиллии грозит сокрушительная опасность в виде советского калия, запасы которого значительно превышают германские. Немудрено, что калиевый магнат Рехберг является одним из зачинщиков антисоветской травли, призывая в газетах германской тяжелой промышленности к военному походу на Советский Союз, который, видите ли, является единственным виновником того, что в капиталистическом мире имеется в настоящее время 20 миллионов безработных и, по словам Рехберга, 60 млн. людей обречены на вымирание. Калий не является как нефть горючим материалом, однако, для современного империализма даже этот безобидный продукт служит топливом для разжигания новых войн.

Наконец, чрезвычайно интересным примером капиталистического перепроизводства и создаваемых им противоречий является производство искусственного шелка. Эта молодая отрасль промышленности показывала за последние годы рекордные темпы развития. Мировая продукция

за 1928 г. была вдвое выше 1925 г. (в Японии—рост втрое). 1928 г. дал дальнейший рост почти на 15%. Возможности дальнейшего развития потребления громадны, так как в настоящее время искусственный шелк составляет лишь 6% текстильной пряжи. И все же трудности сбыта выявились в 1929 г. с чрезвычайной ясностью, как пишет один германский экономический журнал: 1929 г. был годом катастрофы для промышленности искусственного шелка всего мира. Акции соответствующих предприятий потеряли значительную часть своей стоимости во всех странах, особенно же в Германии, где их курс в начале года был в 3—4 раза выше, чем в конце года. Все это происходило, несмотря на рост продукции и сбыта.

Точно так же, несмотря на рост емкости рынков, цены продукции упали за год на ⅓. Об'ясняется это тем, что промышленность рассчитывала на еще более быстрый рост и соответственно этим расчетам расширялась производственная мощность фабрик. Их производственная способность использовалась лишь наполовину. Несмотря на чрезвычайно высокую ступень и стремительный рост концентрации капитала в этой промышленности, конкурентная борьба на мировых рынках получила небывалое обострение. Все международные договоры и соглашения оказались ни к чему, так как они просто не выполнялись. Рядом с крупными предприятиями выплывали бесчисленные аутсайдеры (посторонние) и чтобы бороться с их конкуренцией, крупные партнеры должны были бороться и между собой. Для того, чтобы удержать цены от дальнейшего падения, этот журнал требует полного прекращения расширения производственного аппарата, «мирного» договора всех стран о разделении рынков и об отказе от бросовой конкуренции. Он заявляет, что «грюндерский период промышленности окончен». Однако, эти планы организованного сокращения продукции и ликвидации конкуренции являются чистейшей утопией. Необходимо также иметь в виду, что в этой промышленности (как и в производстве азота) выгодно лишь очень крупное производство. Поэтому, расширение производственной способности идет здесь не постепенно, а большими скачками, разом опережающими постепенный рост потребления и создающими значительные товарные запасы. В результате дальнейших технических сдвигов, эти запасы не поддаются прибыльной реализации.

Вышеприведенные примеры ясно показывают, что и химическая промышленность лишь очень условно может быть отнесена к исключениям из общей картины острого перепроизводства.

Основные противоречия современного капитализма в своей новейшей форме переносятся как в страны молодой индустриализации, так и в молодые отрасли промышленности, при чем вследствие их стремительного роста и развития выявление кризиса происходит в них особенно бурно.

В химической промышленности, являющейся на 100% военным производством, назревание кризиса служит сильнейшим стимулом подготовки новых империалистических войн, так как только война дает химическому капиталу надежду на открытие нового необ'ятного рынка.

Основные особенности кризиса.

Не останавливаясь в данной статье на анализе условий возникновения мирового экономического кризиса 1930 г., отметим лишь некоторые основные его особенности.

Важнейшими особенностями развивающегося мирового экономического кризиса являются следующие черты:

1) Данный кризис является только этапом, только частью всеобщего послевоенного кризиса капитализма. Это лишь период обострения противоречий конечного кризиса всей капиталистической системы в целом. Забыв об этой основе, нельзя ничего понять в характере нарастающего кризиса.

2) Кризис тесно связан с громадным по темпу и масштабу нарастанием элементов паразитического перерождения и загнивания капитализма. Этим об'ясняется, между прочим, значительная роль в его подготовке и развитии биржевой спекуляции.

3) Кризис в своем развитии по глубине, повсеместности, размерам безработицы далеко превзойдет все прежние «рекорды» капитализма. Это показывают уже первые его проявления, небывалые по размаху и интенсивности. Разумеется, что развитие кризиса в разных странах, разных отраслях хозяйства, социальной и политической жизни не нарастает и не будет нарастать равномерно, постепенно и параллельно. Оно будет сталкиваться с рядом противодействующих тенденций. Отдельные противоречия будут на время частично ослабляться, чтобы затем вновь вспыхнуть с новой силой. Отдельные капиталистические государства будут временно выигрывать за счет других. Но, несмотря на эту неравномерность, на «развитие в противоречиях», кризис в общем, несомненно, охватит все мировое хозяйство капитализма, углубляя его развал и анархию, наглядно показывая широким массам трудящихся, что «оболочка частно-хозяйственных отношений загнивает и должна быть удалена». (Ленин).

4) Характерной особенностью назревающего кризиса является одновременность, сочетание и взаимодействие промышленного кризиса и острейшего мирового аграрного кризиса. Промышленный кризис еще более сокращает возможности сбыта сельскохозяйственных продуктов и в то же время целиком устраняет возможности всасывания разоряемого кризисом сельскохозяйственного населения в городскую промышленность. В свою очередь, углубление аграрного кризиса еще более суживает рынки для промышленных продуктов. Таким образом, это сочетание в небывалой степени расширяет охват мирового кризиса, следствия которого сказываются на подавляющем большинстве населения земли.

5) Кризис уже в нынешней стадии является нагляднейшим провалом всей болтовни об «организованном капитализме». Разумеется, и раньше нелепость этих «теорий» была ясной для каждого марксиста. Но и те предположения, которые были у некоторых товарищей о хотя бы некотором воздействии современных форм концентрации капитала на форму кризисов в смысле их смягчения, организованного «спуска на тормозах», значения в Соед. Штатах федеральной резервной системы и т. п. с треском провалились. Федеральная резервная система оказалась, по меткому американскому определению, «положенной на полку». Как Социалистический Интернационал—в представлении Каутского являлся орудием, пригодным лишь во время мира, а не войны, так федеральная система в Соед. Штатах—этот, по заявлениям увлекающихся либеральных экономистов, «капиталистический госплан», долженствующий раз навсегда предупредить кризисы, перестал действовать как раз тогда, когда был особенно нужен.

Концентрация капитала только усилила размах и остроту кризисов. Кон'юнктурные исследования и предсказания буржуазных экономистов, как правило, не только попадали пальцем в небо, но предсказывали как раз противоположное тому, что происходило на деле.

6) Кризис, разумеется, вырастает из внутренних экономических противоречий важнейших капиталистических стран. Но в то же время его международный характер, его всеобщность, при одновременном усилении действия закона неравномерного развития капитализма создает неизбежность резкого обострения внешних противоречий. Развитие кризиса вызовет небывалое обострение борьбы за рынки, за сферы влияния, за экспорт капитала, передел колоний, рост таможенных стен, усиление попыток прорвать монополию внешней торговли СССР. Оно вызовет отчаянные попытки бросового экспорта в громадных масштабах, политиче-

ского давления, наконец, самое главное, самое основное — вызовет значительное усиление военной подготовки империалистов, обострение военной опасности. Только в новой империалистической войне, притом не «мелкой», а достаточно основательной, широкой и длительной, видит современный капитализм надежду на радикальный «выход» из кризиса. Империалистическая война, даже независимо от ее целей, получает теперь, в период быстрого сокращения рынков, для капитализма то значение, что она представляет как-бы бездонную бочку, поглощающую миллионы тонн железа и стали, цветных металлов и взрывчатых веществ, текстиля и других изделий — все в любых количествах, по любой цене за счет разорения и обнищания не только широчайших масс населения во время войны, но и будущих поколений. Война представляется капиталистам также лучшим методом разредить безработицу и «избыточное» население.

Громадное нарастание опасности новых империалистических войн, в первую очередь новых военных авантюр против Советского Союза, является первым и важнейшим следствием развития мирового экономического кризиса.

Вторым важнейшим следствием кризиса для широких масс трудящихся является небывалый рост безработицы.

Третьим неминуемым следствием кризиса является резкий рост классовых противоречий и классовой борьбы.

Не останавливаясь на анализе этих следствий кризиса, формах его воздействия на разные слои рабочего класса и т. д., отметим лишь связь нарастания кризиса с возникновением революционной ситуации.

Ленин десятки раз подчеркивал в своих работах непосредственную связь революционного под'ема и революционной ситуации с воздействиями капиталистических кризисов.

Как раз потому, что капитализм вступил в период всеобщего кризиса, мы переживаем в настоящее время «эпоху войн и революций». И каждый новый провал, каждое новое углубление капиталистического кризиса, с одной стороны, приближают опасность новых империалистических войн, с другой — подымают на новый высший этап волну революционного движения, классовую борьбу пролетариата и борьбу против империализма трудящихся колоний.

Но возникновение революционной ситуации зависит не только от кризиса.

Ленин дал совершенно ясную и четкую характеристику революционной ситуации, о которой мы должны помнить и в настоящее время. Он писал следующее:

«Для марксиста не подлежит сомнению, что революция невозможна без революционной ситуации, причем не всякая революционная ситуация приводит к революции».

Несомненно, что с развитием кризиса в целом ряде стран мы будем иметь положение, когда в той или иной стране об'ективно создастся революционная ситуация. И тут основная задача состоит в том, чтобы вести такую подготовку, вести борьбу за большинство рабочего класса так, чтобы компартии, стоящие во главе революционного рабочего движения, этой ситуации не пропустили и в решающий период повели бы за собой массы. Мы должны помнить, что «безвыходных положений для капитализма не бывает», что «решает в этих вопросах лишь практика» революционных партий.

Когда т. Бухарин писал в «Экономике переходного периода», что «на базисе лопающихся старых капиталистических отношений невозможно никакое возрождение промышленности», Ленин подчеркивает слово «невозможно» и на полях пишет: «это зависит от того, насколько пролетариат сумеет на базисе лопающихся отношений... довести до того, чтобы они совсем лопнули».

Какое бы широкое развитие ни получил кризис, капитализм сделает все, чтобы восстановить свое пошатнувшееся здание, не останавливаясь перед миллионами новых жертв, хотя бы путем новых империалистических войн. Он сделает все, чтобы мобилизовать и сжать в один кулак все свои, все еще мощные силы. Его активность и напор как в области империалистической экспансии, так и в борьбе против пролетариата в «своей» стране, будут громадны.

На компартии и революционное профдвижение ложится в предстоящий период громадная ответственность перед рабочим классом.

Без величайшей активности, решительности, выдержки, ясности задач пролетарского авангарда, без правильного учета всех борющихся классовых сил рабочий класс не сможет выполнить своей роли могильщика капитализма, не сможет в период кризиса повести за собой широчайшие массы трудящихся.

В оценке задач компартий в период нарастания мирового экономического кризиса необходима борьба на два фронта. С одной стороны, решительная борьба против правого оппортунизма, против неумения и нежелания видеть нарастание кризиса и использовать его для революционного движения, против непонимания характера этого кризиса, непонимания того, что задачи компартий с развитием кризиса будут меняться не только количественно, не только вырастают в десятки раз, но меняются и качественно.

Кризис — это как бы проба для компартий. Энгельс как-то писал Марксу, что «если революционная партия пропускает решительные моменты, не произнося своего слова, тогда ее можно считать на некоторое время погибшей».

С развитием кризиса борьба с правыми получает новое содержание и новое значение. Основной удар должен быть против правых колебаний во время кризиса более, чем когда бы то ни было. С другой стороны, в оценке тактики во время кризиса необходима решительная борьба и против «левых» заскоков, против вызванного, может быть и весьма искренним, революционным нетерпением перескакивания через этапы, против словесной революционной фразеологии, против той «журнальной и газетной трескотни», которую так ненавидел Ленин и которая только мешает работе по завоеванию большинства рабочих масс.

Ленин писал в одной из своих последних статей:

«Для настоящего революционера самой большой опасностью, — может быть даже единственной опасностью, — является преувеличение революционности, забвение граней и условий уместного и успешного применения революционных приемов. Настоящие революционеры на этом больше всего ломали себе шею, когда начинали писать «революцию» с большой буквы, возводить «революцию» в нечто почти божественное, терять голову, терять способность самым хладнокровным и трезвым образом соображать, взвешивать, проверять — в какой момент, при каких обстоятельствах, в какой области действия надо уметь действовать по-революционному.

Настоящие революционеры погибнут... лишь в том случае, — но погибнут наверняка в том случае, — если потеряют трезвость и вздумают, будто «великая победоносная, мировая» революция обязательно все и всякие задачи при всяких обстоятельствах, во всех областях действия может и должна решать по-революционному.

Кто «вздумает» такую вещь, тот погиб, ибо он вздумал глупость в коренном вопросе, а во время ожесточенной войны (революция есть самая ожесточенная война) карой за глупость бывает поражение» [1]).

Одним из проявлений таких левых заскоков является недооценка значения и роли реформизма, роли социал-фашистов в период нарастания кризиса. Кризис, несомненно, размывает, сокращает социальную базу реформизма в пролетариате. Но реформизм силен не только этой своей социальной

[1]) Ленин. О значении золота теперь и после полной победы социализма.

базой, т.-е. не только союзом рабочей аристократии и буржуазии. Он силен, как это неоднократно подчеркивал Ленин, прежде всего, силой империализма, силой генеральных штабов, полицейских аппаратов и аппарата для производства общественного мнения буржуазии. И как раз во время кризиса империализм бросает на подмогу социал-фашизму все эти орудия. Он как бы выдвигает реформизм, чтобы под этим прикрытием провести перекладывание тяжести кризиса на широкие массы и этим путем попытаться выйти из кризиса, спасти основы капиталистического строя. Он напрягает все свои силы, сжимает их в один кулак и бросает на подмогу социал-фашизму, чтобы таким путем отвлечь внимание широких масс от революционной борьбы. Недооценивать это значение социал-фашизма во время кризиса, значило бы совершить глубочайшую ошибку.

Второй пример левых заскоков — это недооценка задачи завоевания большинства и подготовки рабочих масс.

Ленин писал в своих тезисах ко II конгрессу Коминтерна, в чем состоит эта подготовка: 1) глубже в массы, теснее связь с массами; 2) всесторонняя и самоотверженная поддержка компартией стихийного массового стачечного движения; 3) систематическое соединение легальной и нелегальной работы, легальной и нелегальной организаций.

Несмотря на изменение обстановки, эти положения Ленина целиком сохранили свою значимость и в настоящее время. Они означают, что компартии должны не перескакивать через этапы, не говорить преждевременно о борьбе за власть, но в то же время предвидеть, быть готовыми и подготовлять пролетариат к возможности в ряде стран, с развитием кризиса, неожиданно-крутых переломов политического положения и настроения масс.

События,— развитие капиталистических противоречий, развертывание кризиса — работают за нас. Но основное слабое звено, важнейшее «узкое место» это—подготовка пролетариата к борьбе, подготовка идеологическая, организационная упорная, настойчивая, повседневная работа по завоеванию большинства рабочего класса.

Казбек Бутаев.

О новом этапе нэпа*).

2. Окончилось ли уже соревнование „кто-кого"?

Соревнование между капитализмом и социализмом в нашей стране не есть просто «мирное», хозяйственное соревнование между этими укладами. Соревнование есть борьба, и ожесточенная борьба между этими укладами хозяйства и между классами.

Ленин говорил о соревновании «кто-кого», что «это есть отчаянная, бешеная, если не последняя, то близкая к тому, борьба не на жизнь, а на смерть между капитализмом и коммунизмом», что эта борьба «есть еще одна форма борьбы двух классов, враждебных друг другу», и что в наших условиях эта «борьба с капиталистическим обществом стала во сто раз более ожесточенной и опасной, потому что мы не всегда ясно видим, где против нас враг и кто наш друг». (Ленин, т. XVIII, ч. II, стр. 39, 40). Отсюда ясно, что борьба-соревнование «кто-кого» неизбежно должна происходить внутри страны до тех пор пока существуют в ней мелкобуржуазная стихия и существующий и возрождающийся на этой почве капитализм как общественно-экономические силы и пока существуют в ней враждебные пролетариату классы. Поэтому нелепым и оппортунистическим является тезис газеты «З. И.» об окончании соревнования «кто-кого» внутри страны в год великого перелома (1928/29 г.) (См. передовую газеты от 21/I—30 г.), отметившей этим начало нынешнего нового этапа. Такая оценка нового этапа и проблемы «кто-кого» не случайная. Тот же тезис «обоснованно» повторяет и т. Богушевский.

Так, в статье «О новом этапе» («З. И.», от 9/II—30 г.) он пишет:

> «В 1928 г. мы подошли к решающему моменту. Обусловленный экономической политикой пролетариата рост производительных сил поднял на значительную высоту оба сектора нашего хозяйства— и социалистический и частный, из которого рос капитализм. Соревнование двух сил — социализма и капитализма — дошло до своего апогея. Лицом к лицу стали действительно мощные силы, действительно гигантские соперники». Но вот настал год великого перелома, «когда капитализму нанесен был решающий удар тем, что его питательная среда перестала, вернее перестает, быть питательной средой для него, и когда благодаря этому судьба соревнования решилась в пользу социализма».

По этой теории получается, что до 1929 г. шли параллельно «гигантские соперники», готовясь сожрать друг друга. И вот в 1929 г. нанесен удар капитализму и он уже не существует, социализм торжествует, победа окончательная одержана, «соревнование кончилось». Дело таким образом представляется, что соревнование это — простое «мирное» хозяйственное соревнование между укладами без борьбы вообще и без классовой борьбы в особенности. Такое понимание соревнования является явно оппортунистическим. Соревнование есть борьба, а потому борьба с кулачеством до его полной ликвидации как класса и борьба за переделку мелко-товарного уклада должна входить в вопрос «кто-кого». А газета «З. И.» представляет себе

*) Окончание. Начало статьи см. в предыдущем номере.

дело так, что вопрос «кто-кого» уже окончательно решен и осталось «лишь довершить победу путем ликвидации кулачества как класса». Это означает, что борьба уже позади. Если борьба-соревнование кончилось, то выходит, что партия об'явила ликвидацию кулачества как класса не для того, чтобы его уничтожить, «сломить», как говорит тов. Сталин, в открытом бою сопротивление этого класса и лишить его производственных источников его существования и развития», а, победив кулачество, только декларирует его ликвидацию, провозглашает формальную, так сказать, ликвидацию, по существу же ставит себе задачу «реализовать плоды победы».

Отсюда ясно, что «З. И.», по сути дела, выбрасывает за борт из настоящего решающего периода борьбу, и именно классовую борьбу. Она выбрасывает из соревнования «кто-кого» его основной стержень — борьбу классов, следовательно, выхолащивает его оппортунистически.

Новый этап есть этап ликвидации капиталистического сектора в сельском хозяйстве на базе огромного размаха процесса сплошной коллективизации мелких и мельчайших крестьянских хозяйств, которая в свою очередь есть процесс борьбы за уничтожение мелкобуржуазной стихии, стихии мелко-товарного хозяйства, процесс выкорчевывания корней капитализма в нашей стране. Это есть этап последнего решительного и окончательного уничтожения корней капиталистической тенденции развития в нашей стране, остатков капитализма и базы существования капиталистических классов. Поэтому этот этап есть этап окончательного решения соревнования «кто-кого» в пользу социализма,—этап, который есть борьба, борьба за социализм и за уничтожение капитализма. Ясно поэтому, что соревнование-борьба не могло уже окончиться до начала настоящего нового этапа нэпа. Это не значит, что «кто-кого» не решался в той или иной степени в пользу социализма в предыдущий этап. Ежегодный относительный и абсолютный рост обобществленных форм хозяйства — начиная с первых годов нэпа до 1929 г. — представляет собою процесс решения вопроса «кто-кого» в пользу социализма. Но это решение происходило в условиях своеобразия страны, где рядом друг с другом уживались различные уклады хозяйства, растущие не в одинаковых темпах и не с одинаковым успехом. Стремительный рост социализма в нашей стране до начала нового этапа нэпа происходил поэтому в качественно иной хозяйственной обстановке, чем происходит теперь. В силу этого процесс решения «кто-кого» за предыдущий период не мог не быть качественно иным. Он происходил при политике ограничения и вытеснения кулацко-капиталистических элементов и при политике поддержки со стороны государства мелких индивидуальных бедняцко-середняцких хозяйств. Новый же этап нэпа характеризуется качественно иным соотношением хозяйственных укладов и более обостренной классовой борьбой. Это новое качество переходного хозяйства в теперешний этап определилось поворотом середняка в сторону колхозов. «Середняк пошел в колхоз» — вот та историческая грань, которая в основном определила поворотный пункт нового этапа нэпа. Она же поставила проблему соревнования на гребне начала своего последнего, решительного и окончательного завершения. Было бы поэтому совершенно неверным предполагать, что это соревнование уже окончилось до начала нового этапа или даже в самом начале его. Было бы вместе с тем совершенно неверным представлять дело таким образом, что до 1929 г. вопрос «кто-кого» не решался в пользу социализма и что за это время капитализм и социализм росли в нашей стране с одинаковым успехом на победу. Но вот явился год великого перелома и все решил в пользу социализма и решил окончательно. Так рассуждать о новом этапе — значит рассуждать

методом «коробок», «ящичков», метафизически, но не диалектически. Год великого перелома не мог явиться как «Deus ex machina». Он явился результатом огромных успехов и побед социализма в предыдущий период. Нельзя представлять себе дело таким образом, что период ограничения и вытеснения капитализма был настолько «платоническим» по отношению к последнему, что дал ему вырасти до степени мощного «гигантского соперника» социализму к 1929 г. И в то же время в результате решающей победы социализма в этом году капитализм и вообще все частное хозяйство превратились в жалкие «расщелины» на «сплошном социалистическом плато» в нашей стране. И это в результате той же политики «ограничения и вытеснения», ибо поворот к политике ликвидации кулачества как класса был совершен уже в результате победы 1928/29 г. Логика таких рассуждений ясна. Она ведет к тому выводу, что главное и решающее по отношению к капитализму мы совершили благодаря политике «ограничения». Политика же ликвидации есть «довершение победы» и «реализация ее плодов». Это рассуждение своими корнями уходит, с одной стороны — в «теорию самотека», в теорию автоматического «врастания в социализм», без борьбы вообще и без классовой борьбы в особенности, а с другой — в троцкизм. Печать оппортунистического эклектизма гордо красуется на челе этой теории и ее автора.

3. Новый этап—революционный процесс уничтожения противоречий советского хозяйства.

В условиях пятиукладного хозяйства с преобладающей силой мелко-крестьянского уклада и ведущим значением социалистического—советскую власть и социалистическое строительство в продолжении предыдущего этапа нэпа неизбежно приходилось «базировать... на двух разных основах — на основе самой крупной и об'единенной социалистической промышленности и на основе самого раздробленного и отсталого мелко-товарного крестьянского хозяйства» [1]). Это привело, во-первых, к тому, что мы к моменту исчерпания мелко-крестьянским хозяйством своих возможностей к дальнейшему развитию и под'ему производительных сил (окончание восстановительного периода в сельском хозяйстве) уже не могли без чрезвычайного напряжения сил и средств «двигать дальше ускоренным темпом нашу социализированную индустрию, имея такую с.-х. базу как мелко-крестьянское хозяйство, не способное на расширенное воспроизводство и представляющее к тому же преобладающую силу в нашем народном хозяйстве» [2]).

Во-вторых, это грозило тем, что наше народное хозяйство когда-либо должно было «кончиться полным развалом». (Сталин). Такой результат был бы неминуем, если бы партия пошла по пути, который указывали правые. Ставка на индивидуальное крестьянское хозяйство и, следовательно, и на кулацкое товарное хозяйство, которая (ставка) была квинт-эссенцией политической позиции правых в крестьянском вопросе при условии неспособности этого индивидуального крестьянского хозяйства к расширенному воспроизводству, означала бы не что иное как развал хозяйства в одной из основных его сфер. Это было бы, с другой стороны, продолжением политики базирования советской власти на двух разных основах при значительном отставании, а следовательно, ухудшении состояния второй — крестьянской — основы. Эта же ставка означала бы, с третьей стороны, неизбежное расширенное воспроизводство кулацко-капиталистического сектора в сельском хозяйстве, для которого мелко-крестьянское товарное хозяйство, — не способное на рас-

[1]) И. Сталин. «К вопросам аграрной политики в СССР», стр. 7.
[2]) И. Сталин. Там же.

ширенное воспроизводство, представляет благодарную почву, прочную основу и богатую питательную среду для его роста. Таким образом, ставка на индивидуальное хозяйство в этих условиях была по существу ставкой на капиталистический путь развития нашего сельского хозяйства, на капиталистическое крупное производство в нем.

В-третьих,—указанное выше положение неизбежно должно было вести к росту противоречий и диспропорций в хозяйстве, ибо ускоренный темп расширенного воспроизводства в социалистической промышленности не мог сопровождаться соответствующим воспроизводством в мелко-крестьянском сельском хозяйстве, что порождало значительную диспропорцию темпов развития обеих основных сфер народного хозяйства. *В-четвертых*, это привело к неизбежному росту капиталистических отношений в деревне, что, в свою очередь, должно было привести к еще большему усилению и обострению социально-экономических противоречий во всей системе хозяйства.

> «Поскольку мы еще не в силах *осуществить непосредственный переход от мелкого производства к социализму, постольку капитализм неизбежен в известной мере*»... (Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 222).

Где же был выход из этих противоречий, из этой угрозы «развала хозяйства», из этих разных основ социалистического строительства и советской власти и из того тупика, в котором вообще находится мелко-товарное крестьянское и патриархально-натуральное хозяйство? Выход этот не мог быть найден в ставке на теорию «самотека», на теорию автоматического «врастания» мелко-крестьянского хозяйства в социализм в условиях пролетарской диктатуры, в ставке на кооперирование *только* товарооборота. «*Только* падение капитала может поднять мужика, — говорит Маркс, — *только* антикапиталистическое, *пролетарское правительство может покончить с его экономической нищетой, с его общественной деградацией*»[1]). Выход, следовательно, заключался и заключается в том, чтобы пролетарское правительство *активным воздействием на мелко-крестьянское хозяйство* вывело бы его из «экономической нищеты и общественной деградации», в которой оно находилось при капитализме и в которую оно неизбежно попало бы при его капиталистическом пути развития. Выход был в том, чтобы на основе крупной социалистической промышленности активной напряженной борьбой за социалистическую индустриализацию и реконструкцию «*осуществить непосредственный переход от мелкого производства к социализму*». Выход в том, *чтобы укрупнить сельское хозяйство, сделать его способным к накоплению, к расширенному воспроизводству* и преобразовать «сельскохозяйственную базу народного хозяйства»[2]).

Разрешение указанных противоречий, таким образом, лежало и лежит *по пути социалистического укрупнения мелкого сельскохозяйственного производства*, перевода его на путь социалистического расширенного воспроизводства, «чтобы *наименее выгодное и наиболее отсталое мелкое обособленное крестьянское хозяйство постепенно об'единялось, сорганизовало бы общественное крупное земледельческое хозяйство*» (Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 189).

Наша социалистическая промышленность, развившаяся благодаря нэпу и на основе нэпа, стала уже способной реорганизовать земледелие. Произ-

[1]) К. Маркс. «Борьба классов во Франции», стр. 105.
[2]) И. Сталин. «К вопросам аграрной политики в СССР», стр. 7.

водственная и организационная помощь деревне со стороны пролетарского города, пролетарское социалистическое руководство крестьянством, появление трактора, комбайна и линий электропередач в деревне,—все это определило новый дальнейший путь развития мелко-крестьянского хозяйства, *путь коллективизации*, путь сплошного социалистического расширенного воспроизводства. Ростом коллективных форм производства в земледелии таким образом *разрешается противоречие между крупной социалистической формой производства в промышленности и индивидуальной мелкой частно-собственнической в земледелии*. Нэп, являясь формой движения противоречия между экономикой рабочего класса—социалистической—и экономикой мелкого крестьянства — частно-собственнической, — в то же время развитием своего содержания обеспечивает *разрешение указанного противоречия и тем самым и свое «снятие» как формы движения этого противоречия*.

Новый этап нэпа, который начался процессом массовой и сплошной коллективизации является поэтому *этапом ликвидации противоречий в хозяйстве и указанной выше «разной основы» советской власти в стране*. Переход этот означает ускоряющееся суженное воспроизводство мелкого частно-собственнического производства в стране, заменяемого крупным социалистическим, процесс революционного преобразования индивидуального карликового крестьянского хозяйства в социалистический колхоз-гигант, процесс пересадки с лошаденки и сохи на трактор и комбайн, процесс выкорчевывания корней капитализма и ликвидации капиталистического сектора в земледелии и кулачества как класса. Новый этап поэтому есть этап непосредственного уничтожения пятиукладного содержания советского хозяйства и сведение его в будущем по крайней мере к двум: социалистическому и госкапиталистическому, понимая под последним иностранные концессии, смешанные общества и т. д.

Непосредственный переход к социализму в настоящий этап совершается не от госкапитализма к социализму, который, по Ленину, представляет «один шаг», *а от мелкого производства к социализму*, который неизбежно должен сопровождаться ликвидацией капиталистических отношений в сельском хозяйстве и ликвидацией кулачества как класса. Поэтому совершенно неверным является утверждение о том, что содержание нового этапа есть превращение «государственного капитализма в социализм», как это проповедует т. Богушевский[1])

[1]) Тов. Богушевский в своей вышеуказанной статье приводит дважды следующую цитату из Ленина:

> «*Весь вопрос* — как теоретический, так и практический, — состоит в том, чтобы найти *правильные способы* того, как именно следует направить неизбежное (до известной степени и на известный срок) развитие капитализма в русло государственного капитализма, *какими условиями обставить это, как обеспечить превращение в недалеком будущем государственного капитализма в социализм*» (т. XVIII, ч. I, стр. 216—217).

И делает упор своей статьи, что « весь вопрос» заключается теперь — в период нового этапа, — в том, чтобы обеспечить это «превращение» госкапитализма в социализм.

Наивно понимая слова Ленина о том, что «капитализм есть благо по отношению к средневековью, по отношению к мелкому производству» (стр. 222); он утверждает:

> «*Новое, что характеризует нынешний период*, это то, что капитализм во всех решительно областях нашей экономики *катастрофически*, если можно так выразиться, *перестает быть благом*,

Процесс превращения госкапитализма в социализм, о котором говорит Ленин в брошюре «О продовольственном налоге», есть качественно совершенно *иной* процесс, чем процесс прямого непосредственного перехода от мелкого производства в земледелии к социализму на базе крупной социалистической промышленности. Последний предполагает *переделку* мелкого производства в крупное социалистическое и одновременную *ликвидацию* капитализма, существующего и растущего на почве этого мелкого производства. Превращение же госкапитализма в условиях пролетарской диктатуры в социализм означает *экспроприацию* классов капиталистов и национализацию их средств производства на базе уже существующего крупного производства как в социалистическом секторе, так и в госкапиталистическом.

> «Переход от концессий к социализму,— говорит Ленин,— есть *переход от одной формы крупного производства к другой форме крупного производства*. Переход от кооперации мелких хозяйчиков к социализму *есть переход от мелкого производства к крупному*, т. е. переход *более сложный*, но зато способный охватить, в случае успеха, *более широкие массы населения, способный вырвать более глубокие и более живучие корни старых, до-социалистических, даже до-капиталистических отношений*, наиболее упорных в смысле сопротивления всякой «новизне» (т. XVIII, ч. I, стр. 220).

Ясно отсюда, что эти два процесса качественно и социально-экономически не могут быть одинаковыми. Ясно далее, что новый этап не есть процесс «превращения госкапитализма в социализм» — переход от одной формы крупного производства к другой его форме, а есть непосредственный переход от мелкого производства к крупному социалистическому, вырывающий корни до-социалистических и даже до-капиталистических отношений.

Именно потому, что этот переход есть процесс переделки мелкого индивидуального крестьянского хозяйства в крупное социалистическое, через коллективизацию и ликвидацию кулачества как класса — именно поэтому этот переход есть одновременно процесс уничтожения *противоположности между городом и деревней*. Предыдущий этап нэпа не был и не мог быть еще этим непосредственным уничтожением этой противоположности, ибо он предполагал в своей основе существование указанной выше *разной* основы социалистического строительства. Но он был периодом подготовки социально-экономических и материальных предпосылок к этому уничтожению.

> «Противоположность между городом и деревней начинается вместе с переходом от варварства к цивилизации, от племенного быта к государственной жизни, от местности к нации и тянется через всю историю цивилизации до нашего времени»...

и во всех областях быстро становится *злом*. Именно сейчас мы можем констатировать тут резкий перелом. *Вот что нового, прежде всего, в нынешнем этапе*».

Все это свидетельствует о том, что т. Богушевский не понял, в какой связи и в каких конкретных исторических условиях и соотношениях классов Ленин говорил о том, что «весь вопрос — как практический, так и теоретический» состоит в том, чтобы найти правильные способы превращения госкапитализма в социализм. Как известно, он это говорил в начале 1918 года и в 1921 г.

Перенесение той установки, которая тогда была уяснена на предыдущий этап нэпа, свидетельствует о глубоком непонимании этапов экономической политики пролетарского государства и конкретных особенностей каждого данного этапа. Предполагать, далее, что капитализм был благом до настоящего этапа, а теперь «катастрофически перестает быть благом означает полное смешение понятий и отсутствие социально-экономического пролетарского критерия в оценке той или иной формы хозяйства.

> «В *городе* мы имеем перед собой факт *концентрации населения, орудий производства, капитала, наслаждений, потребностей*, между тем как в деревне мы наблюдаем *диаметрально противоположный факт изолированности и обособления. Противоположность между городом и деревней может существовать только в рамках частной собственности*»...

> «*Уничтожение противоречия между городом и деревней является одним из первых условий коллективности* (Gemeinschaft), условием, которое, в свою очередь, зависит от *массы материальных предпосылок* и которое, как всякий видит, сразу же не может быть осуществлено *одной только волей* (эти условия должны быть еще развиты)» [1]).

Мы имеем налицо в нынешнем этапе массовый и сплошной *процесс роста коллективности*, одним из первых условий и следствий которой является уничтожение противоречия между городом и деревней. Предпосылки к этому росту коллективности и ее основы были подготовлены всем ходом пролетарской революции и социалистического строительства в предыдущий период. Они имеются налицо, во-*первых*—в *общей* собственности на землю, ибо «*общая собственность на землю образует естественную основу коллективного производства и присвоения*» [2]). Во-*вторых*—в росте и в расширенном воспроизводстве социалистических производственных отношений как в деревне, так, в особенности, в городе,—росте который *обгонял и обгоняет* рост материальных производительных сил, являлся и является условием их дальнейшего ускоренного темпа развития. В-*третьих* — в экономической потребности коллективного труда, ставшей во весь рост к моменту окончания предыдущего этапа социалистического строительства, и в росте материальных условий, материальной базы. Ибо «для того, чтобы коллективный труд мог заместить именно в земледелии труд парцеллярный — форму частного присвоения — нужны две вещи: *экономическая потребность в таком превращении и материальные условия для его осуществления*» [3]).

Все эти условия и основы начала уничтожения противоположности между городом и деревней имеются уже налицо у нас. На их базе происходит гигантский рост коллективизации мелких, парцеллярных, разобщенных хозяйств в деревне. На их основе происходит огромный процесс обобществления средств производства в сельском хозяйстве, следовательно, процесс уничтожения частной формы собственности на них, являющийся основой уничтожения противоположности между городом и деревней.

4. Новый этап—революционный процесс уничтожения классов.

Непосредственный переход от мелкого производства к социализму как процесс переделки мелкого производства в крупное социалистическое и процесс уничтожения капиталистической формы производства в земледелии есть вместе с тем и *процесс уничтожения классов*. Этот первый процесс как процесс обобществления средств производтва есть изменение *места* людей в общественном производстве и *отношения их к средствам производства*. А эти два положения являются основным признаком различия между классами.

> «*Основной признак различия между классами—их место в общественном производстве*, а следовательно, их *отношение к средствам производства*». (Ленин, т. IV, стр. 175).

---

[1]) Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. I, стр. 234.
[2]) Архив Маркса и Энгельса, т. I, стр. 275.
[3]) Там же.

Первый период нэпа не был периодом непосредственного уничтожения классов в СССР. Но он был периодом подготовки этого уничтожения. Нэп был рассчитан на уничтожение классов в СССР, ибо нэп есть метод строительства социализма в условиях подавляющей силы мелкого крестьянского производства в стране, а «социализм есть уничтожение классов» (Ленин). Нэп был, с другой стороны, определенным соглашением рабочего класса с крестьянством, как с массой мелких индивидуальных производителей—соглашением, предполагающим руководство рабочего класса над крестьянством и линию политики на уничтожение классов. Нэп и в этом смысле имел свою диалектическую логику и свои противоречия. Он содержал в себе политику союза, соглашения рабочего класса с мелким крестьянством, как с мелким крестьянством, следовательно, такого союза, который считался с мелким крестьянством, как классом.

«Пока мы не восстановили крупной промышленности полностью, — говорил Ленин... мы это время должны дать такие формы отношений между рабочим классом и крестьянством, между этими двумя единственными классами, на основе которых мы должны строить нашу экономику, должны между этими классами создать такой союз, который удовлетворил бы обе стороны хозяйственно, такой союз, который считался бы с мелким крестьянином, как с мелким крестьянином пока мы не можем ему дать всех продуктов крупной промышленности» (т. XVIII, ч. I, стр. 291).

С другой стороны нэп допускал именно такой союз рабочего класса с крестьянством, который был рассчитан на поддержку диктатуры пролетариата, на руководство рабочего класса крестьянством и на уничтожение классов, в том числе и на переделку мелкого крестьянства как класса. Таким образом, нэп, являясь соглашением классов и формой движения классовых противоречий в СССР, был в то же время рассчитан на уничтожение классов.

Существование крестьянства в СССР как класса мелких товарных производителей, как «последнего капиталистического класса» определяло собою существование и рост третьего класса: капиталистов (кулачество и т. д.). Условия и форма союза рабочего класса и крестьянства в первый период нэпа, т.-е. условия и форма «служения делу социализма» на базе мелкого производства и отсталой промышленности, в то же время являлись и своей противоположностью: условием и формой роста капитализма и силы третьего класса. Основа этого покоилась на двойственной природе самого мелкотоварного производителя—середняка как труженика, с одной стороны, и как частного собственника и товаровладельца — с другой, и на наличии товарно-денежных отношений. Поэтому нэп, с одной стороны, являлся условием роста классовых противоречий в стране между рабочим классом и кулацко-капиталистическими элементами и одновременно условием сохранения противоречий между рабочим классом и мелким крестьянством, поскольку последнее как класс осталось классом мелких частных собственников. Но вместе с тем нэп, с другой стороны, был рассчитан на социалистическую переделку мелкотоварного частного производства, следовательно, на ликвидацию частно-собственнической формы производства в нашей стране как базы капитализма и существования различных классов, а следовательно, — классовых противоречий и классовой борьбы. Рост социалистической промышленности и неспособность мелкого индивидуального крестьянского хозяйства к расширенному воспроизводству — с одной стороны, абсолютный рост капитализма в деревне, рост классовых противоречий и обострение классовой борьбы — с другой, — подвели нас вплотную к закреплению союза между рабочим классом и крестьянством на базе производственной помощи деревне. Рыночная форма смычки между экономикой крестьянства и экономикой рабочего класса дополнилась формами производственной смычки, которые обеспечивали более прочный союз двух основных классов СССР. А эта форма союза обоих этих классов была базой переделки индивидуальных крестьянских хозяйств в коллективные крупные формы производства, а. следовательно, переделки классового лица мелкого крестьянства.

«...Соглашение с точки зрения рабочего класса лишь тогда является допустимым, правильным и принципиально возможным, когда оно поддерживает диктатуру рабочего класса и является одной из мер, направленных к уничтожению классов». (Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 257).

В этом соглашении, союзе обоих классов рабочий класс должен руководить крестьянством. Но «что это значит—руководить крестьянством? Это значит,—во-первых, вести линию на уничтожение классов, а не на мелкого производителя». (Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 270).

Вести же линию на уничтожение классов, а не на мелкого производителя, означает переделку мелких производителей в работников социалистического хозяйства, следовательно, уничтожение их особого классового лица с одновременной ликвидацией кулацко-капиталистического класса, существующего и растущего на базе наличия мелких товарных производителей как класса.

Нэп, таким образом, по линии классовых соотношений характеризуется, с одной стороны, сохранением классов и классовых противоречий, ростом и обострением последних и классовой борьбы в первый период, и, с другой стороны—переделкой мелких крестьянских производителей в тружеников социалистического хозяйства и ликвидацией кулачества как класса в условиях обостреннейшей классовой борьбы в период нового этапа. Этим путем нэп решает задачу уничтожения классов в СССР и завершает свой диалектический путь по линии классовых отношений.

Но что значит положение, что «новый этап есть процесс уничтожения классов», если известно, что «только коммунизм есть уничтожение классов».

«Мысли, речи и предположения об исчезновении классов до коммунизма, — говорит Ленин, — Маркс и Энгельс высмеивали беспощадно и говорили, что только коммунизм есть уничтожение классов» (т. XVIII, ч. I, стр. 156).

Полное уничтожение классов, полное уничтожение разницы и неравенства между людьми будет основательно и окончательно достигнуто при коммунизме. Переходный же период является периодом уничтожения классов в условиях упорного и жесточайшего сопротивления умирающих классов. «Не было еще в истории таких случаев, чтобы умирающие классы добровольно уходили со сцены» [1]).

«Уничтожение классов, — говорит Ленин, — дело долгой, трудной, упорной классовой борьбы, которая после свержения власти капитала, после разрушения буржуазного государства, после установления диктатуры пролетариата не исчезает..., а только меняет свои формы, становясь во многих отношениях еще ожесточеннее (т. XVI, стр. 227).

Обострение классовой борьбы — неизбежный спутник социалистического наступления. Не потому, что капиталистические классы у нас к началу нового этапа сделались сильнее, чем пролетариат, хотя абсолютно их сила выросла, а потому, что социалистическое наступление неизбежно вызы-

[1]) И. Сталин. «О правом уклоне в ВКП(б)», стр. 13.

вает усиление силы сопротивления буржуазных классов.

«На нашей революции, больше чем на всякой другой, подтвердился закон, что сила революции, сила натиска, энергия, решимость и торжество ее победы, усиливает вместе с тем силу сопротивления со стороны буржуазии». (Ленин, т. XVII, стр. 67).

При социализме классов как общественных сил уже не будет, но остатки классовых различий останутся, разница между людьми останется, следовательно, останется и неравенство между ними. Вот почему коммуниз[м] как высшая форма социализма есть полное уничтожение и классовой раз[ни]цы и какого бы то ни было неравенства между людьми вообще.

Переходный период есть период строительства социализма, сле[дова]тельно, он есть вместе с тем процесс уничтожения классов. Уже при с[амом] захвате власти пролетариат сделал решительный шаг к уничтожению [клас]сов.

«Пролетариат, свергнувший буржуазию, — говорит Ленин, — дел[ает] этим самый решительный шаг к уничтожению клас[сов]» (т. XVI, стр. 355).

Военный коммунизм был периодом непосредственного уничтож[ения] классов. Однако, в условиях разорения страны, разрушения и отстал[ости] крупной промышленности и преобладающей силы мелко-крестьянского [про]изводства методами военного коммунизма процесс уничтожения класс[ов не] мог быть завершен. Нэп и в этом случае был отступлением от политик[и не]посредственного уничтожения классов—отступлением, предполагавшим [на]ступление. Новый теперешний этап нэпа есть период наступления раб[очего] класса по линии уничтожения классов. Политика ограничения кулач[ества,] капиталистических элементов в предыдущий период нэпа вытекала, п[о сущности] дела, из политики помощи и под'ема мелких индивидуальных бед[няцко-]середняцких хозяйств и была составной частью этой последней. Полити[ка] под'ема бедняцко-середняцких хозяйств предполагала политику согла[шения] с классом мелкого крестьянства, обеспечивающей подготовку усло[вий и] предпосылок к переходу к политике переделки этого класса, а следова[тель]но, уничтожения его как класса мелких собственников и последнего кап[итали]листического класса. Непосредственный переход к социализму от мелк[ого] производства, является в то же время непосредственной борьбой за уничтожение классов в стране. Политика помощи и под'ема индивидуальных бедняцко-середняцких хозяйств замещается в теперешний период политикой их сплошной коллективизации, организации, помощи и под'ема колхозов. А из этой последней политики неизбежно вытекает политика уже не ограничения и вытеснения, а политика ликвидации кулачества как класса, являющаяся составной частью политики социалистической реконструкции деревни путем сплошной коллективизации целых районов, областей и т. д.

«Все знают, — говорил Ленин, — что марксизм стремится к уничтожению классов, но что это в сущности значит? Это значит — уничтожить разницу классов между рабочими и крестьянами». (Ленин, т. XVII, стр. 102).

«Крестьяне, мелкие хозяева и рабочие — это разные классы и разницу мы уничтожим тогда, когда уничтожим основу мелкого хозяйства и создадим новые основы гигантского крупного машинного хозяйства» (т. XVII, стр. 432).

Корень уничтожения классов в нашей стране, следовательно, находится в уничтожении общественной классовой разницы между рабочими и крестьянами. А это уничтожение возможно на основе перевода мелкого хозяйства в крупное машинное социалистическое хозяйство. Этот последний процесс происходит в колоссальных масштабах на наших глазах на необ'ятных равнинах СССР. Этот процесс есть непосредственный переход от мелкого производства к социализму, а раз так, то он есть вместе с тем процесс

уничто[же]ния классов: одних—мелких производителей—путем переделки в работников социалистического крупного хозяйства, а следовательно, уничтожения их как класса мелких частных собственников, других—кулаков—путем ликвидации как класса.

Таким образом, сохранение классов, классовое сотрудничество и клас[с]овая борьба в первый период нэпа заменяется в настоящем этапе уничтоже[ни]я классов путем непримиримой и отчаянной борьбы, а не «мирного вра[ста]ния» в социализм, как это предполагают правые. «Мелкий земледелец не [хоч]ет того, что хочет рабочий» (Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 138). Поэтому его [надо] переделать. А это значит, что его надо из частного мелкого собствен[ника] сделать общественным собственником и общественным работником. [П]еределка поэтому есть по существу процесс уничтожения класса мел[ких к]рестьян как частных собственников. И рабочий и мелкий крестьянин [явля]ются трудящимися, но трудящимися в разных условиях и на основе раз[ных и]мущественных отношений.

«Нет трудящихся вообще или работающих вообще, [а] есть либо владеющий средствами производства мелкий хозяйчик, [у] которого вся психология и все навыки жизни капиталистические— которые не могут быть другими — либо наемный рабочий. (Ленин).

Процесс перехода от мелкого производства к социализму через кол[лекти]визацию есть процесс уничтожения этих капиталистических навыков, [следов]ательно, процесс уничтожения «последнего капиталистического класса».

«Крестьянство и мелкий буржуа, — говорит Энгельс, — исчезающие классы, которые, если они искусственно хотят сохраниться, реак[ци]онны по отношению к пролетариату». (Архив Маркса и Энгельса, т. I, стр. 355).

[П]роцесс уничтожения этой реакционности крестьян есть процесс их [передел]ки, а следовательно, уничтожение разницы между пролетариатом и [крестья]нством. Этот процесс есть содержание нового этапа нэпа по линии [классо]вых соотношений и классовой борьбы—содержание, на базе которого [одно]временно происходит и должна происходить ликвидация кулачества как класса.

«Социализм есть уничтожение классов. Чтобы уничтожить классы, надо, во-первых, свергнуть помещиков и капиталистов. Эту часть задачи мы выполнили, но это только часть и при том не самая трудная. Чтобы уничтожить классы надо, во-вторых, уничтожить разницу между рабочим и крестьянином, сделать ВСЕХ РАБОТНИКАМИ. Этого нельзя сделать сразу. Это—задача несравненно более трудная и, в силу необходимости, длительная. Это — задача, которую нельзя решить свержением какого бы то ни было класса. Ее можно решить только организационной перестройкой всего общественного хозяйства, переходом от единичного обособленного мелкого товарного хозяйства к обобществленному крупному хозяйству... Ускорить этот переход можно только такой помощью крестьянину, которая бы давала ему возможность в громадных размерах улучшить всю земледельческую технику, преобразовать ее в корне». (Ленин, т. XVI, стр. 351—352).

Эту вторую часть задачи мы начали решать сейчас, в период нового этапа, и в этом смысле он есть революционный процесс уничтожения классов. Новый этап имеет своим содержанием именно процесс решения этой задачи. Ибо процесс перехода от мелкого обособленного хозяйства к крупному социалистическому есть вместе с тем процесс решения задачи уничтожения классов. Это не значит, что в колхозах уже нет классовой разницы и классовой борьбы. Но это значит, что колхоз в его артельной форме уже есть начало процесса уничтожения классовой разницы между рабочими и мелкими крестьянами, и что классовая борьба внутри колхоза и вне его по своему характеру и интенсивности качественно различна.

5. От товарооборота к социалистическому продуктообмену.

Многие думают, что сущность нэпа заключается именно в товарной форме связи между городом и деревней, что «сердце нэпа—это товарооборот» и только. Такое представление о нэпе является поверхностным, а потому неверным. Нэп должен был служить делу социализма в условиях многоукладных хозяйственных отношений и своеобразного соотношения классов в стране. Это — его главное и основное содержание, формой осуществления которого являлся нэповский товарообмен, имеющий двойственную природу. Нэп поэтому был единством этого содержания и этой формы. Видеть поэтому в нэпе только его форму—товарооборот—значит упускать из виду его основное содержание, не видеть главного в нэпе, значит оторвать форму осуществления содержания нэпа от самого содержания.

Однако, нельзя понять сущности нэпа без ясного представления об его форме—о товарообороте в условиях пролетарской диктатуры. Нэповский товарооборот—это не тот же товарооборот, который мы наблюдаем в условиях капитализма и даже не тот, который существует при простом товарном хозяйстве. Нэповский товарооборот включает в себя две стороны—сторону чисто-товарных отношений и товарного обмена и сторону—продуктообмена. Он в этом отношении есть некое «единство противоположностей» и имеет свои внутренние противоречия, свою диалектику. Во всяком товарном обмене мы имеем обмен одной качественно отличной потребительской стоимости на другую. Но в зависимости от способа производства этот обмен имеет разное значение и разное целевое назначение. Если способ производства является капиталистическим, то он основан на стоимости ради получения прибавочной стоимости и обмен разных товаров как потребительных стоимостей друг на друга при капитализме имеет целью увеличение стоимости, количественное возрастание ее. Товар в этом случае есть форма капитала и товарный обмен есть капиталистический обмен. Но если способ производства основан на потребительной стоимости и ради получения большей массы потребительных стоимостей для удовлетворения потребностей производителей,—то в этом случае обмен продуктов друг на друга есть продуктообмен. В полной мере такой обмен возможен в социалистическом обществе. В товарообмене же переходного периода мы имеем черты и свойства и того и другого рода обмена. В этом и заключается двойственная природа товарообмена переходного периода. С одной стороны, этот товарообмен включает в себя продуктообмен, ибо он есть обмен продуктов социалистической промышленности на продукты мелкого товарного крестьянского хозяйства.

> Наш товарообмен включает... «и продуктообмен, ибо государственный продукт—продукт социалистической фабрики, обмениваемый на крестьянское продовольствие не есть товар в политико-экономическом смысле, во всяком случае не только товар...» (Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 241—242).

С другой стороны это есть обмен товаров, а следовательно стоимостей.

> «Каков бы ни был способ производства, на основе которого производятся продукты, входящие в обращение как товары — будет ли это первобытное общинное хозяйство, или производство, основанное на рабском труде, или мелко-крестьянское и мелко-буржуазное, или капиталистическое производство,— это нисколько не изменяет их характера как товаров, и в качестве товаров они одинаково должны пройти процесс обмена и сопровождающие его изменения формы». (Маркс, «Капитал», т. III, ч. I, стр. 309).

Товарообмен переходного периода характерен именно этими двумя особенностями, вытекающими из особенностей самого экономического строя этого периода, заключающего в себе две тенденции развития—социалистическую и капиталистическую. Поэтому и сам товарообмен переходного периода заключает в себе две тенденции развития: социалистическую тенденцию в сторону развития и преобладания моментов продуктообмена и капиталистическую—в сторону развития товарообмена, товарных, а следовательно, и капиталистических отношений. Базой первой тенденции является социалистический сектор хозяйства. С интенсивным и экстенсивным развитием последнего, т.-е. с количественным и качественным ростом социалистического уклада в СССР—неизбежно должна расти и побеждать в товарообмене его социалистическая сторона—продуктообмен. Базой второй тенденции является мелко-товарное крестьянское хозяйство, существующий и возрождающийся на этой прочной базе частно-хозяйственный капитализм.

> «Раз предположить мелкого хозяина собственником на средства производства, то из обмена между ними обязательно вырастает капитал, а вместе с ним противоречия между капиталом и трудом» (Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 178).

Первая сторона нэповского товарообмена—это именно та его сторона, за победу которой борется пролетариат в союзе с крестьянином-тружеником. Вторая его сторона—это та сторона, за торжество которой борется кулак, нэпман и мелкобуржуазная стихия в стране, в том числе и крестьянин как товаровладелец, как собственник. Продуктообмен есть такая форма обмена при общественной и даже частной собственности на средства производства самих производителей, которая с неизбежностью не предполагает момента присвоения чужого труда, а следовательно, эксплоатацию одной группы этих производителей другой группой. Наоборот, обмен товаров сам по себе неизбежно предполагает даже при общественной собственности, не говоря уже об условиях частной собственности на средства производства, момент эксплоатации, момент присвоения чужого труда одними или одной группой производителей. При продуктообмене невозможно увеличение цены, ибо самой цены-то нет. Обмениваются потребительные стоимости на потребительные стоимости. Увеличение одной потребительной стоимости против другой невозможно без соответствующего увеличения эквивалента. Поэтому обмен продуктов тут всегда сохраняется в границах установленных общественной практикой натуральных эквивалентов. Обогащение одних за счет других невозможно без явного нарушения этих эквивалентов или без явного насильственного присвоения. При товарном же обмене пределы изменения цен в зависимости от спроса и предложения велики. При недостатке массы потребительных стоимостей или при несоответствии этой массы потребительных стоимостей общественной потребности в них и при недостатке сил и средств для поддерживания цен на определенном уровне—цены будут подниматься выше стоимости товаров, а следовательно, неизбежно присвоение чужого труда в разнице цены от стоимости или в разнице регулируемых и вольных цен. Если к этому прибавить, что в условиях огромного размаха строительства социализма потребности страны обгоняют производство, а следовательно, спрос выше предложения, то станет совершенно ясной необходимость планирования и регулирования цен, необходимости подчинения второй стороны товарообмена при нэпе,—а именно стороны обмена товаров—первой его стороне—моменту продуктообмена—так, чтобы ценовые отношения были подчиненными моментам продуктообмена и были средством для достижения правильного продуктообмена. Если же принять еще во внимание отсталость с.-х. производства и—как следствие этого—общий недостаток продуктов сельского хозяйства, то при товарных отношениях все владельцы товарных излишков в деревне будут неизбежно присваивать чужой труд в высоких ценах на свои товары. Это обстоятельство неизбежно ведет к усилению мелкобуржуазной стихии и капиталистических

элементов. Товарные отношения, как таковые, таким образом,—неизбежно укрепляют нэп с «правой» стороны, со стороны его товарного лица [1]). Но в то же время, поскольку эти товарные отношения являются товарными отношениями при диктатуре пролетариата, т.-е. отношениями нэповскими—они являются не просто свободными товарными отношениями. Они заключают в себе и другую противоположную сторону, которая базируется на обобществленном секторе — сторону планирования и регулирования, выражающую момент продуктообмена в самом товарообмене. Продуктообмен как правило отрицает стихийность обмена. Обмен товаров наоборот ее предполагает. В нэповском товарообмене оба эти момента соединены в некое единство противоположностей. Отсюда и две стороны нэповской торговли: свобода торговли в известных пределах и обеспечение регулирующей роли пролетарского государства на рынке. Отсюда же и двойственное содержание нэповского товарообмена: с одной стороны, отрицание и отсутствие моментов эксплоатации, с другой—наличие ее в самом факте товарообмена; с одной стороны, «ножницы» в пользу социалистического города по ценовым эквивалентам, с другой, те же «ножницы» в пользу мелкотоварной деревни по натуральным эквивалентам.

> Экономическая обстановка товарного хозяйства,— говорит Ленин — делает крестьянина (не всегда, но в громадном большинстве случаев) торгашом и спекулянтом» (Ленин, т. XVI, стр. 352).

Но в то же время этот же крестьянин является тружеником, производителем, трудящимся. И если этот крестьянин как товаропроизводитель и как продавец товаров продает по государственным твердым ценам свой товар рабочему государству, то этим он укрепляет рабочую диктатуру, помогает рабочему быстрее индустриализировать страну, скорее построить социализм и, следовательно, помогает в конечном счете самому себе быстрее выйти из условий нищеты и хищнической малопроизводительной траты своего труда в мелком индивидуальном хозяйстве. «Ножницы», которые при этом получаются по линии ценовых соотношений, идут в пользу рабочего, в пользу трудящихся в целом, в том числе и крестьянина как труженика. Но эти же «ножницы» одновременно идут в ущерб крестьянину как собственнику, как товаровладельцу, торгашу и спекулянту. Крестьянин, который продает свой продукт по твердым государственным ценам—«вот этот крестьянин есть крестьянин — трудящийся, полноправный товарищ социалиста-рабочего, надежный союзник его, родной брат в борьбе против ига капитала» (Ленин, т. XVI, стр. 353). Однако, эти же «ножницы», с третьей стороны, идут в пользу крестьянина как труженика и потребителя. Уровень производительности труда в социалистической промышленности и мелко-крестьянском сельском хозяйстве не одинаков. При этом положении одинаковые трудовые эквиваленты, одинаковые величины цен при обмене товаров промышленности и сельского хозяйства заключают качественно разные, но количественно не одинаковые массы потребительных стоимостей. Деревня получает относительно большие натуральные эквиваленты, чем город [2]). Следовательно, «ножницы» в пользу

[1]) «Не может быть никакого сомнения, что эта опасность срыва нэпа справа гораздо более реальна теперь. Не следует забывать, что мелкобуржуазная стихия работает в этом именно направлении, в направлении срыва нэпа справа». (И. Сталин «О правом уклоне в ВКП(б)», стр. 16). Это положение не исключает возможности срыва нэповского товарооборота «слева» при недостаточном укреплении базы второй стороны его — а именно продуктообмена. Явление этого порядка мы наблюдали в тех «левых» перегибах, которые имели место за последнее время в политике сплошной коллективизации.

[2]) См. статью Я. Шефтель в «Статистическом Обозрении» № 8 за 1928 год, где дается материал о натуральных меновых эквивалентах при обмене продуктов как товаров между городом и деревней.

города по ценовым эквивалентам заключают в себе «ножницы» в пользу деревни (трудящихся-крестьян) по натуральным эквивалентам.

Но если крестьянин-товаровладелец продает свой товар не по твердым государственным ценам, а по вольным, то в таком случае он в разнице между вольной ценой и государственной присваивает чужой труд и, следовательно, становится эксплоататором. (См. Ленин, т. XVI, стр.353).

При таком положении, которое есть развитие «правой» стороны нэповского товарооборота,—а именно свободы торговли—«ножницы» между городом и деревней по стоимостным эквивалентам идут в пользу товаровладельца в деревне и в ущерб рабочему социалистического города. Товаровладелец в этом случае присваивает часть труда городского рабочего как потребителя продуктов деревни, следовательно, первый является эксплоататором второго. Во-вторых, при таком положении при твердых ценах на продукты государственной промышленности в еще большей степени складывается раствор «ножниц» по натуральным эквивалентам в пользу товаровладельца из деревни. На одну и ту же массу потребительной стоимости промышленной продукции городской рабочий получает гораздо меньше потребительской стоимости сельскохозяйственной продукции. Таким образом, городской рабочий, рабочий социалистической промышленности оказывается в положении эксплоатируемого, и за его счет накопляет частный товарно-капиталистический сектор деревни.

Таков смысл «свободы торговли» при нэпе. Если видеть в нэпе только эту сторону—сторону свободного товарного обмена и не видеть другой его стороны, то неизбежно придешь к выводу, что всякое регулирование товарооборота при нэпе есть срыв нэпа и возврат к военному коммунизму. Так понимала нэп правая оппозиция. Поэтому для нее всякое регулирование товарных отношений в деревне было «чрезвычайной мерой», срывающей нэп. Поэтому она вопила по поводу контрактации как средства усиления второй стороны нэпа—момента продуктообмена,—плакала по поводу превращения крестьянина-торговца в «сдатчика» законтрактованного продукта в поставщика хлеба, хлопка, свеклы, льна для нужд государственной промышленности. Линия правых неизбежно привела бы к усилению «правой» стороны нэповского товарооборота, его стороны как «известной свободы торговли», а следовательно, к усилению накопления верхушечных слоев деревни и кулачества, к товарно-капиталистическому расширенному воспроизводству. Это было бы усиление условий для эксплоатации «голодного рабочего» в условиях отставания сельского хозяйства и общего недостатка продовольственных и сырьевых продуктов с.-х. происхождения. Иллюстрацию к этому положению дают цифры перераспределения народного дохода в 1928/29 г., когда благодаря отставанию зерновой отрасли, а следовательно, общему недостатку предложения хлеба на рынке—вольные цены были в 2—3 раза выше заготовительных и на этой базе доходы крестьян увеличились в реальном выражении на 5,8%, а городского пролетариата—на 3,3%. При чем произошло такое перераспределение народного дохода, благодаря которому около 400 млн. руб. попало в руки продавцов с.-х. товаров, сверх нормальных эквивалентов, главным образом, в руки кулачества.

Что же следует из всего сказанного для характеристики товарооборота на новом этапе?

Можно ли говорить сейчас, в начале нового этапа, о «начале конца нэпа» [1]) или о «сокращении об'ема нэпа»? [2]). Если нэп только «свобода торговли», то законно говорить о «начале конца нэпа» и даже о «сумерках», о «закате» его, как об этом весьма некстати и с головокружением от наших

[1]) В. Богушевский, указ. выше статья.

[2]) Н. Бухарин. «Великая реконструкция», «Правда», февраль 1930 г.

успехов заявляла совсем еще недавно газета «За Индустриализацию». Видеть в нэпе его «правую» торговую сторону—значит видеть только одну его сторону и не видеть другой его стороны, стороны—продуктообмена.

Нэповский товарооборот—единство этих двух противоположных элементов. Оба момента находят свое «урезанное» выражение в обмене товаров по твердым планируемым и регулируемым ценам. Обмен продуктов по контрактации и по договорам различных хозяйственных организаций не есть еще в полном смысле слова продуктообмен, но он также не является «классическим» обменом товаров. Однако, момент продуктообмена в этом обмене играет уже доминирующее значение. Новый этап по линии товарооборота поэтому имеет прежде всего своим содержанием процесс уничтожения моментов свободной торговли, свободной игры цен, спроса и предложения. И если в нэпе видеть только эту вторую сторону, нэповского товарооборота, то тогда законно говорить о «начале конца нэпа» или о «сокращении об'ема нэпа». Но ни тот, ни другой тезис не передают подлинного содержания того процесса, который мы имеем в новом этапе по линии товарооборота. Если нэповский товарооборот включает в себя момент продуктообмена, как об этом совершенно ясно говорил Ленин, то нельзя видеть в нэповском товарообороте только обмен товаров в подлинном смысле этого слова.

Мы имеем в новом этапе диалектический процесс изменения содержания нэповского товарооборота в сторону усиления и преобладания в нем моментов продуктообмена. Преобладание же обмена продуктов по твердым регулируемым ценам еще не уничтожает нэповского обмена товаров полностью, но качественно изменяет его таким образом, что подводит ближе к подлинному социалистическому продуктообмену. Вместе со сплошной коллективизацией и ликвидацией кулачества как класса уничтожается свободный рынок, известная свобода торговли и закрепляется планируемый «рынок», плановый обмен. Последний же есть начало и основа подлинного социалистического продуктообмена на новой базе социалистического крупного производства. Новый этап поэтому есть процесс превращения нэповского товарооборота в социалистический продуктообмен. Вместе с тем он есть процесс уничтожения тех возможностей эксплоатации, которые даются самым фактом существования рыночного товарообмена. Раз идет процесс ликвидации свободного обмена, то тем самым идет и ликвидация моментов стихийного установления ценовых эквивалентов. Эти последние устанавливаются в плановом порядке. Ликвидируется свободная игра цен, спроса и предложения, следовательно, и уничтожаются моменты эксплоатации, вытекающие из самого факта существования рыночных отношений известной свободы. Новый этап есть процесс уничтожения «ножниц» как по ценовым эквивалентам, так и по натуральным, возникающим на основе первых. В самом деле, рост коллективизации подымает производительность сельскохозяйственного труда на небывалую высоту и приближает ее,—если не перегоняет—к производительности промышленного труда. Одно это является базой уничтожения «ножниц» по ценовым эквивалентам между продуктами с. хозяйства и промышленности и вместе с тем и по натуральным эквивалентам, ибо «ножницы» по последним базируются на «ножницах» по ценовым эквивалентам.

Таким образом, новый этап нэпа по линии товарооборота *есть процесс уничтожения товарно-капиталистической формы обмена, следовательно, есть процесс превращения нэповского товарооборота в правильный социалистический продуктообмен.*

А. Винокуров.

Что же такое новый этап?

В настоящее время, в связи с высокими темпами коллективизации в деревне и постановкой на очередь дня ликвидации кулачества как класса, встал вопрос о судьбе нэпа. Стали раздаваться голоса о «добивании» нэпа, об «изживании нэпа» и т. п. «Головокружение от успехов», несомненно, сказалось и в этой области. Поэтому, вопрос о нэпе является весьма актуальным вопросом и здесь необходимо установить полную ясность.

В нашей партийной литературе этот вопрос неоднократно уже ставился и разрешался в том смысле, что еще рано петь отходную нэпу.

Тов. Сталин в своем ответе свердловцам писал:

> «Мы отбросим нэп к чорту, когда уже не будем нуждаться в допущении известной свободы торговли, когда такое допущение будет давать лишь минусные результаты, когда мы получим возможность наладить хозяйственные связи между городом и деревней через продуктообмен».

И далее:

> «Партия не давала указания распространить лозунг ликвидации кулачества как класса, на новую, городскую буржуазию... некоторые наши организации допускают ошибку, пытаясь «дополнить» лозунг ликвидации кулачества как класса, лозунгом ликвидации городской буржуазии» [1].

В «Правде» от 5/III с. г. в статье «О некоторых новых формах оппортунистических шатаний» мы читаем:

> «Нэп будет, несомненно, существовать до тех пор, пока в основном не будет решен не только вопрос сплошной коллективизации, но и до тех пор, пока не будет в основном решен вопрос о переходе от товарооборота к организованному продуктообмену».

Тов. Розенталь в статье «На новом этапе» («Большевик», 1930 г., № 5) также говорит:

> «Неверным ошибочным и политически вредным являются разговоры об «отмене» и «ликвидации» нэпа, о «смерти» нэпа и т. п (стр 84), и все эти определения и характеристики он называет «просто бессмысленными и бессодержательными» (стр 61).

Таким образом, эта сторона вопроса о наличии еще нэпа вполне ясна. Что касается другой стороны, о характере нового этапа и его отношении к нэпу, то здесь ясности мы не находим.

Тов. Розенталь в указанной статье пытается разрешить этот вопрос, но едва ли его разрешение можно назвать ясным и удовлетворительным.

У т. Розенталя получается следующая установка: с одной стороны, нэп еще не отмер, не отменен, не ликвидирован, с другой — мы вступили в «некий» новый этап, который не укладывается уже в рамки нэпа, который вышел из рамок нэпа, т.-е. мы вступили в «некий» новый период, отличный от нэпа.

[1]) «Правда», 10/II—1930 г.

Основная ошибка этой установки заключается в том, что она не диалектична, что она нэп, как единство противоположностей, механически рассекает на две части, перенося эти части в разные периоды.

Между тем нэп, как известно, имеет двойственную природу. Тов. Сталин дал следующую классическую формулу нэпа:

> «нэп есть особая политика пролетарского государства, рассчитанная на допущение капитализма, при наличии командных высот в руках пролетарского государства, рассчитанная на борьбу элементов капиталистических и социалистических, рассчитанная на возрастание роли социалистических элементов в ущерб элементам капиталистическим, рассчитанная на победу социалистических элементов над капиталистическими элементами, рассчитанная на уничтожение классов, на постройку фундамента социалистической экономики». (Сталин, «Вопросы ленинизма», изд. 6-е, стр. 341).

Тов. Розенталь берет только первый период нэпа и почему-то второй период, ведущий к «возрастанию социалистических элементов», к «победе социалистических элементов» и к «уничтожению классов» выносит за пределы нэпа в «некий новый этап».

Ленин сказал, что «Россия нэповская станет Россией социалистической». Таким образом Ленин представлял себе прямой переход нэпа в социализм, без «некоего» нового этапа. У тов. Розенталя получается, что новое в современной экономической политике не укладывается в рамки нэпа, т.-е. выходит из рамок нэпа. Но если оно выходит из рамок нэпа, то, стало быть, оно входит в рамки «чего-то другого». А это другое может быть или нечто промежуточное между нэпом и социализмом, или началом социализма. Но первое — неверно, а второе еще преждевременно и относится к «увлечениям».

Кроме ошибки в понимании нэпа, т. Розенталь неправильно характеризует новое в современной экономической политике, как перерастание в *непосредственное* социалистическое строительство, как переход от осады к штурму.

Тут опять получилось «головокружение на высоте».

Что такое *непосредственное* социалистическое строительство? Это — строительство *последовательно*-социалистического типа хозяйства. В промышленности мы давно имеем такое *непосредственно* социалистическое строительство, и т. Розенталь говорит не о нем. Речь у него идет о колхозном движении. Характерной чертой нового этапа переходного периода он считает стихийное массовое движение крестьянства к коллективным формам хозяйства и в этом он видит переход к периоду непосредственного социалистического строительства (стр. 79 и 80). Между тем, что такое *непосредственно* социалистическое строительство в деревне? Это — строительство последовательно-социалистического типа с. х. Это — совхозы и, с некоторыми оговорками, с.-х. коммуны. В последних, хотя и обобществлено и производство, и распределение, но средства производства и пр. принадлежат еще общественной организации, а не пролетарскому государству, а Ленин к предприятиям последовательно-социалистического типа относит такие, в которых «принадлежат государству и средства производства, и земля, на которой стоит предприятие, и все предприятие в целом». (т. XVIII, ч. 2-я, стр. 143).

Основное звено в коллективном секторе деревни есть с.-х. артель, которая, являясь социалистической формой с. х., не является еще *последовательно*-социалистической формой хозяйства. Поэтому, колхозы есть не *непосредственно* социалистическое строительство в деревне, а именно «посредствующие звенья», «переходные меры» к социализму. Ленин в докладе о деятельности ЦК РКП на XI с'езде партии (1922 г.) говорил, что нэп есть смычка с крестьянской экономикой (т. XVIII, ч. 2, стр. 26). Колхозы — тоже крестьянская экономика, и производственная смычка с ними есть тоже нэп. Таким образом, и в этом отношении нет никакого основания говорить, что новый этап «не укладывается в рамки нэпа».

Тов. Розенталь выдвигает для настоящего момента лозунг «от осады к штурму». Это выражение он берет у Ленина. Но что Ленин понимал под «штурмом», «лобовой атакой»? Он, как известно, понимал под этим прямой переход к социализму. В тезисах речи на с'езде политпросветов у Ленина записано о нэпе: «не прямо по-коммунистически», а «обходом и с подходом» (т. XX, ч. 2, стр. 473); а в своей речи на указанном с'езде он характеризовал военный коммунизм, который он называл «штурмом», как «непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению» (т. XVIII, ч. I, стр. 372). Ленин говорил:

> «Мы потерпели поражение в попытке «штурмовым» способом, т.-е. самым сокращенным, быстрым непосредственным перейти к социалистическим основам производства и распределения» и «мы должны были испробовать ряд мер для постепенного, осторожного перехода к экономическим преобразованиям» (там же, стр. 395).

Тов. Розенталь думает, что современный новый этап есть переход от осады к штурму. Если это понимать в ленинском смысле, то это обозначало бы, что в деревне мы совершаем «непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению». Анализ современного момента говорит, что это не так. В деревне, в форме колхозного движения, в форме сплошной коллективизации, происходит отнюдь не прямой, непосредственный переход к социалистическим формам производства и распределения. Не совхозы и даже не с.-х. коммуны являются решающим звеном, а с.-х. артель, которая является «посредствующим звеном», постепенной «переходной мерой» к социализму.

Ленин рекомендовал большую осторожность в переходных мерах, предупреждая от перескакиваний через исторически-необходимые ступени. Наша партия усиленно зовет к такой осторожности и предостерегает от забеганий вперед.

Лозунг «от осады к штурму» по сути является таким забеганием и особенно опасен теперь, когда, в сущности говоря, на местах подобный «штурм» кое-где был проделан.

Таким образом, на вопрос, что такое «новый этап», нужно сказать, что под ним нужно понимать тот отрезок нэпа, который, говоря словами т. Сталина, «рассчитан на возрастание роли социалистических элементов в ущерб капиталистическим, на победу социалистических элементов над капиталистическими, на уничтожение классов».

Количество переходит в качество. Это — закон диалектики. Поэтому, наступит момент в рамках нэпа, когда произойдет «перерыв постепенности», и тогда совершится прямой переход в первую фазу коммунизма, в социализм. Произойдет в общем масштабе ликвидация капиталистических элементов, кусочек которой, в отношении кулачества на почве сплошной коллективизации, происходит уже теперь.

Мыслить «некий новый этап» между нэпом и социализмом нет достаточных оснований.

Е. Манюрин.

Новый этап и некоторые его проблемы.

Споры, разгоревшиеся вокруг проблем, связанных с новым этапом нашего социалистического строительства, ограничиваются, главным образом, выяснением существа переживаемого этапа и определением его, так сказать, места под социалистическим солнцем. Бои идут преимущественно по линии установления того, является ли новый этап этапом нэпа или он выходит за рамки «новой» экономической политики, последний ли это этап переходного периода, или, скажем, предпоследний.

Стремительная практика социалистического строительства снова оставляет теорию позади и настоятельно требует от нас немедленного перехода к теоретической разработке отдельных проблем нового этапа. Мы не можем отказаться от задачи четкого теоретического выявления существа нового этапа в целом, но мы обязаны вплотную и немедленно заняться разработкой насущнейших проблем социалистического строительства, чтобы получить затем более богатую конкретную характеристику нового этапа и всей переходной экономики. При этом выяснение закономерностей развития на новом этапе в сущности дает нам возможность осознать закономерности переходного периода в целом, в их возникновении, развитии и уничтожении. Какого бы взгляда ни держаться по вопросу о сути нового этапа, все сходятся, сдается нам, на том, что этот этап есть решительный шаг по пути ликвидации переходного периода, по пути построения социалистического общества. Никто не сможет опровергнуть, что закономерности переходного периода на его новом этапе достигают своего высшего развития. Но познать закономерности переходной экономики на их высшей стадии значит тем самым познать эти закономерности в целом. Нам кажется даже, что задачей теоретической партийной мысли на данном этапе должно будет явиться заглянуть несколько дальше переходного периода. Потому что познать закономерности переходной экономики до конца, — значит познать хотя бы в общих чертах основные закономерности после-переходового периода. Только так, очевидно, следует ставить вопрос о разработке проблем переходной экономики на ее новом этапе, если мы хотим не отставать в вопросах теории от нашей революционной практики.

Само собой разумеется, что разработка всех сложнейших проблем нового этапа и переходной экономики в целом — мыслима только, как коллективная работа, и эта работа никому в отдельности не под силу. Мы себе и не ставим такой задачи. Мы хотим только, отдав некоторую дань вопросу о существе нового этапа, поставить на коллективное обсуждение некоторые проблемы, главным образом, связанные с проблемой темпа, которые либо выдвинуты новым этапом, либо существовали и раньше, но приобретают теперь новую характеристику.

Новый этап и нэп.

Раньше всего о месте нового этапа в переходном периоде. Вопрос о том, является ли новый этап этапом нэпа или выходит за пределы последнего, в свою очередь, упирается в проблему существа самого нэпа. Так и ставят вопрос все те, которые пытаются выяснить основное содержание нового этапа. Но после этой правильной постановки вопроса для выяснения сути нэпа в целом, берут одну какую-нибудь сторону его (отступление, наступление; посредственное или непосредственное социалистическое строительство; допущение капитализма как «блага», ликвидация его как «зла» и т. д.).

Такой подход рождает большую путаницу, приводя и тех и других к постановке вопроса о 2-х и даже более экономических политиках переходного периода[1]). У т. Розенталя[2]) получается «новая экономическая политика» и, как противопоставление, «новое в экономической политике», а у т. Богушевского[3]) и того хуже. Несмотря на категорическое будто бы заявление, что «переходный период целиком и без остатка покрывается нэпом», у него точно так же выходит, что новый этап есть нечто совершенно противоположное предыдущему периоду нэпа, «сердцем» которого были допущение капитализма как «блага» и товарооборот. При этом тов. Богушевский никак не может определить «дня рождения» нового этапа. То он относит его ко времени XV с'езда партии, то к периоду «чрезвычайных мер» 1928 года, то к тому моменту, «когда были разбиты правые».

Нам кажется, что всю эту путаницу легко устранить, если взять переходный период в целом и подойти к нему с точки зрения того социалистического общества, которое он (этот период) подготовляет. В самом деле:

основным производственным отношением социалистического общества явится, очевидно, отношение равных (вначале еще в «буржуазном» смысле этого слова[4]) производителей социалистической индустрии и сельского хозяйства;

основным производственным отношением переходного периода является отношение двух классов, из которых один, организованный в государство (диктатура пролетариата), опираясь на социалистические командные высоты, на основе смычки переделывает на социалистический лад экономику другого класса (основных масс крестьянства). В то же время этот организованный в государство пролетариат, вытесняет, а теперь, в меру осуществления сплошной коллективизации, ликвидирует некоторую капиталистическую (кулацкую) дробь, стремясь к уничтожению классов вообще.

Снято ли уже это производственное отношение переходного периода новым этапом? Очевидно, еще не снято. Создал ли уже сейчас новый

---

[1]) Не считая периода военного коммунизма.

[2]) См. «Большевик» № 5 за 1930 г.

[3]) См. «За Индустриализацию» от 9 и 11/II-1930 года.

[4]) Ср. Маркс «Критика готской программы». «Равное право мы здесь (при социализме *Е. М.*) действительно имеем, но это еще буржуазное право», которое, как и всякое право, предполагает неравенство» (цитир. по Ленину т. XIV, ч. II, стр. 372). Также Ленин «в первой фазе коммунистического общества (которую обычно зовут социализм) «буржуазное право» отменяется не вполне, а лишь отчасти, лишь в меру уже достигнутого экономического переворота, т.-е. лишь по отношению к средствам производства... но оно остается все же в другой своей части, остается в качестве регулятора (определителя) распределения продуктов и распределения труда между членами общества». Там же, стр. 374.

этап упомянутое выше производственное отношение социалистического общества? Очевидно, еще не создал.

Далее. Основная политическая формула взаимоотношения двух классов в переходном периоде это—«уметь достигать соглашения со средним крестьянином, ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедкоту» (Ленин). Снята ли эта формула новым этапом? Достаточно вспомнить, как нам и сейчас еще приходится расплачиваться за забвение необходимости применения этой формулы в совокупности всех трех ее частей некоторыми нашими не в меру ретивыми коллективизаторами, чтобы дать самый категорический отрицательный ответ на поставленный вопрос.

Но, скажут мне, позвольте! Вы смешиваете переходный период и нэп. Можно еще согласиться с тем, что эти формулы и производственные отношения действительны для всего переходного периода. Но надо ведь доказать еще, что и новая экономическая политика включает их в себя полностью. Другими словами, надо доказать, что нэп есть достаточный путь к осуществлению социалистических производственных отношений, что нэп заканчивает собой переходный период.

Чтобы не оставить никаких сомнений и по этому, в сущности, весьма ясному вопросу, нам придется привести всем известное определение нэпа, данное т. Сталиным:

«Нэп есть особая политика пролетарского государства, рассчитанная: 1) на допущение капитализма при наличии командных высот в руках пролетарского государства; 2) рассчитанная на борьбу элементов капиталистических и социалистических; 3) рассчитанная на возрастание роли социалистических элементов в ущерб элементам капиталистическим; рассчитанная на победу социалистических элементов над капиталистическими элементами; 5) рассчитанная на уничтожение классов; 6) на постройку фундамента социалистического общества» [1]).

Пусть товарищи, неудовлетворенные пониманием нэпа как «единственно-правильной политики пролетариата» в течение всего переходного периода и выводящие новый этап за пределы нэпа докажут, что эта особая наша политика сейчас снята. Я согласен даже на меньшее. Пусть эти товарищи покажут — какое из определений нэпа, совокупность которых составляет характеристику нэпа в целом (для удобства желающих это сделать товарищей — мы все определения даже перенумеровали) снимается полностью уже на новом этапе. Достаточно вдуматься в каждое из этих определений, чтобы убедиться, что все они — в отдельности и в своей совокупности сохраняются и теперь.

Вывод напрашивается сам собой:

новый этап есть этап «новой» экономической политики, являясь в то же время «переходным периодом в переходном периоде».

Основное содержание нового этапа.

Чем же все-таки отличается новый этап от предыдущих этапов нэпа? Почему это новый этап, знаменующий определенный перелом, а не просто продолжение старой политики. Общий ответ на этот вопрос дан уже всей установкой предыдущего раздела.

Главное отличие нового этапа заключается в том, что основное производственное отношение переходной экономики, не переросши еще в отношение бесклассового социалистического общества и сохранивши поэтому свое значение, получило уже, однако, другую, качественно отличную от предыдущих этапов нэпа, характеристику.

[1]) Нумерация всех пунктов наша.—*Е. М.*

Перелом, происшедший летом и осенью 1929 года и выразившийся в массовом движении середняка в колхозы, совершенно иначе ставит вопрос о взаимоотношении промышленности и сельского хозяйства, пролетариата и крестьянства, чем он ставился до сих пор. По-иному ставится вопрос о соглашении с середняком. Преобладающей формой смычки с сельским хозяйством становится не торговая связь с индивидуальным крестьянином через товарооборот, ни даже контрактация продукции индивидуального хозяйства, — а производственная связь на основе индустриализации и коллективизации, на основе коренной социалистической переделки крестьянского хозяйства. Это, конечно, ни в какой мере не означает возможности для нас пренебречь укреплением связи через товарооборот, ни тем более через контрактацию посевов и сельскохозяйственную продукцию вообще. Следует учесть, — и нам дорого обошлось то, что мы это не всегда учитывали, — что товарообмен остается еще как форма связи на первых порах и в районах сплошной коллективизации, не говоря уже о контрактации, которая является одной из основных форм перехода к социалистическому продуктообмену между госпромышленностью и колхозами. Но главной формой смычки на данном этапе являются уже производственные формы, по отношению к которым товарооборот является уже чем-то подсобным, а контрактация претерпевает определенное качественное изменение.

По-иному ставится вопрос о борьбе с кулаком — не ограничение и вытеснение его, а ликвидация кулачества как класса на основе сплошной коллективизации, как главный лозунг этапа.

Естественно, по-иному ставится вопрос и об опоре на бедняка. Мы, в сущности, несмотря на ряд соответствующих партийных постановлений, еще недостаточно осознали, насколько осложняется роль бедноты на новом этапе. Не снимая прежней роли батрачества и бедноты, как главного пособника рабочего класса в деле социалистической реконструкции села, новый этап главной задачей бедноты и батраков делает, наряду с ликвидацией кулачества как класса, помощь партии и пролетариату в деле социалистической переделки середняка внутри колхоза. Отсюда ясно, насколько усиливается теперь значение организации бедняцко-батрацких групп в колхозах и работы по укреплению этих групп.

Наконец, другую расстановку, другое значение получает каждое из составных частей в вышеприведенном сталинском определении нэпа. Ни одна из этих составных частей не снимается новым этапом. Но в меру усиления значения факторов, помеченных у нас нумерами 2, 3 и 4, центр тяжести передвинулся от 1-го момента («допущение капитализма при наличии командных высот в руках пролетарского государства»), включающего в себя все остальные части определения нэпа, на 5-й и 6-й (уничтожение классов, построение фундамента социалистического общества) еще не опровергшие целиком предыдущих моментов.

Но коренное изменение основного производственного отношения нэпа, подготовленное всей предыдущей политикой индустриализации и социалистической реконструкции народного хозяйства СССР, не может, как это достаточно подчеркнуто в постановлении ЦК ВКП(б) «О темпах коллективизации», не оказать в свою очередь огромного влияния на развитие всего нашего народного хзяйства.

Каково же это влияние и в чем оно проявляется? Мы попытаемся ответить на этот вопрос только в отношении двух проблем — о характере развития нашей промышленности и о темпах развития на новом этапе.

Характер нашей индустриализации на новом этапе.

Следует, прежде всего, констатировать, что в общую постановку вопроса об индустриализации СССР, как задачи превращения нашей страны из

аграрно-промышленной в промышленно-аграрную, как задачу развития в первую очередь производства средств производства, обеспечения нашей экономической самостоятельности от капитализма — изменений на данном этапе не вносится. Требования к нашей промышленности, связанные с проблемой сплошной коллективизации, не только не изменили характера развития этой промышленности, но наоборот, более четко выявили все значение социалистической индустриализации нашей страны. Несомненно, что коллективизация и на «мануфактурной» основе представляет, по сравнению с индивидуальным хозяйством, колоссальный шаг вперед в деле повышения производительности сельскохозяйственного труда. Несомненно, что отказ от проведения коллективизации по причине недостаточности машинно-тракторной базы — есть проявление одного из худших видов оппортунизма в вопросах социалистической реконструкции села. Но совершенно несомненно также, что нашей задачей является всемерно ускорить переход колхозов на рельсы крупной машинной индустрии, что «превосходство колхозов перед индивидуальным крестьянским хозяйством станет еще более бесспорным, когда на помощь первичным колхозам в районах сплошной коллективизации подойдут наши машинно-тракторные станции и колонны, когда сами колхозы получат возможность сосредоточить в своих руках тракторы и комбайны» [1]).

Поэтому в общей постановке проблемы индустриализации, как проблемы бо́льшего темпа развития нашей тяжелой индустрии, три отрасли значительно сильнее чем раньше выдвигаются на первый план. Это—энергетика (в особенности электрификация как основа развития производительных сил общества в их социалистической форме), машиностроение (общее и сельскохозяйственное) и основная химия (главным образом производство искусственных удобрений). Развитие нового этапа вплотную подводит нас к проблеме создания крупной целиком автоматизированной фабрики (промышленной и сельскохозяйственной) социалистического общества. Необходимость ускорения темпа развития упомянутых трех отраслей на современном этапе и сводится по существу к скорейшей механизации процессов производства во всем обобществленном народном хозяйстве (поскольку и развитие основной химии неразрывно связано с процессом индустриализации сельского хозяйства). И так как ускорение роста всех этих отраслей, как и народного хозяйства в целом, упирается у нас в недостаточное развитие собственного производства машин, станков, аппаратуры, турбогенераторов и т. д., то наиболее узким местом переживаемого этапа становится отставание в развитии нашего машиностроения.

К такому же выводу о значении развития трех основных отраслей и, в особенности, машиностроения, мы приходим и с точки зрения современного международного положения нашего Союза. Мы не можем здесь подробно останавливаться на этом вопросе, хотя он безусловно заслуживает детальной разработки в условиях нового этапа. Отметим только, что обострение классовой борьбы, происходящее не только внутри страны, но и между капиталистической и социалистической системами в целом, будет с развитием нового этапа усиливаться во-вне именно в меру того, как задача ликвидации кулачества как класса станет подходить к своему завершению.

Вот почему новый этап ставит перед нами задачу колоссального ускорения темпа развития нашего собственного машиностроения (беря эту задачу во всей развитой нами выше связи).

Мы можем проиллюстрировать наш вывод данными о фактических и предполагаемых темпах роста общего и с.-х. машиностроения за последние годы [2]).

---

[1]) И. Сталин. «К вопросам аграрной политики в СССР».

[2]) Данные взяты из: а) контрольных цифр народного хозяйства на 29/30 г. и б) постановления президиума ВСНХ о «контр. точках на 30/31 г.».

	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.
	(в млн. руб. по ценам 1926/27 г.)			
Общее машиностроение	591,3	792,5	1144,9	2200,0 [1])
В %% к предыд. году	134,7	134,0	144,5	192,1
С.-х. машиностроение	148,2	211,9	389,1	800 [2])
В %% к предыдущ. году	133,4	143	19[illegible],8	206,3

Почти стабильный (хорош этот «стабильный» темп роста, о котором и мечтать не может никакая капиталистическая страна) темп в первые два года реконструктивного периода и колоссальный скачок в 1928/29 г., доходящий до удвоения продукции за один 1930/31 г. Вот в какие сапоги-скороходы одевает наше машиностроение новый этап. И не рискуя впасть в, некоторым образом, «головокружение от успехов», мы считаем возможным выставить положение, что эти темпы, при всей их сказочности, не являются предельными. Ибо осуществление ближайшей плановой программы нашего советского машиностроения даст такой мощный толчок развитию нашей промышленности и всего народного хозяйства, что дальнейшее ускорение этих темпов явится вполне возможным и необходимым.

Новый этап и темпы нашего развития.

Отправляясь от вопроса о влиянии нового этапа на характер нашей политики индустриализации, мы пришли к общей постановке проблемы темпов нашего развития. Это вполне понятно. Проблема темпов развития нашего народного хозяйства в целом и отдельных его отраслей является внешним проявлением закономерностей расширенного социалистического воспроизводства переходной эпохи. В фокусе этой проблемы и на новом этапе сходится поэтому целый ряд вновь выдвинутых или получивших «новый облик» проблем переходной экономики.

Что же нового дает переживаемый нам этап в отношении темпов нашего развития?

Отметим, во-первых, появление нового, весьма существенного фактора ускорения нашего роста, не имевшего почти никакого значения ни для «восстановительного периода», ни даже для первых лет реконструктивного периода. В 1928/29 г., особенно в конце года, впервые имел место значительный для отдельных отраслей ввод в эксплоатацию новых предприятий. По итоговым данным, за год вступило в эксплоатацию 91 новых предприятий с годовой продукцией в 168 млн. рублей [3]). По данным ЦСУ СССР, приводимым т. Золотаревым [4]), доля продукции вновь выстроенных предприятий по цензовой промышленности достигла к январю 1930 г. 14 с лишним процентов, а за 5 месяцев текущего хозяйственного года вступило в эксплоатацию (по неполным данным) новых работ на 111 млн. р., в том числе новых заводов на сумму 35,4 млн. р.

Это только первые ласточки, первая кладка нового технического фундамента социалистического общества, совпадающая с началом нового этапа. Но эти первые ласточки из тех, которые делают весну. Вспомним, что особо значительное увеличение доли новой продукции произойдет только к концу 1929/30 г. Вспомним, что после окончания Турксиба к маю этого года, с июня начнут входить в строй такие гиганты социалистической индустрии, как Сталинградский тракторный завод,

---

[1]) По данным А. Золотарева «За Индустриализацию» от 4/V-30 г. 2.600 млн. р., рост на 227,1%. Подчеркнуто мною.—Е. М.

[2]) По данным А. Золотарева, «За Индустриализацию» от 4/V-30 г.—829 млн. р., рост на 223,4%. Подчеркнуто мною.—Е. М.

[3]) Контр. цифры Госплана СССР на 1929/30 г., стр. 25. См. также «Выполнение плана первого года пятилетки», под ред. Мендельсона, стр. 8.

[4]) «За Индустриализацию», 4/V-30 г., «2-й и 3-й год пятилетки».

Керченский — металлургический, Ростовский — Сельмаш и т. д. и т. п. Учтем, наконец, что в 1930/31 году доля продукции вновь выстроенных и капитально реконструированных предприятий станет преобладающей.

Все огромное влияние этого нового фактора на темпы нашего строительства — трудно переоценить. Преимущества советской хозяйственной системы, планирование и регулирование народного хозяйства, творческий энтузиазм рабочего класса, дали нам возможность достигнуть таких темпов развития, которые приводили — приводят и сейчас — в изумление и трепет все капиталистические страны во главе с САСШ. Но, в сущности говоря, стесненные рамками довоенных предприятий, стесненные наличием и подавляющим преобладанием индивидуального крестьянского мелко-товарного уклада, наше плановое хозяйство не могло еще полностью выявить свою творческую мощь, дать 100%-ю эффективность своих мероприятий. Эта стесненность не отпала еще и сейчас. Полностью все преимущества обобществленного планового хозяйства — развернутся только в социалистическом обществе. Но условия на новом этапе все же меняются. Мы сумели показать изумительные, невиданные темпы на наших старых, только подлечивших свои раны предприятиях, когда наш крестьянин сидел (и то не всегда) на дрянной клячонке, когда мы находились в слишком неравных с передовыми капиталистическими странами условиях. Что же скажет этот капиталистический мир теперь, когда мы начинаем (только лишь начинаем, но уже начинаем) вести состязание в условиях предприятий, стоящих на уровне этих стран по технике, но превосходящих этот уровень по своей социалистической организации, когда мы начали (уже начали) пересаживать крестьянина на трактор.

Начало этого этапа является вместе с тем началом наших первых значительных успехов по пути освоения передовой техники, началом уже воочию совершающегося превращения нашего Союза в передовую индустриальную страну, строящую социализм.

И это сулит нам такие масштабы в отношении темпов нашего развития, что через пару-другую лет мы действительно сумеем уже посмотреть, «какие из стран можно будет определить в отсталые и какие в передовые», — нас или «почтенных капиталистов, кичащихся своей цивилизацией» (Сталин).

* * *

С вопросом о темпах соприкасаются и некоторые стороны другого вопроса, проблемы того нового, что имеется сейчас в рабочем классе [1]).

В актив нашей партии мы к XVI с'езду с гордостью можем записать тот несомненный факт, что пятилетка вошла в плоть и кровь, стала собственным делом всего рабочего класса нашей страны. И, может быть, именно это обстоятельство — то, что подавляющее большинство пролетариев СССР считает выполнение пятилетнего плана в целом, делом каждого из них в отдельности, — привнесло некоторые новые черты в отношении рабочего класса к социалистическому строительству. Начало социалистического соревнования и ударничества относится еще к первым годам реконструктивного периода (для наших темпов слово «еще» по отношению к периоду, насчитывающему «уже» двухгодичную давность, не должно казаться странным). Новый этап, однако, поднимает социалистическое соревнование и ударничество на высшую ступень ударных цехов и заводов. Сразу может показаться, что тут ничего особо нового нет. Это значит, что не все еще осознали, — а осознать это необходимо,

[1]) Подчеркнуто, что мы берем эту проблему не целиком, а некоторые ее стороны.— *Е. М.*

чтобы уяснить себе вытекающие отсюда для нас задачи, — что по сути, представляет собой ударный цех или завод, если конечно он ударный не только по названию, а и на деле. В таком цеху или заводе начинает фактически уничтожаться различие между администраторами и выполнителями, между ответственными и техническими работниками [1]).

Ответственность каждого ударника за порученную ему работу всемерно повышается, но это происходит именно потому, что он осознает себя, вместе с бригадиром, мастером и т. д. вплоть до директора ответственным за работу всего предприятия. С другой стороны, этот новый тип ответственности всех за всю работу чувствует и заведующий цехом, мастер и т. п. ударного предприятия. Вот почему мы за последний год имеем такое развитие на базе ударничества различного вида коммунок с несколько опережающей события уравнительной дележкой всего заработка. Мы выше отметили, что все это имеет место лишь, когда завод или цех действительно являются ударными. Но новый этап, как раз, и характеризуется в отношении социалистического соревнования тем, что звание ударника начинает становиться таким званием, которое нельзя просто себе присвоить, а за которое надо бороться, которое достается только как определенный результат определенных практических достижений.

Мы здесь вплотную подходим к осуществлению того, что писал Владимир Ильич о коммунах в 1919 г.:

> «Было бы очень полезно слово «коммуна» изгнать из ходячего употребления, запретить хватать это слово первому встречному, или признавать это наименование лишь (подчеркнуто Лениным) за действительными коммунами, которые действительно показали на практике (и единодушным признанием всего окрестного населения подтвердили) способность, уменье поставить дело коммунистически» [2]).

Мы наблюдаем по всему Союзу волну проверки соответствия ударных предприятий и каждого отдельного ударника своему званию и настойчивых требований лишить ударников этого звания, если он своих задач не выполняет. Нам довелось 2-го мая этого года слушать нечто, вроде «признания окрестным населением» — радиомитинг ударников 4-х городов (Москвы, Ленинграда, Харькова, Нижнего-Новгорода), на котором все успехи и причины неудачи этих городов подвергались обсуждению «с пристрастием». Мы знаем о соревновании ряда предприятий Украины и Урала на звание ударных и т. д.

Этих примеров можно бы привести еще очень много, но нам хотелось бы отметить в связи с затронутым вопросом еще один новый, чрезвычайно важный момент. Осознание своей ответственности за работу всего предприятия в конце-концов приводит неминуемо рабочего к пониманию всего значения связи этого предприятия с целым рядом комбинирующихся с ним (обслуживающих его) предприятий — по линии сырья, топлива и т. д. Работа ударного предприятия зависит не только от него самого, но и от работы обслуживающих его заводов, фабрик и учреждений. От борьбы за улучшение работы своего предприятия рабочий приходит к необходимости борьбы за повышение качества работы всех связанных с ним предприятий и учреждений, к четкому уразумению большинством рабочих значения взаимопомощи всего рабочего класса в общей борьбе за построение фундамента социалистического общества. Мы видим поэтому, как на ряду с развитием социалистического соревнования растет и крепнет среди рабочего класса сознание совершенно реальной, почти материально ощутимой

[1]) Излишне, может быть, отмечать, что написанное следует понимать, как проявившуюся тенденцию, которую новый этап и призван воплотить в жизнь.— *Е. М.*

[2]) Ленин, Собр. соч., т. XVI, стр. 259.

классовой солидарности, взаимосвязанности класса организованного в государство, класса, строящего социализм.

Вместе с тем, взаимопроверка результатов работы каждого предприятия является ферментом, более плотно скрепляющим на новых основах смычку рабочего класса с коллективизирующимся крестьянством. Выезд рабочих бригад целого ряда предприятий для проверки выпущенных ими тракторов, сел.-хоз. машин и орудий, для ремонта сельскохозяйственного инвентаря и т. д.,—значительно укрепляет влияние рабочего класса на социалистическое развитие села.

Все это есть то новое, мимо чего нельзя пройти особенно профсоюзам, что необходимо учесть при перестройке всех видов—организационной, культурной, экономически-бытовой, профсоюзной работы.

К проблеме темпов все сказанное имеет непосредственное отношение. Четкое осознание того факта, что твоя работа нужна всей стране, что ты не просто работаешь, а строишь социализм, что за твоими успехами или неудачами, особенно на ведущих новопостроенных или строящихся предприятиях, следит буквально весь Союз, да и не только наш Союз,—все это создает совершенно небывалый под'ем в работе, совершенно новое отношение к выполнению своего задания. Поэтому конец 1928/29 г. и начало 1929/30 г., уже дарят нас первыми, но все умножающимися примерами успехов в опережении даже американских темпов стройки,—на Турксибе, Днепрострое, Тракторострое, темпы сева в наших новых совхозах и т. д. Вот почему лозунг выполнения пятилетки в 4 года, недавно казавшийся красивой фантазией, теперь сделался—об этом ярко свидетельствуют первомайские демонстрации—отправным вариантом рабочего класса СССР за построение социализма.

Чувство диференцированной ответственности отдельного рабочего за порученное ему дело, помноженное на чувство солидарной ответственности каждого за все дело социалистической стройки, как члена социалистического коллектива,—является на новом этапе добавочной производительной силой, новым могучим фактором ускорения темпов нашего развития.

В порядке самой общей постановки вопроса мы затронем еще в связи с проблемой темпа одну из наименее разработанных с экономической стороны проблем — проблему личного потребления на новом этапе.

Следует сказать, что это одна из немногих областей, где, к сожалению, теория отстает наравне с практикой. Между тем, вопросы соотношения накопления и потребления, определяющие темпы нашего развития, являются одной из основ социалистического строительства, тем оселком, на котором неоднократно ломали себе голову и правые и левые наши уклонисты и загибщики.

Следует ли сейчас увеличить накопление за счет потребления или, наоборот, — вот, грубо говоря, то поле, на котором разыгрывались жестокие бои и с «аграризаторами» и с «сверхиндустриализаторами», и с правыми и с «левыми» — за генеральную линию партии, проводившуюся на основе оптимального сочетания обоих моментов. Нам кажется, что на данном этапе в проблему соотношения накопления и потребления вносится совершенно новый оттенок. Мы подходим к такому периоду, когда станет возможным значительное увеличение накопления при таком же, может быть, значительном повышении темпа (а не за счет понижения) роста потребления. Мы очень много говорим сейчас об организации общественного питания, фабрик-кухонь, фабрик-прачечных, крупных пошивочных и починочных мастерских. Но мы, в сущности, очень мало сделали для разработки и широкой популяризации на практике результатов правильно проведенной

социалистической [1]) организации личного потребления. Между тем, помимо колоссального значения процессов обобществления быта для фактического освобождения женщины [2]), для воспитания нового социалистического человека, мы хотим в плоскости проблемы темпа обратить внимание на то малоучитываемое обстоятельство, что обобществленное потребление дает новые (гораздо более значительные, чем это можно было бы предполагать) ресурсы для повышенного удовлетворения человеческих потребностей.

Взять хотя бы тот факт, что общественная организация потребления дает огромную экономию в расходовании сырья, вспомогательных материалов и орудий производства фабрикатов личного потребления (вплоть до примусов, утюгов и пр. принадлежностей домашнего хозяйства и быта). Уже это одно при неизменном и даже несколько уменьшенном (теоретически рассуждая) количестве средств, идущих на потребление, может значительно повысить количественную долю потребления на душу. С другой стороны, создается возможность большого качественного улучшения продуктов потребления, в смысле разнообразия выбора, гигиеничности и т. д., и т. п.

Все это звучит еще, к сожалению, «музыкой будущего», но оно должно стать музыкой самого ближайшего будущего.

Оглядываясь на пройденный нами путь в целях об'яснения (не всегда могущего и здесь служить оправданием) причин нашего отставания в разработке и практическом осуществлении затронутой проблемы, мы можем указать на недостаточность до самого последнего времени производственных предпосылок такого обобществления быта.

Но новый этап как раз именно и является тем самым этапом, в процессе развития которого дозревают технические, экономические, и психологические предпосылки к ускорению процесса обобществления быта. Вся производственная обстановка нового этапа, ставшая перед нами конкретно задача строительства социалистических—пром- и агрогородов,—делают разрешение этой проблемы, в числе прочих, неотложным.

Потребительская кооперация должна в первую очередь поставить себе задачей провести все дело обслуживания потребления населения на рельсы крупной индустрии.

Новый этап должен разрешить задачу наступления развернутым фронтом на старый индивидуалистический быт, задачу коренной, массовой переделки организации личного потребления на социалистических основах. Осуществление этой переделки явится еще одним фактором ускорения темпов нашего роста.

Мы коснулись здесь лишь одного-двух вопросов переходной экономики в связи с новым этапом и то скорее в виде заметок, в порядке общей постановки этих проблем. Мы не затронули целого ряда самых животрепещущих экономических проблем переживаемого периода, — вопросов организации крупного коллективного хозяйства, качественных показателей, методологии планирования, вопросов распределения и обращения на новом этапе, не говоря уже о таких проблемах, как изменение форм классовой борьбы, вопросов кадров, вопросов культурного строительства, строительства социалистических городов и т. д. Как уже было сказано, мы не ставили себе задачей «об'ять необ'ятное».

Даже детальная разработка поставленных нами вопросов не может быть, конечно, исчерпана рамками одной статьи. Надеясь еще к ним вернуться, и ставя эти вопросы на коллективное обсуждение, мы хотели бы в заключение отметить еще только два общих момента.

[1]) С поправкой на условия переходного периода.—*Е. М.*
[2]) Ср. Ленин, т. XVI, стр. 256—257.

Является ли новый этап последним этапом нэпа? Ответить на этот вопрос мы можем еще пока приблизительно с той же степенью точности, с какой вообще составляются наши перспективные планы,—правильно в основном, ошибки в деталях. Но, думается нам,—и вся установка нашей статьи как-будто это доказывает,—что, если отвлечься от «переходных периодов» в самом этом этапе, новый этап, безусловно подготовляет уже тот момент, когда мы сможем нэп, следовательно, и весь переходный период «отбросить к чорту». Именно это обстоятельство заставляет нас удвоить нашу энергию по разработке и скорейшему осознанию до конца закономерностей нового этапа.

И еще второй момент.

Ц. О. нашей партии, редакция «Большевика», Коммунистическая академия в свое время обратились к экономистам-коммунистам с призывом переключиться на разработку проблем нашей экономики и империализма. Нельзя сказать, чтобы этот призыв не возымел своего воздействия. Интерес к теоретической разработке всех насущных проблем переживаемой нами эпохи значительно повысился в последнее время. Но в организацию этой разработки не внесено еще той необходимой плановости, которой это дело заслуживает. Наша стремительная, все переворачивающая, все изменяющая в корне прекрасная эпоха, на ее новом этапе пред'являет свои категорические требования в отношении темпов и на теоретическом фронте. Хотя бы Коммунистической академии следовало продумать, как организовать нашу работу по-ударному, по тому же принципу диференцированной ответственности каждого и согласованной работы всего коллектива, организовать нашу работу так, чтобы мы сумели ускорить построение того социалистического здания, очертания которого проступают уже все яснее.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

„Америка завоевывает Британию" *).

(L. Denny. «America conquers Britain», Нью-Йорк, 1930 г.).

Книга американского журналиста Людвелла Денни («Америка завоевывает Британию») прозвучала резким диссонансом в хоре англо-американской капиталистической прессы, не перестающей за последнее время изо дня в день утверждать о наступлении эры глубокой дружбы между Соединенными Штатами и Англией. Закончившаяся морская конференция, которая в основном оправдала надежды, возлагавшиеся на нее Соединенными Штатами, как известно, явилась лишь одним из этапов обостряющейся борьбы между Англией и Америкой. Большинство капиталистической печати стремилось, однако, как во время работы конференции, так и по ее окончании, представить эту конференцию как доказательство отсутствия противоречий между Англией и Соединенными Штатами, как доказательство желания обеих стран прекратить надолго соперничество в области вооружений. Эту легенду о дружбе между Англией и Соединенными Штатами беспощадно разбивает Денни. Книга, как указывалось уже у нас, дает яркий анализ все усиливающихся противоречий между Соединенными Штатами и Англией.

Денни не впервые выступает по вопросам англо-американского соперничества. В вышедшей несколько лет назад прекрасной работе, озаглавленной: «Мы боремся за нефть», Денни показал, как развивается соперничество между Англией и Соединенными Штатами в области мировой нефтяной промышленности. В новой своей книге он уже значительно шире разворачивает картину англо-американской борьбы, дает ее в разрезе всех форм соперничества.

Нужно отметить, что Денни не является безответственным журналистом. Имеются определенные сведения, что при составлении его работ ему были открыты архивы государственного департамента Соединенных Штатов. Выход в настоящее время книги, на которой лежит печать государственного департамента Соединенных Штатов, весьма знаменателен. Эта книга должна показать Англии, что Соединенные Штаты вполне сознают свое господство и что Англии, если она хочет избежать конфликта, не остается ничего другого, как подчиниться требованиям Соединенных Штатов. Как известно, на конференции по морскому разоружению Соединенным Штатам удалось добиться «бескровно» своих требований: полного равенства с английским флотом. Это содержание лондонской конференции было с самого начала ясно, но, как обычно, все эти империалистические задачи были окутаны туманом пацифистской философии. Денни срывает маску с этого лживого лица англо-американской дружбы и показывает действительную картину англо-американских отношений. Английская печать поэтому постаралась замолчать эту книгу и она фактически осталась неизвестной английскому читателю.

Нужно, однако, подчеркнуть, что и сам Денни, беспощадно разоблачая распространяемый теперь обман «о невозможности войны между Англией и Соединенными Штатами» и раскрывая шаг за шагом факты все обостряющихся противоречий между Америкой и Англией, сам иногда становится жертвой пацифистских иллюзий.

Целью его разоблачений, по его мнению, является помочь делу мира между Англией и Соединенными Штатами, так как, по мнению Денни, самым опасным

*) Русский перевод, ГИЗ, Москва, 1930 г., стр. 440. 3 р. 50 коп.

является то, что народы не отдают себе отчета в возможной близости новой войны. «Лучший путь избежать военных столкновений,—пишет Денни, — это сказать правду для того, чтобы оба народа могли бы идти вперед с открытыми глазами».

Но сила книги не в теоретической установке автора, не в его отдельных рассуждениях, а в блестящем анализе глубочайших противоречий между Англией и Соединенными Штатами, основанном на самых последних данных.

Автор начинает весьма эффектно.

> «Война немыслима», так сказал английский премьер-министр Асквит в 1914 г. Спустя несколько дней Англия находилась в состоянии войны с Германией.
>
> «Война между Америкой и Англией немыслима», говорят нам сейчас. В том же уверяют нас английский премьер-министр Макдональд и американский президент Гувер, хотя прежде, когда им не приходилось говорить официальным языком, они высказывались менее оптимистически» (стр. 1).

Это противопоставление уже само по себе весьма знаменательно. Автор затем прямо ставит все точки над «и». «Война между Америкой и Англией более вероятна, чем война между Америкой и другой какой-либо державой». Таковы предварительные замечания автора к его дальнейшему анализу.

Но прежде чем обосновать свой тезис на фактах экономической действительности Денни мимоходом, шутя разбивает те, весьма популярные в англо-американской печати, доводы, что война между этими странами невозможна, поскольку народы этих стран, связанные между собой узами родства и общностью языка, никогда не допустят такой войны.

Автор на основе опыта последней империалистической войны подчеркивает, что «создать миф о священной войне является одной из самых легких задач для правительства накануне открытия враждебных действий». Он затем указывает, как быстро самая безответственная ложь пускается в дело и как быстро она достигает цели в деле обработки общественного мнения. Он указывает, что к моменту вступления Соединенных Штатов в войну с Германией в 1917 г. американское общественное мнение было настолько обработано, что любые выдумки относительно «германских зверств и ужасов» принимались всерьез.

Нам, однако, не приходится даже обращаться за примерами к эпохе империалистической войны. Разве бешеная антисоветская кампания, поднятая совсем недавно мировой капиталистической печатью, не являлась подготовкой общественного мнения к наступлению на СССР? Разве эта кампания не вытащила на свет все те аксессуары «зверств и ужасов», которые пускались в ход всеми участниками капиталистических войн, начиная чуть ли не с XVI столетия? Все это усугубляется ненавистью к единственному рабочему государству. «Распятые священники, пригвожденные к полу дети, привязанные к хвостам лошадей несчастные жертвы» и т. д. и т. д. — все это снова, как это делалось неоднократно раньше, было вытащено на капиталистический свет.

В ближайшую войну эти рассказы об «ужасах и зверствах» будут применены для обработки народных масс Англии и Соединенных Штатов.

Предусмотрительный Денни даже намечает уже те факты, которые могут быть использованы американцами для возбуждения «народного негодования» против Англии: здесь и применение рабского труда детей в Гонконге, и принудительный труд туземцев в Африке, и политика угнетения в Индии и Египте и т. д., и т. д. (стр. 12).

Поэтому Денни не придает никакого значения тем выражениям дружбы, которые раздаются теперь, как в англо-американской печати, так и из уст английских и американских государственных деятелей.

> «Причины экономических конфликтов и войн, замечает Денни, слишком серьезные и сложны, чтобы судить о них по незначительным колебаниям общественного мнения в ту или иную сторону, в зависимости от того, куда подует ветер официальной пропаганды» (стр. 17).

Автор затем и переходит к анализу причин англо-американских противоречий.

Проблема англо-американского соперничества неоднократно освещалась как в иностранной, так и в нашей литературе. Достоинство книги Денни, как мы уже указывали, в том, что ему удалось собрать чрезвычайно богатый материал и установить соперничество в тех областях, на которые не обращалось раньше достаточного внимания.

Как это принято, Денни рассматривает англо-американское соперничество в разрезе борьбы за рынки сбыта, за сферы приложения капитала и за источники сырья. Но вместе с тем он добавляет еще к этому анализ соперничества за морские и воздушные пути сообщения и за средства связи.

История борьбы Англии и Соединенных Штатов за рынки сбыта после войны — общеизвестна. Борьба особенно обострилась за последние годы, когда для капиталистических стран чрезвычайно актуальным стал вопрос о внешних рынках. Денни подробно останавливается на тех мероприятиях, которые принимаются правительствами Соединенных Штатов и Англии для завоевания новых рынков. В этом отношении характерна, например, поездка Гувера сейчас же после его избрания на пост президента в Южную Америку и последовавшая за этим поездка одного из талантливейших английских дипломатов д'Абернона с торговой миссией в ту же Южную Америку.

Мы не останавливаемся на огромном фактическом материале, который приводится Денни относительно роли Соединенных Штатов и Англии на различных иностранных рынках. Основные тенденции ярко характеризуются следующими несколькими цифрами относительно доли участия Англии и Соединенных Штатов в импорте Южной Америки. В то время как доля Англии уменьшилась с 25% в 1913 г. до 16% в 1927 г., доля Соединенных Штатов за тот же промежуток времени увеличилась с 24% до 38%.

Самым интересным в этом разделе книги является часть, посвященная анализу борьбы за р ы н к и с б ы т а в британских доминионах и колониях. Книга была написана еще в самом начале того движения в Англии, которое получило название борьбы за «имперскую свободу торговли». Как известно, кампания, начатая в Англии под этим лозунгом лордом Бивербруком, чуть не повела к расколу консервативной партии. Последнего удалось избегнуть тем, что официальные руководители консервативной партии приняли условия «оппозиции» в лице лорда Бивербрука. Консервативная партия в Англии в настоящее время вернулась к программе, которая защищалась 30 лет тому назад Дж. Чемберленом (отец Остина Чемберлена) и которая сводится к необходимости создать из Британской империи в таможенном отношении единое целое, огражденное от остального мира высокой таможеной стеной. Осуществление такой программы дало бы английской промышленности возможность беспошлинного ввоза своих изделий в доминионы и колонии и в то же время значительно затруднило бы проникновение в британские владения английским конкурентам, в первую очередь—Соединенным Штатам. Денни интересуют эти новейшие тенденции британского империализма с точки зрения их влияния на англо-американские противоречия. Хотя, как мы уже указывали, Денни еще не могли быть известны последние факты из истории движения за «имперскую свободу торговли», он настолько хорошо знаком с новейшими политическими и экономическими положениями Англии, что правильно предсказывает:

> «Консервативная партия основным лозунгом на следующих выборах сделает систему предпочтения и экономического об'единения империи».

Как она определилась теперь, новейшая программа крупнейшей буржуазной партии Англии, является ярким отражением загнивающего английского монополистического капитализма. Вся система покровительственных пошлин и предпочтения направлена будет к тому, чтобы создать для английского капитализма возможность

получения монополистических сверхприбылей без необходимости произвести техническую реорганизацию промышленности. В то же время осуществление этих планов означало бы дальнейшее катастрофическое ухудшение положения рабочего класса в Англии. С предоставлением права беспошлинного ввоза английских промышленных товаров в доминионы и колонии связывается предположение о предоставлении английским доминионам и колониям преимуществ в отношении ввоза сырья и предметов продовольствия в Англию с тем, что на иностранное сырье и предметы продовольствия вводятся ввозные пошлины. Это, конечно, приведет к общему повышению цен на импортные предметы продовольствия. Значение же импортного продовольствия для Англии видно из последних данных, опубликованных английским министерством земледелия. По этим данным 66% всего потребляемого в Англии продовольствия импортируется из-за границы, и только 44% производится на внутреннем рынке.

Денни правильно считает, что попытки осуществления этой программы натолкнутся в первую очередь на сопротивление со стороны английских доминионов. Нужно отметить, что уже в настоящее время Англии предоставляются значительные предпочтения на рынках доминионов и колоний: эти предпочтения весьма обременительны для народного хозяйства последних. Можно, например, отметить, что ежегодные потери Австралии на скидках, предоставляемых Англии, составляют 50 млн. долл. (стр. 98).

В то же время автор приводит ряд примеров, показывающих, что благодаря этой системе скидок с таможенных пошлин, предоставляемых Англии, промышленность доминионов и колоний не может развиваться, так как не в состоянии конкурировать с более дешевыми английскими товарами. Поэтому, по мнению автора, доминионы никогда не допустят предоставления Англии еще больших преимуществ в отношении сбыта английских товаров. Автор издевается над теми аргументами, которые выставляются защитниками «имперской свободы торговли» о тех, якобы, преимуществах, которые получают доминионы от Англии взамен предоставления последней предпочтений. Все эти преимущества, как, например, получения на более выгодных условиях займов, охрана английским флотом доминионов и т. д., по мнению автора, не дают никаких выгод последним. Автор категорически утверждает:

> «Ходячий аргумент—флот и некоторые другие преимущества вознаграждают, мол, доминионы за потери, которые несет им противоестественная система «имперского предпочтения»,—этот аргумент, таким образом, несостоятелен». (стр. 111).

Последние события показывают, что новейшая политика доминионов и колоний идет совершенно вразрез с программой британского империализма. Индия недавно повысила пошлины на хлопчато-бумажные изделия, несмотря на резкие протесты ланкаширской промышленности. Австралия ввела не только более высокий покровительственный тариф, но приняла даже систему запрещений ввоза ряда товаров и жесткого контингентирования других. Эти мероприятия наносят огромный удар перспективам английского ввоза в Австралию и были встречены неслыханным озлоблением со стороны английской печати.

Но делать из этого выводы, как это подчеркивает автор, что английские господствующие классы должны будут отказаться от своей идеи создания более тесных экономических связей со своими доминионами и колониями, было бы неправильным и преждевременным. Именно, усиливающаяся конкуренция, с которой английская промышленность встречается на рынках доминионов и будет заставлять английский капитализм стремиться к тому, чтобы разрушить в первую очередь местную промышленность путем создания более льготных условий для проникновения английских промышленных изделий.

Если, таким образом, новая программа английского империализма сулит обострение внутриимперских противоречий, то первые же шаги по ее осуществлению поведут к еще большему усилению противоречий между Соединенными Штатами и Англией. Хотя автор утешает себя мыслью, что осуществление этой программы невозможно, он должен все же признать, что она чревата весьма опасными последствиями, ибо

> «в мире нет места для двух таких мировых экономических монополий, как предполагаемый Британский Союз и Соединенные Штаты... Подобный имперский экономический Союз,—таким образом, не только лучший, но и, пожалуй, единственный сейчас путь к спасению британской экономической мощи; но путь этот в то же время ведет к обострению англо-американской вражды». (стр. 98—99).

Как затем указывает автор, фактически для Соединенных Штатов все большее значение приобретают рынки английских доминионов и колоний, в которых Соединенные Штаты постепенно вытесняют Англию. Достаточно привести лишь несколько общеизвестных цифр. С 1913 г. по 1927 г. роль Англии в импорте Канады уменьшилась с 21,3% до 16,8%, доля же Соединенных Штатов увеличилась с 64% до 64,9%. Для импорта Австралии за соответствующий промежуток времени цифры для Англии составляли 51,8% и 43,4%, для Соединенных Штатов—13,7% и 24,6%. Для импорта Новой Зеландии цифры для Англии были 59,7% и 47,9%, а для Соединенных Штатов—9,5% и 18,0%. Для Южной Африки цифры для Англии были 50,1% и 42,8%, для Соединенных Штатов 8,8% и 15,3% (стр. 113).

Что говорят эти цифры? Они говорят о том, что несмотря на все те преимущества, которые дают Англии политическое господство в доминионах и колониях, американский империализм настолько усилился, что он побивает английский империализм в его собственных колониях. Вопреки мнению автора, это ухудшение положения Англии, как поставщика товаров в колонии и доминионы, является как раз одним из основных стимулов для проведения в жизнь новой программы.

В одном прав автор: новейшая программа английских консерваторов неизбежно поведет к дальнейшему усилению противоречий как внутри Британской империи между отдельными ее частями, так и между Англией и другими империалистическими государствами, в первую очередь с Соединенными Штатами.

Интерес работы Денни в том, что в ней впервые все эти противоречия, возникающие в связи с новой программой британского империализма, получают свое полное освещение.

Автор переходит затем к освещению борьбы за экспорт капиталов.

Эта проблема достаточно подробно и неоднократно освещалась в экономической литературе, и автор дает сравнительно мало нового в этом отношении. Интересны лишь некоторые его замечания. Так, автор подчеркивает, что теперь, когда Англия постепенно теряет свое влияние в самоуправляющихся доминионах, она все большее внимание обращает на Африку. Действительно, мы знаем, что африканские колонии начинают играть все большую роль в системе получения колониальных сверхприбылей английским империализмом. И автор должен подчеркнуть, что

> «для населения африканских тропиков английские и американские «вложения» обозначают потерю земли и личной свободы, замаскированное рабство в той или иной форме, принудительный труд того или иного рода» (стр. 150).

Другим характерным замечанием автора является указание на все усиливающееся сращивание между финансовым капиталом и государственным аппаратом Англии и Соединенных Штатов. Он пишет:

> «господствующий класс в Англии полностью идентифицируется с группами, которые руководят эспортом капитала, как это было в свое время с земельными интересами».

Он перечисляет затем имена десятков крупнейших английских политических деятелей, которые состояли или состоят одновременно участниками важнейших финансовых и коммерческих предприятий. Небезызвестный лорд Биркенхед,—министр по делам Индии в последнем консервативном кабинете, теперь является членом правления имперского Химического треста, а также других финан-

совых компаний, лорд Ридинг, бывший вице-король Индии, является директором многочисленных крупнейших финансовых и промышленных компаний и т. д., и т. д. Особенно интересно отметить, что после падения консервативного правительства, в 1929 г. большинство его членов, как Чемберлен, военный министр Вортингтон, Эвенс и т. д., сразу же получили крупные должности в различных акционерных компаниях (стр. 154). То же самое имеет место и в Соединенных Штатах «сращивание между членами правительства и крупными предприятиями, еще более характерно для Соединенных Штатов, чем для Англии»,—пишет автор.

Таким образом, господство финансовой «олигархии» характерное вообще для империализма распустилось особенно пышно в послевоенные годы.

Основной же вывод автора сводится к тому, что на рынках капиталов борьба между Соединенными Штатами и Англией все больше обостряется, при чем, перевес в этой борьбе постепенно переходит на сторону Соединенных Штатов.

Значительное место автор уделяет борьбе за **источники сырья**. Он приводит известное утверждение бывшего председателя германского рейхсбанка Шахта о том, что

> «борьба за сырые материалы играет ныне самую важную роль в мировой политике—роль еще большую, чем до войны» (стр. 176).

Автор показывает затем, как несмотря на огромное преимущество, которое имеют Соединенные Штаты, по сравнению с Англией в области обладания важнейшими источниками сырья, Англия сумела захватить контроль над сырьевыми источниками во всех углах земного шара. Автор приводит данные работы американского министерства торговли, изданной в 1929 г., в которой подчеркивается, что Соединенные Штаты и Англия вместе контролируют производство и добычу 28 важнейших видов металлов и сырья, при этом на долю Англии приходится 21 вид сырья, а на долю Соединенных Штатов только 7. Поэтому, Соединенные Штаты в отношении многих видов сырья находятся в зависимости от Англии.

Это создает предпосылки для острой борьбы между Англией и Соединенными Штатами за обладание сырьевыми источниками.

Правда, исходя из фактов последнего времени, когда мировая сырьевая промышленность испытывает острейший кризис сбыта, казалось бы, что погоня за новыми источниками сырья или борьба за перераспределение старых должна была ослабеть. Однако, это не так. Несмотря на перепроизводство сырья, в настоящее время для империалистических государств, обладание собственными источниками сырья чрезвычайно важно, особенно, в отношении обеспечения дешевым сырьем, так и на случай военных столкновений, когда от наличия запасов того или иного сырья в значительной степени зависит благоприятный исход военных столкновений. В то же время империалисты рассчитывают, что кризис сбыта сырья сменится в случае нового промышленного под'ема недостатком в сырье и, следовательно, необходимо заранее обеспечить себя сырьевыми источниками. Поэтому автор вполне прав, когда пишет:

> «если и теперь, в период общего перепроизводства, международная борьба за сырье достигает большой напряженности, то по мере истощения запасов, борьба эта, очевидно, будет все больше и больше обостряться» (стр. 186).

Мы не будем останавливаться на описании борьбы за различные виды сырья. Автор сравнительно много места уделяет борьбе за **каучук**. Как известно, в свое время политика Англии в области ограничения производства каучука особенно раздражала Соединенные Штаты и заставила последние принять ряд мероприятий, которые в конце-концов сломили британскую каучуковую монополию. Интересен факт, приводимый автором о том, как американские фабриканты автомобильных шин, подняв огромный шум по поводу повышения англичанами цен на каучук, сами пользуясь этим обстоятельством, значительно повысили цены на готовые изделия, заработав добавочных 500 млн. долл. в год (стр. 206).

Но особенно большое внимание автор уделяет **нефтяной борьбе** между Англией и Соединенными Штатами. Нефтяная проблема занимает вообще почти четверть всей книги. В основном этот раздел повторяет содержание прежней работы автора «Мы боремся за нефть». Автор лишь кое-где приводит более новые данные, не успевшие найти свое отражение в его первой книге.

В свете недавних решений германского суда относительно подделывателей советских червонцев, характерно заявление автора об участии агентов Детердинга в финансировании деятельности этих подделывателей червонцев (стр. 295).

Уже в вышерассмотренных разделах мы находим значительнейший материал об англо-американском соперничестве. Автор, однако, не ограничивается этим, а приводит еще, как мы указывали выше, данные относительно борьбы между Англией и Соединенными Штатами **в области воздушных и морских путей сообщения и в области связи**.

Он указывает на огромное значение, которое получает **авиация** в современном мировом хозяйстве за последние годы. Констатируя рост авиации, он подчеркивает преимущества в этом отношении Соединенных Штатов перед Англией. В 1928 г. воздушные линии Соединенных Штатов составляли 17 тысяч миль, а воздушные линии Англии—2,3 тысячи миль. Число коммерческих аэропланов составляет у Англии—350, а у Соединенных Штатов—6.320. Развитие коммерческой авиации сделало в Соед. Штатах колоссальные успехи лишь за самые последние годы. В 1929 г. произошло об'единение большого числа американских аэропланных компаний, в результате чего в области воздушных сообщений образовались мощные монополистические тресты. В последнее время получает значение вопрос об организации воздушных сообщений на цеппелинах. Невинный с первого взгляда прошлогодний кругосветный полет цеппелина имел своей целью исследование вопроса о возможности применения цеппелинов для организации правильных воздушных рейсов. Соединенные Штаты опираются в борьбе с Англией в области воздухоплавания на германский опыт. Полет Эккнера финансировался американцами. В самое же последнее время (см. «Таймс», от 26 марта 1930 г.) американцы создали специальное общество, в котором приняли участие наиболее крупные нью-йоркские банки и промышленные компании, которое должно взять на себя организацию воздушных линий на цеппелинах.

Борьба за воздушные пути, эти великие пути будущего, начинает разгораться между Англией и Соединенными Штатами.

Но не менее острой является борьба между американскими и английскими **судоходными компаниями**. И здесь Соединенные Штаты пользуются германским коммерческим флотом, который чрезвычайно быстро был восстановлен после войны. Денни указывает, что важнейшие германские судоходные компании Северо-Германский, Ллойд и Гамбург-Америкен, фактически находятся под контролем американского капитала, который в последние годы принял значительное участие в их финансировании. Известно, что за последние месяцы было создано мощное об'единение путем слияния, указанных выше, двух германских обществ. Этот новый гигантский пароходный трест, находящийся под контролем американского капитала, в свою очередь явится значительным фактором для обострения борьбы между английским и американо-германским коммерческим флотом.

Мы не будем останавливаться на последних главах книги, в которых автор дает новый и интереснейший материал относительно соперничества в области **контроля над морскими кабелями и радио**. И здесь новейшие достижения техники становятся об'ектом ожесточеннейшего соперничества между империалистами.

Перейдем к выводам, которые делает автор из всего своего анализа. Выводы эти хотя и весьма просты, но звучат весьма красноречиво:

> «Или, говорит автор, превосходство Америки будет признано Англией мирным путем, или это превосходство будет достигнуто в потоках крови... Мы были когда-то британской колонией. В свою очередь Великобритания, прежде

чем погибнуть, станет нашей колонией,—если не формально, то фактически... Если Великобритания будет достаточно глупа, чтобы вступить с нами в войну, она лишь погибнет скорее... Бот и все». (стр. 414).

Таким образом, начав свою книгу с указания на тот факт, что для избежания военных столкновений необходимо, чтобы народы Англии и Америки знали бы о существующих противоречиях, Денни кончает грозным призывом, обращенным к Англии, мирно подчиниться господству Соединенных Штатов.

Вся философия Денни проникнута той специфической психологией американской буржуазии периода «просперети», когда американский империализм считал, что экономические преимущества Соединенных Штатов над всем миром беспредельны, что богатство и мощь Соединенных Штатов будет увеличиваться все время, и, что Соединенным Штатам не грозят кризисы или депрессии, свойственные Европе. Как известно, этой теории «исключительности», кризис начавшийся осенью 1929 г., нанес непоправимый удар. Однако, этот кризис в Соединенных Штатах, которого не хочет замечать Денни, не только не снимает с порядка дня те противоречия, которые так талантливо описаны автором, но еще более углубляет их.

* * *

Борьба за рынки сбыта, за рынки приложения капитала, за морской и воздушный транспорт и т. д., за последние месяцы чрезвычайно обострилась. Лживые фразы, относительно англо-американской дружбы, которые произносились при подписании договора в Лондоне, 22 апреля 1930 г., никого обмануть не могут. Борьба между Соединенными Штатами и Англией, будет продолжаться с неменьшей силой. Если Англии удалось теперь отдалить вооруженный конфликт благодаря капитуляции перед Соединенными Штатами в области морских вооружений, то это лишь на время отдаляет неизбежность столкновений между ними. Значение книги Денни лежит в том, что он сумел вскрыть и на ярком языке фактов показать основные элементы этих англо-американских противоречий.

А. КЛОВЕЛИ.

Троцкизм под флагом борьбы за чистоту марксистско-ленинской теории.

(Брошюра П. Ташкарова и Н. Эльвова «Об одной попытке искажения марксизма и ленинизма», изд. «Московский Рабочий» 1929 г.).

Троцкизм политически разоблачен в нашей партии и защита его взглядов несовместима с пребыванием в рядах партии. Поэтому довольно трудно отыскать работу с открытой защитой политического и теоретического арсенала троцкизма. Однако, это не исключает протаскивания отдельными членами партии троцкистских идей в практической и литературной работе.

Период, прошедший после XV парт'езда, является наглядным уроком проверки контрреволюционной сущности троцкизма. Разложение троцкистских рядов, вернее, их полный развал, массовые заявления лучших из троцкистов, еще не порвавших окончательно с пролетариатом, о своих политических ошибках и желании возвратиться в ряды партии, — все это свидетельствует о полном идейном и организационном разгроме троцкизма.

Наша партия всегда боролась со всеми проявлениями оппортунизма в теории и на практике. Современный этап нашего хозяйственного строительства и обострения классовой борьбы в стране требуют особенной бдительности в деле разоблачения всех разновидностей оппортунизма. Мы вступили в самый ответственный период строительства социализма в нашей стране. Под руководством пролетариата миллионные массы бедняцко-середняцких слоев крестьянства осуществляют переделку деревни на социалистический лад, меняют быстрым темпом общественную форму производства в сельском хозяйстве. Ликвидация кулачества как класса на базе сплошной коллективизации требует, с одной стороны, решительного разоблачения правооппортунистических элементов в партии, отражающих сопротивление кулачества строительству социализма и колебания мелкобуржуазных элементов в стране, с другой — рецидивов троцкизма с его антисередняцким уклоном и утверждением о «невозможности построения социалистического общества в отдельной стране, к тому же крайне отсталой». (Троцкий. «Открытое письмо»).

События последних месяцев — «головокружение от успехов», как их охарактеризовал т. Сталин, еще раз со всей остротой ставят проблему борьбы на два фронта — против правых оппортунистов и «левых» антисередняцких перегибов с особым ударением против правого уклона как главной опасности на данном этапе. Однако, необходимо помнить, что «левые» загибы в области колхозного строительства являются важнейшим препятствием успешного социалистического переустройства сельского хозяйства. «Дело в том,—отмечает т. Сталин в своем «Ответе товарищам колхозникам»,—что ошибки «левых» загибщиков в области колхозного движения являются такими ошибками, которые создают благоприятную обстановку для усиления и укрепления правого уклона в партии».

Рецензируемая брошюра тт. Ташкарова и Эльвова «Об одной попытке искажения марксизма и ленинизма» является образцом того, как под прикрытием борьбы против искажения марксизма и ленинизма критикуется линия на-

шей партии в основных вопросах строительства социализма и протаскивается троцкистская идеология.

Непосредственным поводом к написанию рецензируемой книжки послужила задача критики ряда путанных уже отмеченных в нашей печати положений в брошюре т. Ксенофонтова «К вопросу об идейных и тактических основах большевизма». Тов. Ксенофонтов действительно наводняет литературный рынок своими «сочинениями» о ленинизме, однако, качество его работ показывает, что он больше пишет на эту тему, чем читает и изучает Ленина. Но критика ошибок Ксенофонтова — только повод для Ташкарова и Эльвова к писанию брошюры. Авторы выступили с защитой ряда троцкистско-зиновьевских положений, осужденных в свое время партией, по вопросу о построении социализма в нашей стране. Понятно, эту защиту оппозиционных идей они пытаются проделать в завуалированной форме.

Тт. Ташкаров и Эльвов не ограничились критикой ошибочных положений Ксенофонтова. В своем предисловии они хвастливо обещают дать в брошюре «разработку ряда вопросов, не получивших достаточного освещения в нашей партийной литературе» (стр. 3).

Какие же основные вопросы, мало разработанные в нашей литературе (по утверждению авторов), служат предметом их внимания?

Авторы брошюры выдвигают такие основные вопросы: 1) о законе неравномерного развития капитализма, 2) о победе социализма в одной стране. Кроме того, они довольно подробно остановились на проблеме диктатуры пролетариата и во всей работе пытались восстановить «действительное соотношение, существующее между марксизмом и ленинизмом» (стр. 19).

Как видит читатель, основные вопросы, поставленные авторами рецензируемой книжки, являются весьма актуальными — они вращаются в конечном итоге вокруг основной проблемы ленинизма, служившей предметом продолжительной дискуссии с троцкистской оппозицией: о возможности построения полного социалистического общества в СССР силами нашей страны без государственной помощи извне. Наша партия разобрала этот вопрос в свое время, опираясь на учение и прямые указания Ленина. Но тт. Ташкаров и Эльвов тащат нас назад к решенным вопросам. Свой троцкистский рецидив они выдают за научную разработку вопросов, не получивших «достаточного освещения в нашей партийной литературе».

В итоге своего «анализа» авторы утверждают, прикрываясь формальным согласием с тезисом партии о возможности победы социализма в одной стране, «что социализм как определенная социально-экономическая формация может осуществиться и одержать окончательную победу не в национальном, а только в мировом масштабе» (стр. 76; разрядка наша *Л. М.*). Ташкаров и Эльвов говорят не об отсутствии у нас гарантий от интервенций до победы пролетариата в других странах, но о невозможности построения социализма «как определенной социально-экономической формации». В крайнем случае тт. Ташкаров и Эльвов допускают победу социализма как «социально-экономической формации» в том случае, если это осуществится хотя бы «в масштабе наиболее цивилизованных европейских стран» (стр. 76).

Таков вывод наших «теоретиков» по вопросу о победе социализма в нашей стране на основе «тщательного» изучения ими проблемы и ссылок на труды Маркса, Энгельса и Ленина. Они пред'являют даже обвинение т. Ксенофонтову, утверждая, что он «все время по различным поводам прибегает к одной и той же формулировке: «победа социализма в одной стране», не раскрывая скобок, т. е. не говоря, в каком именно смысле он имеет в виду эту формулировку» (стр. 70). И чтобы помочь запутавшемуся т. Ксенофонтову стать на партийную линию (трогательная заботливость тт. Ташкарова и Эльвова), они «раскрывают скобки», раз'ясняя, как надо понимать тезис о возможности победы социализма в одной стране. «Науч-

ный» подход к проблеме позволил им, как уже видит читатель, скатиться... на теоретические и политические позиции троцкизма.

Как стоял вопрос о победе социализма в одной стране в дискуссии с троцкистско-зиновьевской оппозицией? В чем суть разногласий?

Троцкий, исходя из своих теоретических установок о невозможности построения социализма в одной стране, в 1922 г. в послесловии к брошюре «Программа мира» утверждал, что пролетарское государство, находясь в капиталистическом окружении, может бороться, чтобы отстоять себя в политическом и военном отношении, но оно не в состоянии сколько-нибудь серьезно заняться строительством социализма. Так, он писал: «Но, отстояв себя в политическом и военном смысле как государство, мы к созданию социалистического общества не пришли и даже не подошли». «Торговые переговоры с буржуазными государствами, концессии, Генуэзская конференция и пр., — продолжает Троцкий, — являются слишком ярким свидетельством невозможности изолированного социалистического строительства в национально-государственных рамках» (Собр. соч., т. III, ч. 1, стр. 92—93; разрядка наша. *Л. М.*). Отсюда следовал известный троцкистский тезис, «что подлинный под'ем социалистического хозяйства в России станет возможным только после победы пролетариата в важнейших странах Европы» (Там же, стр. 93).

Тут, следовательно, идет речь о невозможности построения социалистического общества в нашей стране и о том, что мы и не подошли к созданию этого общества. Совершенно искажается сущность Октябрьской революции, ее социалистический характер. Торговые и пр. переговоры с капиталистическими государствами (а ведь в 1930 г. мы ведем их в значительно большем масштабе, чем в 1922 г., когда Троцкий писал послесловие) являются, по Троцкому, «слишком ярким свидетельством» невозможности строительства социализма в капиталистическом окружении. Собственно к этому же по существу ведет тезис наших авторов—тт. Ташкарова и Эльвова,—что как социально-экономическая формация социализм может победить только в мировом масштабе.

По Троцкому, на политические и теоретические позиции которого стали авторы рецензируемой брошюры, в рамках нашей страны не может быть даже речи о подлинном социалистическом под'еме до победы пролетариата крупнейших капиталистических стран. Пока что нам суждено (таков логический вывод из тезиса Троцкого) двигаться черепашьим шагом. Если троцкисты утверждали о невозможности подлинного социалистического под'ема без государственной помощи победивших пролетариев в странах Запада, то правые оппортунисты, исходя из других теоретических позиций, стояли впоследствии за черепашьи темпы индустриализации. Жизнью жестоко биты правооппортунистические утверждения о непосильности взятых темпов социалистической индустриализации и троцкистские— о невозможности у нас подлинного социалистического под'ема до победы пролетариата в странах Запада.

Пролетариат СССР под руководством нашей партии развернул темпы индустриализации, невиданные в истории капиталистических государств, и фактически осуществляет боевой лозунг партии «догнать и перегнать» передовые капиталистические страны в технико-экономическом отношении. Размеры капитальных вложений в промышленность за первый и второй год пятилетки являются проверкой выполнения темпов индустриализации, намеченных партией. Лишь на-днях опубликовано решение повысить в текущем хозяйственном году размеры капитальных вложений в промышленность с 3.583,8 млн. руб. до 3.923 млн. руб. (см. «Правда» от 2/IV—30 г., № 92). Выполнение таких темпов социалистического строительства свидетельствует о подлинном социалистическом под'еме.

Как известно, зиновьевская оппозиция, сформировавшаяся первоначально на базе требования немедленных крайних мер в отношении Троцкого, вскоре беспринципно перешла на его теоретические и политические позиции. В частности тт. Зиновьев и Каменев защищали на заседании Политбюро в 1925 г. точку

зрения, что *отсталость нашей страны в технико-экономическом отношении* создает непреодолимые трудности в деле построения социализма в СССР и что нас может *спасти* только международная революция. В книге «Ленинизм» тов. Г. Зиновьев на десятках страниц обосновывает троцкистско-меньшевистский тезис о *невозможности* построения в СССР социализма без победы пролетариата хотя бы в ряде решающих капиталистических стран. То же повторил он на XV партконференции, исходя из тезиса, что у нас нет всего необходимого для построения социалистического строя. Тезис Троцкого о «невозможности изолированного социалистического строительства» повторяется в различных вариантах всеми участниками троцкистско-зиновьевского блока. К XV парт'езду децисты в своей платформе писали: «Спор идет не о гибели, а о том, сможем ли мы *без помощи более передовых стран перейти к социалистической организации производства*». (Разрядка наша. *Л. М.*). Эту же мысль выразили тт. Ташкаров и Эльвов в своем утверждении, что «социализм, как определенная социально-экономическая формация может осуществиться... только в мировом масштабе» (стр. 76).

Оппортунистическая сущность этой теории по основному вопросу о *характере* Октябрьской революции была вскрыта нашей партией. Тов. Сталин в своей речи на XV партконференции показал всю несостоятельность теоретических позиций троцкистско-зиновьевского блока и капитуляцию троцкистов перед трудностями социалистического строительства. Он доказал, что оппозиция *смешивает вопрос о возможности построения полного социалистического общества собственными силами нашей страны с вопросом о гарантии от интервенции*. Пролетариат СССР под руководством нашей партии в состоянии перестроить мелко-товарное крестьянское хозяйство на социалистический лад и ликвидировать капиталистические элементы города и деревни. Истекшие годы подлинного под'ема социалистического строительства служат этому лучшей проверкой. Но у нас нет и не может быть гарантий от интервенции, о чем Ленин неоднократно предупреждал партию. Отсюда вывод т. Сталина на партконференции: «Партия всегда исходила из того, что победа социализма в одной стране есть возможность построения социализма в этой стране, при чем эта задача *может быть разрешена силами одной страны*, полная же победа социализма есть гарантия от интервенций и реставрации, при чем эта задача может быть разрешена лишь при условии победы революции в нескольких странах» (стр. 737—738, разрядка наша *Л. М.*).

Наши авторы—тт. Ташкаров и Эльвов,—взявшиеся поправлять ошибки Ксенофонтова, раз'яснить ему «Принципы коммунизма» Энгельса («основной недостаток Ксенофонтова, — пишут авторы, — заключается в том, что он совершенно не понимает исторического значения «Принципов коммунизма» как документа», стр. 80), *целиком стали на троцкистско-зиновьевские позиции*, договорившись, как мы видели выше, до того, что как социально-экономическая формация социализм может быть построен только в международном масштабе. Иначе говоря, что собственными силами нашей страны мы не в состоянии довести до победоносного конца социалистический переворот в общественно-экономических отношениях.

Поистине надо быть троцкистом или безнадежным путаником, оторванным к тому же от нашей конкретной действительности, чтобы выступить с подобными «теориями» в период бурного под'ема социалистического строительства в городе и деревне, сознательно осуществляемого, несмотря на все трудности, миллионами трудящихся. Лозунг партии — «догнать и перегнать» передовые капиталистические страны в технико-экономическом отношении — непосредственно направлен против троцкистов с их неверием в возможность построения социализма в нашей стране и против правых в вопросе о темпе индустриализации. Он ударяет также по троцкистскому *рецидиву* тт. Ташкарова и Эльвова, утверждающих, что, как социально-экономическая формация, социализм не может быть построен в нашей

стране, так как для этого требуются усилия по крайней мере «наиболее цивилизоанных европейских стран» (стр. 76). Что же, тт. Ташкаров и Эльвов, может быть построено, если без прямой помощи победившего пролетариата Европы нельзя переделать социально-экономической формации СССР?! Что же тогда остается от ленинской теории о возможности построения социализма в одной стране, в том числе от ленинского кооперативного плана?!

Установка авторов рецензируемой книги не может иметь иного смысла, что мы без помощи победившего пролетариата Запада не в состоянии осуществить переделку мелкого крестьянского хозяйства на социалистический лад. Более откровенно эту мысль высказал Троцкий в своей последней статье. «Перспектива пролетарской революции в Европе, — пишет он, — есть никак не меньшая реальность, чем перспектива коллективизации русских крестьян. Вернее сказать, реальностью эта вторая перспектива становится только в сочетании с первой». («Пятилетка и мировая безработица»). Иначе говоря, коллективизация с. х. в СССР возможна *только* в сочетании с пролетарской революцией на Западе. Нечего еще доказывать, что подобная теория не имеет ничего общего с ленинизмом и политикой нашей партии. Преодолевая все трудности, искривления и «левые» заскоки отдельных местных партийных организаций в деле коллективизации с. х., ведя с искривлениями и заскоками *беспощадную* борьбу, разоблачая установку правых оппортунистов в деле коллективизации с. х., — наша партия будет успешно продолжать наступление по изменению общественной формы производства в деревне и его технической реконструкции. Однако, только решительное устранение антисередняцких перегибов и признание допущенных ошибок являются необходимым условием дальнейшего успешного наступления по социалистическому переустройству с. х. Противоречие между общественной формой производства в городе и на селе будет в основном ликвидировано в намеченные партией сроки. Деревня на основе политики ликвидации кулачества как класса в районах сплошной коллективизации будет переделана на социалистический лад.

Троцкистские выводы авторов рецензируемой книги по вопросу о построении социализма в нашей стране вытекают *из их антиленинского понимания закона неравномерного развития капитализма*. Как известно, именно из закона неравномерного экономического и политического развития капиталистических стран в эпоху империализма Ленин делал вывод о возможности построения социализма в одной стране. Полемизируя с Троцким по поводу его лозунга Соединенные Штаты Европы, он утверждал, что при империализме с точки зрения экономической этот лозунг либо невозможен, либо реакционен. Точно так же Ленин доказывал ошибочность лозунга Соединенные Штаты мира. «Он мог бы породить, — указывает Ленин, — *неправильное толкование о невозможности победы социализма в одной стране* и об отношении такой страны к остальным» (т. XIII, стр. 133, разрядка наша).

Далее там же Ленин пишет: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы *против* остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплоататорских классов и их государств» (стр. 133).

В отличие от домонополистического капитализма в период империализма неравномерность экономического развития капитализма чрезвычайно обострилась: она, по выражению т. Сталина, «превратилась в решающую силу империалистического развития». С другой стороны, неизбежные войны и конфликты между империалистическими хищниками за передел мира способствуют еще большему обострению противоречий капитализма и ослабляют фронт империализма. «Но неравномер-

ности экономического и политического развития, — говорит т. Сталин в заключительном слове на XV партконференции, — несравненно больше, чем прежде, и проявляется она острее, чем раньше, при чем неравномерность эта ведет обязательно и неминуемо к скачкообразности развития, ведет к тому, что отставшие в промышленном отношении страны в более или менее короткий срок перегоняют ушедшие вперед страны, что не может не создавать, таким образом, предпосылок для грандиозных империалистических войн и возможности победы социализма в одной стране». (Стенограмма XV партконференции, стр 727). Именно отсюда из особенностей неравномерного развития капитализма в период империализма Ленин делает вывод о возможности победы социализма в одной стране, т.-е. возможности построения полного социалистического общества силами нашей страны. Иначе говоря, при империализме «закон неравномерного развития, открытый Лениным, превратился в исходный пункт теории о победе социализма в отдельных странах». (Сталин, там же, стр. 431). По утверждению же тт. Ташкарова и Эльвова, «эпоха империализма и пролетарская революция не внесла в этот вопрос ничего принципиально нового» (стр. 117, разрядка наша. *Л. М.*). Совершенно очевидно, что тт. Ташкаров и Эльвов повторяют здесь троцкистские зады.

На XV партконференции т. Зиновьев, пытаясь обосновать тезис о невозможности построения социализма в СССР, вынужден был отказаться от ленинского толкования закона неравномерного развития капитализма. Полемизируя с т. Сталиным, он стал утверждать: «Неверно, что неравномерность капиталистического развития до начала империалистической эпохи была меньше» (стр. 573). В этом своем выступлении т. Зиновьев повторил оппортунистическое утверждение Троцкого на этой же партконференции, что в домонополистический капитализм неравномерность развития была больше, чем в период империализма[1]). На языке тт. Ташкарова и Эльвова эта же мысль выражена утверждением, что эпоха империлизма «не внесла в этот вопрос ничего принципиально нового».

По поводу такой апологетики новейшего капитализма Ленин в своей работе «Империализм как новейший этап капитализма» писал: «Разговоры Каутского об ультраимпериализме поощряют, между прочим, ту глубоко ошибочную и льющую воду на мельницу апологетов империализма мысль, будто господство финансового капитала ослабляет неравномерности и противоречия внутри всемирного хозяйства, тогда как на деле оно усиливает их» (т. XIII, стр 310). Ленин говорит здесь, что при господстве финансового капитала неравномерности внутри мирового капитализма усиливаются, а не ослабляются.

И несмотря на прямое высказывание Ленина, подтвержденное конкретной действительностью послевоенного капитализма (достаточно проследить хотя бы развитие англо-американского соперничества, пришедшего на смену англо-германскому), наши авторы—тт. Ташкаров и Эльвов—не находят никакой разницы в «эпохах» при решении проблемы о возможности победы социализма в одной стране. Они исходят не из конкретного капитализма, а принципов, «которые являются общезначимыми, неизменными и абсолютно верными в любой исторически конкретной обстановке» (Стр. 72; разрядка наша *Л. М.*) Поэтому они резко обрушиваются на тех товарищей, которые считают, что «ленинизм внес что-то принципиально новое по сравнению с марксизмом» (стр 129) Вслед за т. Зиновьевым и Троцким они в целом ряде мест своей книги отождествляют неравномерность развития в эпоху промышленного капитализма и империализма. «Разница в эпохах, — пишут наши горе-теоретики, — выражается здесь лишь в больших или меньших трудностях в развитии пролетарской рево-

[1]) «Капитализм, — заявил Троцкий, — несомненно, крайне неравномерно развивается и сейчас во всех странах, но в XIX столетии эта неравномерность была больше, чем в XX» (Стенограмма, стр 524).

люции в одной стране, но отнюдь не в принципиальном различии постановки вопроса» (стр. 162).

Неудивительно после этого, что тт. Ташкаров и Эльвов преподносят нам троцкистскую постановку вопроса о построении социализма в нашей стране, квалифицированную партией как социал-демократический уклон. Наши «теоретики», пытаясь восстановить «действительное соотношение, существующее между марксизмом и ленинизмом», восприняли целиком меньшевистско-троцкистскую трактовку проблемы неравномерного развития капитализма. Они механически подходят к проблеме неравномерного развития капитализма, не видят особенностей эпох Маркса-Энгельса (промышленный капитализм) и Ленина (империализм), а равно и вытекающих из этого качественно новых моментов в неравномерности развития капитализма. Поэтому они отрицают разницу в постановке вопроса о построения социализма в одной стране у Ленина и Маркса-Энгельса, не понимая, «что то, что считал Энгельс в 40-х годах прошлого столетия, в условиях домонополистического капитализма неосуществимым и невозможным для одной страны, стало осуществимым и возможным в нашей стране в условиях империализма». (XV партконференция. Сталин, стр. 721). Они ведут скрытую полемику против решений нашей партии о построении социализма и высказываний тов. Сталина. «Свое собственное теоретическое невежество», выражаясь языком авторов по адресу Ксенофонтова, в разрешении проблем неравномерного развития капитализма и построения полного социалистического общества в нашей стране, тт. Ташкаров и Эльвов пытаются выдать за марксистско-ленинскую трактовку вопроса. Нечего доказывать, что подобная идеологическая установка не может способствовать ни строительству социализма в нашей стране, ни развитию международного рабочего движения, единственно которое может разрешить противоречия между «страной социализма и странами капитализма» (Сталин).

Не повезло нашим авторам в попытках исправления ошибок т. Ксенофонтова, который «ставит на голову действительное соотношение, существующее между марксизмом и ленинизмом» (стр. 19). Тт. Ташкаров и Эльвов стали так рьяно устанавливать «действительное соотношение», что, не видя разницы в «эпохах» и неравномерности развития в период домонополистического капитализма и империализма, они отождествили постановку вопроса о построении социализма в одной стране у Ленина, с одной стороны, и Маркса-Энгельса, с другой. Они в своем смазывании роли Ленина в марксизме дошли до того, что стали утверждать, будто с действительными основами большевизма можно знакомиться только по работам Маркса-Энгельса, об'ективно противопоставляя их Ленину. «Ксенофонтов культивирует,—пишут они,—нежелание изучать и знакомиться с действительными основами «большевизма», основами, коренящимися в работах Маркса-Энгельса» (стр. 17). По Ленину, очевидно, нельзя изучать действительные основы большевизма—таков смысл постановки вопроса у тт. Ташкарова и Эльвова.

Не мало путаницы у авторов при «разработке» вопросов теории диктатуры пролетариата, которым тт. Ташкаров и Эльвов уделяют значительное внимание, пытаясь «помочь» т. Ксенофонтову. В ряде мест они подчеркивают, что «диктатуру рабочего класса осуществляет не весь рабочий класс, не поголовная организация его, а лишь его авангард» (стр. 35). Или дальше: «ее (диктатуру пролетариата. *Л. М.)* осуществляет авангард того класса (пролетариата), который находится в этом союзе, а не весь класс» (стр. 36). Совершенно верно, что наша партия, являясь авангардом рабочего класса, осуществляет диктатуру пролетариата. Но авторам надо было показать, что нельзя ставить знака равенства между диктатурой пролетариата и руководящей ролью партии. «Кто отождествляет, — пишет т. Сталин, — руководящую роль партии с диктатурой пролетариата, тот подменивает советы, государственную власть,— партией». («Вопросы ленинизма», стр. 31). Этого они не сделали, оставив без критики зиновьевскую постановку вопроса, сводящуюся к утверждению, что диктатура пролетариата есть диктатура партии.

Теоретические и политические ошибки авторов рецензируемой книги не случайны. Последующий ряд статей одного из соавторов—т. Ташкарова (мы имеем в виду его статью в «Спутнике Коммуниста» № 24 (105) и предисловие к книге «Ленин о колхозе и борьбе с кулаком») также характерен защитой давно осужденных партией троцкистских установок в вопросах хозяйственной политики.

По адресу т. Ксенофонтова авторы написали: «Вы настолько запутались в лабиринте собственного невежества и верхоглядства, что нельзя не посочувствовать вам в этом» (стр. 93). Нам остается предупредить тт. Ташкарова и Эльвова, что это обращение применимо к ним не в меньшей мере, чем к т. Ксенофонтову. Авторам следовало бы (так же как и т. Ксенофонтову) прежде, чем писать «Об одной попытке искажения марксизма и ленинизма», побольше изучать труды Маркса-Энгельса, Ленина и Сталина. Это помогло бы им очиститься от рецидивов троцкизма, так ярко выраженных в рецензируемой работе. Борьба на два фронта требует четкой, непримиримой борьбы с правой опасностью как главной и с троцкистскими и полутроцкистскими настроениями в какой бы завуалированной форме они ни подносились. Совершенно очевидно, что авторы рецензируемой книги этого «экзамена» не выдержали.

Л. МЕХЛИС.

ПОПРАВКА.

В № 7—8 на стр. 106 8-я строка снизу, в примечании опущены следующие слова, пропуск которых извратил смысл примечания. В примечании после слов: «Больше того, как я критиковал положение тов. Бухарина» должно следовать: «что нынешний этап характеризуется как антикулацкая революция и в противовес тов. Бухарину утверждал...». Вся эта часть фразы выпала из набора и потому смысл примечания получился совершенно извращенным.

Главлит № А—54785. Москва. Тираж 175.000 экз.

Типография газеты „Правда“, Тверская, 48.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

БОЛЬШЕВИК

31 МАЯ 10

1930

МОСКВА

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“